

Арвид Григулис

КОГДА
ДОЖДЬ
И ВЕТЕР
СТУЧАТ
В ОКНО

Часть вторая

СИЛЫ
ЖИЗНИ

Роман

Арвид Григулис

**КОГДА
ДОЖДЬ
И ВЕТЕР
СТУЧАТ
В ОКНО**

Арвид Григулис

**КОГДА
ДОЖДЬ
И ВЕТЕР
СТУЧАТ
В ОКНО**

Роман

Издание второе

РИГА «ЛИЕСМА» 1986

8417-44
Г 835

Акторизоааний перевод
с латышского Д. Глезера.

Художник О. Берзиньш

Григулис А.

Г 835 Когда дождь и ветер стучат в окно: Роман в 2 ч./Пер. с латыш. Д. Глезера. — 2-е изд. Р.: Лиесма, 1986.

Ч. 2: Силы жизни. — 1986. — 208 с.

Роман о событиях, происходивших в Латвии и за ее пределами с весны 1944 года до весны 1947 года. Писатель знакомит нас (на основе реальных документов — судебные дела, рассказы очевидцев, письма, дневники, мемуары и т. д.) с историей пяти латышских парней, бежавших в Швецию.

4702340200~~203~~ ос
ГМШ(Щ-8в)----- 86

я 41 744
841-7-44

© Издательство «Советский писатель», 1980
© Оформление издательство «Лиесма», 1986

Часть вторая

СИЛЫ ЖИЗНИ

Первая глава
СНОВА «ТЕНЬ САТАНЫ»

1

Воскресное утро 4 августа 1946 года на острове Готланд было туманным. Но на востоке вибрировала ровная светлая полоса — значит день выдастся хорошим.

На притихшем слитском побережье глох и равномерно зарокотал стодвадцатисильный мотор «Крейслера». Трудно было сказать, откуда именно доносится рокот. Кругом, насколько хватал глаз, — серый горизонт и почти такие же волны.

На свете немало людей предпочитают делать свои дела без свидетелей. Видимо, и те, кто запускал мотор, не зря избрали для этого столь ранний час. Моторная лодка, описав широкую дугу, выскошила из одетой в гранит бухты. На миг сверкнул бинокль поста береговой охраны, нашупал лодку, снова сверкнул — и погас. За этот миг в бинокль можно было увидеть многое. Но пути Черной Сигары — знакомого нам эстонца и его моторки — определялись весьма могущественными силами, и береговой охране было лучше этими путями не интересоваться.

«Тень сатаны» быстро оторвалась от берега и исчезла. На борту находились только два человека. Черная Сигара, как всегда, сидел на штурвале в непромокаемом плаще, окутанный водяными брызгами. Как всегда, губы его сжимали черный окурок сигары. Как всегда, устремленный вперед взгляд не выдавал ни мыслей, ни чувств.

В каюте на обитой материей скамье растянулся молодой человек. Руки заложены за голову. Фуражка с

белым верхом надвинута на глаза, на ней поблескивал герб яхт-клуба. Синий костюм ничуть не помят. Он спит из самой добротной материи. Лицо у юноши, как и полагается яхтсмену, покрыто здоровым коричневым загаром. На правой руке небольшой шрам.

Подремав с часок, юноша открыл глаза, потянулся, встал, уперся руками в потолок каюты. Теперь уже не могли обмануть ни безукоризненный спортивный костюм, ни здоровый загар. В каюте стоял сын приезжесилского рыбака Ансис Лейнасар.

После прощальной вечеринки у Джонни Валдманицы с Лейнасаром произошли большие перемены. С ним возились, как с ипподромным рысаком, которого готовят к решающему заезду. Вначале Лейнасар относился ко всему равнодушно, он еще переживал нелепую историю с Бригитой. Но постепенно он опять вернулся к действительности.

По ходу событий Лейнасар судил о том, как менялся характер целей, для которых собирались использовать его. Вначале всем распоряжался и все делал Ирена. «Таежный волк! Ха-ха! Попросту дошлый разведчик, способный в любую минуту напялить нужную маску. То таежный волк, то мелкий спекулянт, то турист, колесящий на велосипеде по всей Швеции... Зря говорят, что среди латышей нет талантов! А вообще-то Ирена парень как парень. Сын крестьянина, владельца усадьбы «Бренчи» — Лукина. Окончил Лимбажскую среднюю школу. Учился на юридическом факультете. Паэгле в разговоре о Янисе Лукине намекнул, что тот латыш только наполовину. Отец у него как будто из бельгийцев, владевших когда-то в Лимбажах суконной и фетровой фабрикой. Но Паэгле способен что угодно наговорить. Так или иначе, а в размахе Лукину не отказать. И какую кличку придумал себе! Ирена! Пробуй отгадай, кто под этой «юбкой» скрывается.

Когда Лейнасаром занимался Лукин, все было интересно, с большим размахом. Лейнасара поселили в закрытом пансионате на берегу моря. Ему не разрешалось никуда выходить. Врач ежедневно лечил руку. И вылечил. Затем к нему начали ходить разные Шмиты, высокие и низкие, тонкие и толстые. Иные говорили свободно по-немецки, а иные с акцентом; один из них знал по-немецки только несколько ругательств, а по-английски говорил так, что казалось, будто он набирает

в рот несколько слов, а затем выплевывает их. Этот учил Лейнасара стрелять из бесшумного пистолета. Был и Шмит, который обучал обращаться со взрывчаткой затяжного действия; другой Шмит учил тайнописи — составлять шифры; какой-то толстячок объяснял, как пользоваться фотоаппаратами разных систем. Порою все это утомляло, но в общем было интересно. Меньше всего к Лейнасару приставали с тем, что относилось к радио. Как-то к нему зашел худощавый, долговязый Шмит, принес с собой радио, велел передавать и принимать, потом попросил радио разобрать и снова собрать. И остался доволен. Уходя, оставил радио и посоветовал ежедневно по полчаса упражняться.

Затем все вдруг изменилось. Пришел Ирена, мрачный, неразговорчивый. Достал из кармана фотографию и положил ее перед Лейнасаром.

— Узнаешь?

— Водку вместе не пили, но когда-то мы с ним поцарапались.

— Из-за чего?

— Из-за того, что лодку не давал. Он тогда к Гинтнеру примазался, вроде правой руки у него был.

— Ты узнал бы его- при любых обстоятельствах?

— Даже если бы нашел под кроватью с приkleенным бородой.

Лукин ничего больше не сказал, спрятал фотографию и ушел. Чудак! Неужели он, Лейнаsar, не узнает инженера-строителя Карнитиса?

С того дня все Шмиты куда-то пропали. Около недели Лейнаsar бездельничал. Затем опять явился Ирена. Дал тысячу четыреста крон, членский билет какого-то яхт-клуба и удостоверение тренера по парусному и водно-моторному спорту.

— Можешь теперь какое-то время красиво пожить. Сшей хороший спортивный костюм, но деньгами не сори. Не скоро ты их снова получишь. О том, что делал тут, никому ни слова. Повертись среди латышей. Сходи в комитет, оставь свой адрес. Ведь где-то ты жить будешь.

— К Силинию?

— Силиния там уже нет. Он теперь торчит за прилавком книжного магазина.

— В немилость попал?

— Да, хозяева недовольны. Перевел много денег,

а толку никакого. На его промахах и ты кое-чему научиться можешь.

Лейнасар зажил праздной жизнью. Снял квартиру, спил костюм. Слонялся без дела, ходил купаться в компании таких же бездельников, как он сам,— латышей и эстонцев, существовавших неизвестно на какие средства.

Лейнасару начинало казаться, что на его долю выпал крупный выигрыш и красивой жизни не будет конца. У него даже появилось какое-то барское самодовольство. Он начал с презрением относиться к тем, кто гонялся за кронами и эре.

Но не зря оставил он в комитете свой адрес. Как-то в середине июля Лейнасар поздно вечером возвращался домой. Наконец ему удалось уговорить белокурую скрипачку из кафе зайти к нему посидеть и поболтать о жизни. Уцепившись за руку Лейнасара, она без умолку щебетала.

По лестнице навстречу парочке спускался какой-то толстяк. Лейнасар отступил в сторону, чтобы пропустить его. Но толстяк остановился, приподняв шляпу.

— Добрый вечер, господин Лейнасар, — проговорил он по-латышски.

— Вечер добрый.

— Я уже несколько часов жду вас.

— Могли не ждать.

— Я пастор Свикис. Мне обязательно нужно поговорить с вами.

Лейнасар и так видел, кто перед ним.

— Тогда завтра приходите.

— А сейчас никак нельзя? Самим господом богом заведено...

— Разве вы не видите, что я занят?

Свикис уступил, обещав явиться утром, ровно в десять. Но тут Лейнасар увидел, что остался один. Скрипачка, испугавшись Свикиса, исчезла. Излив на пастора поток проклятий, Лейнасар поднялся к себе и один распил бутылку вина, предназначавшуюся на двоих.

Утром, ровно в десять, явился Свикис. Лейнасар со злорадством думал, что Свикис пришел за пожертвованиями. С каким удовольствием он спустит этого крохобора с лестницы.

Но Лейнасару не пришлось испытать этого удовольствия. Свикис заговорил о другом: он слышал о герой-

ме Лейнасара. Он вправе говорить от имени многих лютеранских пасторов, и шведских, и латышских. У каждого священнослужителя сердце обливается кровью при мысли о том, в каком положении очутились лютеранская церковь и все верующие Латвии. Если б нашелся смельчак, который не побоялся съездить туда и собрать сведения о положении церкви в Латвии, то слуги божьи не поскупились бы. Он, Свикис, считает, что сумма в десять тысяч крон не была бы чересчур большой наградой.

Лейнасар слушал и молчал. Он еще не уяснил себе, кто перед ним. Видимо, Свикис почувствовал сомнения Лейнасара и, все еще улыбаясь, предложил сейчас же поехать с ним, чтобы поговорить конкретно с человеком, которого якобы очень интересует этот вопрос.

Лейнасар согласился.

Лейнасар удивился еще больше, когда машина остановилась у того самого дома, где он встречался с доцентом Зандбергом и доктором Гофом. Когда Свикис учтиво постучался в дверь уже знакомого кабинета, Лейнасар решил, что сейчас снова окажется лицом к лицу с одним из них. Но он ошибся. За письменным столом сидел типичный сухощавый швед. «Лет сорока пяти*,— подумал Лейнасар. Он окончательно растерялся, когда швед, встав, заговорил по-латышски, с едва заметным немецким акцентом.

— Прошу, прошу, а господин Свикис подождет.

Свикис исчез. Швед вышел из-за письменного стола и сказал:

— Моя фамилия Троцик. Если не ошибаюсь, вы — господин Лейнасар?

Лейнасару хотелось сплюнуть. Опять ему на шею сели старые хозяева, от которых он до сих пор ничего хорошего не видел. Кто-то без его ведома запродал его шкуру, на сей раз — старому хозяину.

♦ А может, все они — одна шайка», — подумал Лейнасар.

Троцик оказался человеком деловым. Он сразу без обиняков заявил, что относительно Лейнасара были особые планы, но обстановка изменилась. Возникла необходимость выполнить одно задание, и кандидатура Лейнасара тут по всем соображениям оказалась наиболее подходящей.

Около года назад в Латвию послана хорошо осна-

щенная группа из четырех человек во главе с инженером-строителем Карнитисом. Свободному миру необходима точная информация о том, что делается за «железным занавесом». Но, к сожалению, группа эта пропала без вести. Радиосвязи нет. С таким положением ни шведская разведывательная служба, ни ее друзья — американцы и англичане — мириться не могут. Особен-но это не по душе американцам и англичанам.

— А какое я имею ко всему этому отношение? — спросил Лейнасар.

— Это вы увидите. В ближайшее время вы должны переправиться в Латвию, установить радиосвязь с центром на Готланде, собрать информацию о судьбе группы Карнитиса и доложить нам.

Лейнасар медлил с ответом. Троцик ждал.

Что Лейнасар мог ответить? Ему приказывали.

— Ну, а что, если группы Карнитиса уже нет? Карнитис поехал ведь не салаку коптить...

Троцик поморщился. Последняя реплика ему не понравилась. Но он выслушал Лейнасара с начальнической снисходительностью.

— Когда имеешь дело с коммунистами, не исключена и такая возможность. Мы это предвидели. В случае, если ЧК парализовала группу Карнитиса, вам предоставляется свобода действий.

— Что значит «свобода действий»?

— Вы будете собирать сведения, передавать их в наш центр. Это — во-первых. Организуете свою группу и заставите ее действовать — это во-вторых. И в-третьих, — вас достаточно долго готовили к крупному делу. Кроме того, накануне отъезда вы получите более подробные указания.

— От кого?

— Настанет время, узнаете.

— Руководить будете вы?

— Видите... дело в международном отношении очень сложное...

— Волков бояться — в лес неходить. Есть, кажется, такая пословица.

— Возможно, я не специалист по международному фольклору. Но если вы хотите остаться при этом сравнении, то волков одолевает тот, кто умеет их обойти и напасть сзади.

— Как это в данном случае понимать?

— Видите ли... если у группы Карнитиса и были, так сказать... международные задачи, то организационно она была связана с латышскими эмигрантскими кругами.

— Только?

— Почему — только? Важна непосредственная организационная сторона. Вам нравится фольклор. Говорят же: своя рубашка ближе к телу,— публике больше нравится, когда латыши борются за Латвию, ирландцы — за Ирландию, шведы — за Швецию.

— Какое дело до этого публике?

— Прошли старые добрые времена. Теперь люди суются и туда, куда их вовсе не просят, тем более в такой демократической стране, как наша Швеция.

— Я начинаю вас понимать. >

— Очень мило. Итак, поскольку группа Карнитиса организационно была связана с латышскими эмигрантскими кругами, то, по-моему, а также по мнению моих друзей, будет правильнее, если и ваша поездка организационно будет связана с латышскими эмигрантскими кругами. Разумеется, мы поможем.

— Кто будет руководить этим?

— Скажем, господин пастор Свикис.

— А Ирена?

— Если потребуется, будет и Ирена. Но Ирену мы постараемся беспокоить как можно меньше. У него не одно это задание. Кроме того, рядом с вами всегда будет находиться капитан Иогансон. Знаете его?

— И как еще!

— Думаю, он искренний друг латышей.

— Кто будет руководить радиосвязью непосредственно из центра?

— Герцог Екаб.

— Аринь ведь работает в садоводстве на Готланде, где-то около Висбю. Он что, в Стокгольм перебрался?

— Почему? В нашей работе неплохо сохранять романтику. Разве не приятнее работать на рации среди огурцов и помидоров, в теплице, чем на душной стокгольмской квартире?

Лейнасару нечего было возразить. Он понимал, что все уже давно взвешено и продумано. Его интересовал только еще один вопрос.

— Я буду руководить группой?

— Нет.

— Войду в какую-нибудь группу?

— Нет. Вы поедете один. Будете сами себе господином и, если вы организуете группу, будете господином этой группы. А когда мы привезем вас обратно, то будете и тут господином. А ведь быть господином приятно, не правда ли?

Троцик улыбнулся, взглянул с видом занятого человека на часы и встал.

— Мне кажется, господин Лейнасар, что в основном мы с вами договорились. А теперь продолжайте жить в свое удовольствие. Маленькая скрипачка, наверное, соскучилась. Придет время, мы известим вас.

«Договорились...» — зло ухмыльнулся про себя Лейнасар.

Троцик опустил протянутую руку. Видимо, не все еще было сказано.

— Чуть не позабыл...

Лейнасару пришлось убрать свою руку. Он довольно неуклюже запихнул ее в карман. Что еще?

— У наших друзей есть сведения, правда еще не проверенные, что в Латвии имеются люди, очень нуждающиеся в помощи из-за границы.

— Разве в этой помощи не нуждается весь латышский народ?

— Это другой вопрос, господин Лейнасар. В данном случае я говорю об определенной группе людей, вернее, о нескольких группах, которые сегодня активно выступают против советской власти.

Лейнасар молчал.

— Есть сведения, — продолжал Троцик, — что не все латыши, служившие в немецкой армии, сложили после капитуляции оружие и отправились в фильтрационные центры.

— Думаю, что кое-кому было бы не очень удобно явиться туда.

— Теперь, господин Лейнасар, нас это не касается. Ведь неважно, какой поток льет воду на мельницу, важно, чтобы жернова делали свою работу. И вот люди эти, вместе с некоторыми штатскими, ушли в курземские леса. Вполне понятно, что вначале они недостатка в оружии не испытывали. Какие они проводят акции, нам конкретно не известно, но не думаю, чтоб они ходили по грибы и ягоды или собирали орехи.

Троцик усмехнулся, ему показалось, что он удачно сострил. Лейнасар не рассмеялся, и Троцик продолжал:

— Некоторые центры перехватили несколько неясных и трудно поддающихся расшифровке сигналов. В последнее время их, правда, стало меньше. Есть основания полагать, что сигналы эти идут из курземских лесов, но пока мы еще воздерживаемся и не отвечаем.

— Можно мне знать почему?

— Все слишком неясно, не исключена провокация.

Лейнасар усмехнулся. Ему хотелось повторить пословицу о волках, но он сдержался.

— К сожалению, ЧК хитрее, чем мы иногда полагаем.

— Но разве это основание, чтобы впадать в другую крайность?

— Ваш оптимизм мне нравится. Он подтверждает, что мы в своем выборе не ошиблись. Я был бы рад, если бы вы оказались правы. Очень скоро вы получите возможность воочию убедиться в том, о чём мы только догадываемся.

— Если такие группы в лесах на самом деле существуют, то каковы мои обязанности?

— Установить с ними связь, помогать им, снабжать центр точной информацией. Естественно, что потом надо будет наладить регулярную прямую связь с руководителями групп или созданным ими центром. Ясно?

— Ясно.

На этот раз Троцик не убрал протянутой руки.

Разговор состоялся две недели назад, и теперь Лейнасар сидел на «Тени сатаны» и плыл туда, куда его послали хозяева.

2

Ансис Лейнасар, действовавший в Курзeme под кличкой Роби и превратившийся теперь, по указанию капитана Иогансона, в Рича, снова потянулся, еще раз уперся руками в потолок каюты и, наклонившись, посмотрел на море. Вода под самым иллюминатором колыхалась равномерно. Видимо, Черная Сигара убавил скорость. Значит, они были уже далеко от берега. Торопиться некуда. Так или иначе где-нибудь еще придется покачаться на волнах. До ночи далеко.

Лейнасар открыл дверь каюты. В лицо ударили ветер. Лейнасар увидел забавную картину и громко рассмеялся. Черная Сигара поднялся, чтобы достать из кармана новую сигару. Ветер задрал полы коричневого плаща, открыв кривые, обтянутые узкими брюками ноги. Шальность ветра напомнила Лейнасару аттракционы Стокгольмского народного парка. Один был особенно веселым. Посетители проходили по воздушному мосту — своеобразной решетке. Под ней вентиляторы поднимали сильный ветер. С мужчин ветер срывал шляпы, а женщинам задирал на головы платья. Девицы, изображая испуг, визжали, тщетно пытаясь кое-как прикрыться. Рядом с «ветреным мостом» находилась касса, вокруг которой постоянно толпились люди. Они стояли, закинув головы, и от души хохотали.

Возможно, что Черная Сигара и не слышал смеха Лейнасара, но он увидел насмешливое выражение его лица. На миг он совладал со своим плащом и так посмотрел на Лейнасара, что тот поспешно ретировался, захлопнув за собою дверь каюты.

Уже давно Лейнасар никому не доверял. Только недолго — Бригите, но и она оказалась под стать всей этой эмигрантской шатии. Каждый только и норовил урвать что-нибудь для себя. Если некоторые иногда и держались вместе, то только потому, что ими руководил инстинкт, который заставляет волков держаться стаями, чтобы в стужу и выногу лучше уберечь свою жизнь. Только свою. Если они с Черной Сигарой сидят в одной лодке и как бы участвуют в общей игре, то опять все из того же волчьего инстинкта. А если между ними возникнет какое-нибудь противоречие, то сразу вступит в силу волчий закон: сильный перегрызает горло слабому и идет своей дорогой.

Лейнасар чувствовал, что на этот раз Черная Сигара сильней.

Лейнасар опять прилег на скамью. От досады и злости захотелось есть. Вопреки наставлениям капитана Иогансона, он перед отъездом ничего не ел. В горле будто комок застрял. Лейнасар с трудом проглотил несколько противных таблеток. И то лишь потому, что ему было строго-настрого наказано это сделать.

Теперь он лениво нащупал рукой сумки, которые должен был взять с собой на берег. Одну он понесет на спине, другую — в руке. Все предусмотрено, чтобы он

мог перемещаться без посторонней помощи. Не зря сам Лукин делал. В ручной сумке — рация и батареи. И то и другое для него дороже всего. Они не должны испортиться или потеряться ни при каких обстоятельствах. Рация и батарея так упакованы, что могут продолжительное время пролежать и под водой. В рюкзаке несколько десятков плиток специального шоколада, бутылка прохладительного напитка и коробка с теми же таблетками — для тонуса, которые Лейнасар должен был попробовать перед выездом. Питание, по мнению специалистов, вполне достаточное на четверо суток. Кроме того, два пистолета. Один средний браунинг, другой — бесшумный. К ним патроны, которые занимают больше всего места. Еще в сумке десять тысяч рублей. Советскими деньгами. Оборотный капитал. Белке наконец дали кучу орешков, но грызть их она сможет только в чужом лесу. Потом еще початая пачка папирос с крепким советским «Казбеком». В нижнем ряду в третьей папироше справа спрятана тончайшая бумагка, на которой написана инструкция. Она, в сущности, не предусматривает всей деятельности. В ней только самым подробным образом перечислено, какие сведения следует собирать и передавать в центр. Лейнасар безусловно мог бы заучить все наизусть, но тогда у него была бы возможность оправдаться тем, что он кое-что забыл. А это недопустимо. Поэтому в сумке некурящего оказались папиросы. Еще там были два фотоаппарата. Карандаш с адресами на папиросной бумаге, вложенной вместо вынутого графитного стержня. Вот и все богатство Анисса Лейнасара. Все остальное зависит от него самого. Так его учили все Шмиты, Ирена, Иогансон. Документов не дали никаких. О них было много разговоров. Обещали кое-что достать. Но так и не достали. Добраться к советским документам не так-то просто. Возможно, на месте будет легче. Но Лейнасару это было не по душе.

На другой скамье в каюте Лейнасар нашел термос с кофе и несколько бутербродов. Поел, хотел выйти на палубу, но, вспомнив сцену с Черной Сигарой, остался в каюте. От чего делать достал тетрадку с инструкцией и записную книжку. Уже сотни раз он зубрил наизусть оба шифра. В лодке еще разрешалось упражняться. Потом Черная Сигара отвезет все это капитану Иогансону.

Заучивая ключ шифра, Лейнасар наконец утомился. Бросил все на скамью, лег и уснул. Он спал долго. Его разбудили три тяжелых удара в дверь каюты.

Лейнасар вскочил. Посмотрел через стекло иллюминатора на волны, на небо. Солнце опустилось к горизонту.

Лейнасар переоделся. Шикарный спортивный костюм, фуражка с гербом, туфли, белье, даже носки — все это исчезло в корзине, стоявшей в углу каюты. Лейнасар надел принесенное Свикисом платье какого-то эмигранта. Серые поношенные брюки, коричневая куртка на «молнии», серая полосатая кепка, сбитые туфли со стоптанными каблуками. От элегантного яхтсмена ничего не осталось. В каюте стоял бедно одетый человек неопределенной профессии, неопределенной среды. Это мог быть деревенский парень, житель маленького городка или рижанин, не обращающий внимания на свой внешний вид. В каюте стоял Рич.

3

После долгих мудрствований Лукин с Лейнасаром разработали план высадки. Черной Сигаре план не понравился, но его и слушать не стали.

В день выезда с наступлением сумерек следовало достичь курземского берега. Ночью пройти через Ирбенский пролив, мимо Колки. Весь следующий день надо было проболтаться на волнах Рижского залива, а ночью 5 августа высадиться в районе поселка Приежусилс, лучше всего — вблизи приежусилской рыбачкой пристани.

Было бы куда проще высадиться на курземском побережье, но Троцик, утверждая план, уверял, что, по имеющимся у него сведениям, это почти невозможно: курземское побережье усиленно охраняется как внешняя граница Советского Союза.

Кроме того, Приежусилс привлекал тем, что Лейнасар надеялся там найти первую базу для своей деятельности.

Через Ирбенский пролив проскочить нетрудно. Самым неприятным был день 5 августа, который предстояло протомиться в бездействии, излишне рискуя в заливе. Особенно это трепало нервы Черной Сигаре. Троцик считал, что под прикрытием острова Роню и при силь-

ном ветре, который предвиделся в этом районе 5 августа, небольшая лодка не вызовет особых подозрений. Если их и обнаружат, то примут за рыбаков. Поэтому с борта «Тени сатаны» сняли медную надпись, а саму лодку перекрасили в черный цвет, и она стала похожа на просмоленную рыбакскую моторку. На палубу накидали сетей и переметов для угрей.

Действовать иначе разрешалось только в особых случаях, исходя из конкретной обстановки.

Переодевшись, Лейнасар вышел на палубу. Черная Сигара притворился, что не видит его. Случайная безмолвная стычка, казалось, была забыта.

Уже стемнело, когда Черная Сигара и Лейнасар одновременно увидели вдали синеватую полоску суши и сверкающие огни маяка.

— Овиши! — бросил Черная Сигара.

— Да, Овиши,— подтвердил Лейнасар.

На этот раз ошибки, как тогда, когда они шли в Курземе вместе с Силинем, быть не могло. Об этом позаботился Ирена. В Слите он разыскал старого капитана, который научил обоих ориентироваться в огнях курземского побережья, особенно в огнях маяков Ирбенского пролива. А также опознавать другие прибрежные ориентиры. Теперь они могли отличить огни Ужавы от огней Овишней, Микелей, обоих маяков Колки или же Сервского (Церельского) маяка на Сааремаа.

Черная Сигара повернулся на север и, описав дугу, отошел в море, стараясь держаться на таком расстоянии, чтобы в отличный цейсовский бинокль все время были видны прибрежная полоса и береговые сигнальные огни. Полная темнота поглотила полосу суши. Единственным ориентиром были теперь огни.

Лейнасар и Черная Сигара заметили в северном направлении переменчивый огонь — то очень яркий, то потусклее. Когда они подошли поближе, огонь разделился на две световые точки. Мигали оба маяка Колки. Вот почему вспышки казались такими частыми. Каждую третью секунду на воду падала яркая полоса света. Второй маяк в нескольких километрах от берега, в конце Колской мели, вспыхивал реже, каждые двадцать секунд.

Лейнасар еще с детства знал, что от мыса Колки до острова Сааремаа меньше тридцати километров. Как раз здесь и начинались для них самые большие трудно-

сти. Чтобы незамеченными проскочить через пролив, надо было найти такую зону, которая просматривается хуже всего как с одной, так и с другой стороны. Тут мог помочь только долголетний опыт Черной Сигары.

«Тень сатаны» еще раз описала дугу в северном направлении и на предельной скорости кинулась прямо на восток.

Черная Сигара выплюнул изжеванный окурок, и его тонкие губы забормотали что-то невнятное. Может быть, эстонец шептал молитву или какие-нибудь заклинания суеверных моряков, а может, изрекал проклятия? Впервые Лейнасар видел его столько времени без вонючей жвачки во рту! По одному этому Лейнасар понял, что теперь решается судьба. Он провел рукой по влажному от пота лбу. Проскочат или не проскочат? Через миг Черная Сигара и Лейнасар втянули головы в воротники и припали к настилу лодки, словно по ним выстрелили. С мыса Колки метнулся длинный яркий луч света и скользнул по лодке. Эстонец взмыл. Лейнасар обмер. Значит, их засекли! На кой черт они полезли в эту петлю? На кой черт?

Брошенный прожектором сноп света с минуту пропретал на месте, а затем медленно переместился влево. Лодки он коснулся только на несколько секунд. «Тень сатаны» рванулась и опять нырнула в темноту.

4

В Рижском заливе Черная Сигара чувствовал себя как дома, особенно на эстонской стороне. «Тень сатаны» повернула в сторону Пярну. Когда лодка — по приблизительным расчетам — находилась северо-восточнее острова Роню, Черная Сигара сбавил ход. Лодка едва двигалась. Черная Сигара встал, выпрямился, коротко усмехнулся. Только теперь он достал новую сигару, не зажигая, сунул в зубы и принялся сосать ее.

Чтобы до рассвета не менять позиции, лодка медленно двигалась по кругу. Черная Сигара вынес из каюты на палубу все узлы, корзину со спортивным костюмом. Посмотрел исподлобья на Лейнасара и буркнул:

— Увидишь лодку, кинь все за борт. Курса не менять. Скорости не увеличивать. — Пошатываясь, он вошел в каюту, повалился на скамейку и тут же заснул.

Лейнасар всю ночь был на посту. Лодка скользила

по небольшому кругу. Волна была равномерная. Мрак непроглядный. Самая подходящая ночь, чтобы ловить угрей. Именно в такие ночи когда-то сын приежусилского рыбака Ансис Лейнасар брал самые богатые уловы. Может быть, угри водятся тут и теперь, но нет больше Ансиса. В чужой лодке сидит чужой, прибывший по заданию чужих хозяев, и в черную ночь думает черные думы. Сумбурны и обрывисты его мысли. И ему кажется, что существуют два Ансиса Лейнасара. Тот, который когда-то ловил в этом же заливе угрей, строил радиоприемники и думал о жизни в Риге. И другой Ансис Лейнасар, который кружит теперь на лодке северо-восточнее острова Роню, вслушивается в ночной гул и ждет утра.

Утро рассвело в тумане, перешедшем в дождь. Черный цвет сменился серым. Волна стала круче. В этой серости они, пожалуй, в самом деле благополучно переждут день.

Черная Сигара вышел из каюты совсем заспанный, с дымящейся сигарой в зубах. Посмотрев на компас и на летящих чаек, он прибавил скорости и взял нужный курс. Когда вдали показалась едва заметная полоска суши, он выключил мотор:

— Рухну.

Весь день «Тень сатаны» качалась на волнах, держа в поле зрения темно-синюю дымку. Ее нельзя было терять из виду, а приблизиться к ней они не смели.

Стai чаек над островом были верным ориентиром.

Наступила долгожданная ночь, такая же темная, как предыдущая. Было около часа ночи, когда «Тень сатаны» быстро пошла в сторону Приежусилса. Возникло темное очертание прибрежного леса, и Лейнасар стал рядом с Черной Сигарой, жестами регулируя направление лодки.

Вот и мол рыбакской пристани; одинокий и тихий, он уходил в море. Ни в конце мола, ни на берегу — никаких огней. Трудовая жизнь здесь затихла, никому и в голову не придет, что сюда крадется человек, которого выняничило это тихое побережье и который теперь стал его злейшим врагом.

Лейнасар порывисто вскидывает на плечи одну сумку и, взяв в руки другую, готовится к прыжку. «Тень сатаны», словно ее хлестнули кнутом, бросается вперед. Борт ее скользит вдоль мола. Лодка на миг замедляет

ход. Лейнасар прыгает, ощущает встречный удар мола и остается неподвижно лежать на камнях. А мотор уже работает на полную мощь, лодка так резко поворачивает, что кажется, вот-вот перевернется. Выровнявшись, она так же мгновенно исчезает в темноте, как только что вынырнула из нее.

Настоящая тень сатаны — мелькнула и растворилась.

В эту же ночь Черная Сигара еще раз, никем не замеченный, прошел Ирбенский пролив.

Вторая глава

ОТЕЦ И СЫН

1

Вечером 5 августа приежусиллский рыбак Фрицис Лейнасар торчал дома один. Лайма, вернувшись после работы с рыбозавода, сразу же убежала в школу, на репетицию драмкружка. До двух-трех часов ночи ее дома и не жди. Нет у девчонки лейнасаровского спокойствия. Да и сам старик сегодня неспокоен. Расстроился из-за политики, которой всегда так чурался. Никакой охоты у него вчера не было в контору завода идти. Собрание, как всегда, обошлось бы и без него. Но Буллис пристал. «Сходим, Фрицис,— говорит,— послушаем, что новая пятилетка навалит на нас. Лучше, может, подыскать себе работенку полегче — на лесозаводе или в другом месте. А после собрания, гляди, еще танцы будут, с выпивкой и закуской».

А на самом деле: ни танцев, ни выпивки — одни огорчения да неприятности. Директор завода Скурбе говорил о задачах рыбаков: в 1950 году улов должен достичь 20 000 тонн. В 1948 году на рыбозаводе полностью возобновится производство шпрот и кильки, обновится рыболовный флот. Приежусиллские рыбаки тоже должны работать лучше, чем до сих пор. Вот тебе и раз! Лучше работать? Всю жизнь ходил в море, а теперь тебя учат, как работать. Пускай Скурбе пример покажет. Только дунет ветерок — у него весло из рук валится или мотор глохнет. Буллис так и сказал, и он, старый, бывалый рыбак, Буллиса поддержал, — да как не поддержать, хотя бы за самогон, которым Буллис угос-

тил его перед собранием. Боже, что после этого было!.. Спекулянтам тайком рыбу сбывают! Водку хлещут! Только в полдень в море выходят! Больше всего от молодых досталось. Его же Лайма Буллису чуть глаза не выцарапала. Прямо бежать пришлось оттуда.

Потом еще раз к Буллису зашел, чтобы залить обиду. А с Буллиса что с гуся вода, сплюнул, и все. «Если нет на всем свете порядка, откуда возьмется он в Приежусилсе?» — сказал Буллис и выложил на стол целую кипу газет. Оказалось, он выписывает «Циню». Вот уже много дней газеты полны сообщений о Нюрнбергском процессе. Каких людей судят! С первого августа начали печатать заключительную речь главного обвинителя от СССР Руденко. Когда Лейнасар стал приставать с вопросами, Буллис дал ему пачку газет: на, сам почитай.

И вот он, старый Лейнасар, в понедельник после обеда и весь вечер над политикой просидел. Нелегко это — чтение не очень давалось Лейнасару. Да еще новая орфография!

Про Нюрнбергский процесс Лейнасар прочитал все, от корки до корки. Читал и вздыхал. Особенно над речью Руденко. И о ком только не говорил прокурор: о Геринге, Гессе, Бормане, Риббентропе, Кейтеле, Йодле, Кальтенбруннере, Розенберге... И ни одного доброго слова.

«О господи, господи! Буллис и в самом деле прав, что из-за каких-то речей директора завода Скурбе волноваться не стоит!»

Стемнело. Лейнасар зажег керосиновую лампу с отбитым стеклом. Скоро и она не нужна будет. В поселке проводят электричество. Завод и школа давно залиты светом.

Чтение продвигалось еще медленнее, но стариk не сдавался. Долго он корпел над отчетом о республиканском собрании крестьян, а затем перешел к продолжению романа Вилиса Лациса «Буря». От мрачных и смутных мыслей сделалось тяжело на сердце. Очень хотелось верить в старое, но новое рвалось во все щели.

Скрипя и захлебываясь, стенные часы пробили двенадцать, но старый Лейнасар не сдавался. Сон все равно не шел. За окном гремело море. Углы комнаты тонули во мраке. Посередине — ворох дырявых сетей. Из-за политики этой за весь день и пальцем до них не

коснулся. Уже начали глаза болеть. На дворе сердито залаяла собака. Кто же это там, на ночь глядя? Собака дружелюбно заскулила и умолкла. Лайма вернулась? Нет, должно быть, прохожий какой-нибудь. И старый Лейнасар продолжал одолевать строку за строкой.

Вдруг поток воздуха дернул пламя, из лампового стекла вырвалась копоть. Через мгновение пламя успокоилось.

Старый Лейнасар не слышал, как открылась дверь, но понял: в комнату кто-то вошел. Он неторопливо поднял на лоб очки и медленно обернулся. В темноте у дверей стоял человек высокого роста. Старик видел, что это не Буллис или кто-нибудь из соседей. Пришел чужой. Старик не испугался, но с появлением незнакомца стало как-то тревожно на душе. Незнакомец все еще молчал.

— Добрый вечер,— вдруг глуховато проговорил он.

Голос был чужой. Старик не ответил, только приподнялся, вытянул вперед жилистую шею и пристальнее всмотрелся в темноту.

— Отец, в самом деле не узнаешь?

— Ансис, ты?

Отец и сын шагнули друг к другу и сошлись на том месте, где круг света граничил с темнотой. Словно желая убедиться, не ошибся ли он, старый Лейнасар ухватился обеими руками за плечи Ансиса.

— А мы думали, что тебя уже нет в живых. Так долго ничего не слыхали о тебе...

— Как видишь, жив и здоров. Ну, так еще раз — добрый вечер, отец.

— Иди, иди на свет. Садись. Дай посмотреть на тебя. Похудел как!

— И старше стал.

— Может быть, и старше. От войны не помолодеешь. И мне скоро на покой пора, вот и хорошо, что вернулся. Садись. В легионе был, что ли? Теперь многие оттуда возвращаются.

Лейнасар внимательно оглядел комнату. Посмотрел в черное окно. Стянул с кровати одеяло и повесил на торчавшие по обе стороны окна ржавые гвозди.

Отец следил за сыном, ничего не понимая.

— Сюда никто заглядывать не станет, и прятать нам нечего. Мы не богаты какие-нибудь. И то добро, что было, понемногу растаяло.

Ансис сел на стул и вывернул фитиль лампы.

— Времени у меня, отец, мало. Мне нужно спрятаться. Можно мне остаться у тебя на несколько дней, и чтоб никто...

— Ты удрал? Но разве это нужно было? Говорят, что скоро все легионеры дома будут.

— Я не удрал, я прибыл.

— Откуда, коли скрываться должен?

— Из-за моря. Помнишь, ты говорил когда-то, что Балтийское море — лужа и можно ее перейти вброд? Вот я и перешел.

Старик отступил на шаг:

— Из-за моря?..

— Да, из-за моря.

— Тайно?

— А ты думаешь, меня пригласили родные места посмотреть?

— Когда прибыл?

— Только что.

— А лодка?

— Ушла назад. Хорошо, что у вас мол ночью не освещается.

— Когда все лодки дома, свет гасят. Электричество экономят. Только недавно провели.

— Рыбакам тоже?

— И рыбакам. У большинства уже есть. Нам обещали через неделю. Пока у нас только полуколхоз, рыболовецким кооперативным обществом называется. Его на третий день, как немцев прогнали, создавать начали. Разрушенный завод восстановили и еще крыло пристроили. Есть план улова, его делят между бригадами, а в бригаде — между лодками. Все так связаны друг с другом, что никуда не ускользнешь.

— Найдется, куда ускользнуть. Мы позаботимся об этом.

— Вы?

— Для этого я и прибыл. Вернем жизнь на старую колею.

— Навряд ли. Вон глянь, что в газетах о Нюрнбергском процессе пишут. Каких больших людей перевешивать хотят.

— Глупости. Теперь большие люди не в Нюрнберге.

— Может быть, может быть... А у нас все как шальные за красными побежали. Даже Лайма...

— Ничего. Меня послали Америка, Англия, Швеция — большой мир. Скоро ты опять в большую трубу затрубишь.

— Да что обо мне говорить. Я-то охотно к старому воротился бы. Но другие...

— Многие так, как ты, думают?

— Мало. Те, что побогаче, с немцами удрали. Один Буллис остался. А другие сами хозяевами себя почувствовали.

— Ничего, люди за ум возьмутся. Ну как, устроишь меня?

— Как-нибудь устрою.

Только после того как старый Лейнасар вместе с сыном вынес из крапивы возле колодца обе сумки, втащил на сеновал и спрятал в сене, он понял, что произошло. Сын решил с сказать отцу, что в одной из сумок рация. Пускай осторожнее поднимается к нему по приставной лестнице.

Решили, что Ансису лучше всего устроиться на сеновале, в свежем сене. Снаружи туда не залезть — верхний люк заложен. На сеновал попасть можно только изнутри. Лестница убирается. За войну обитателей в хлеву стало меньше. Остались корова, три овцы да поросенок. Когда Лайма ушла работать на завод, они договорились со старушкой соседкой, и та присматривает за скотиной. Полуслепая и полуглухая старуха ничего не заметит. От Лаймы, по возможности, попытаются скрыть, очень доверять ей не следует. Новым воздухом отравилась. А если она все-таки разнюхает что-нибудь, то скажут ей, что брат удрал из лагеря для легионеров и что об этом надо молчать, пока он сам о себе не заявит куда следует и все уладится. Неужто не уговорят? Девушка она добрая, да и брата так давно не видала.

Когда сын кое-как устроился, отец вернулся в дом за одеялом и едой. На минуту он уселся на крылечке, чтобы разобраться в нахлынувших вдруг противоречивых чувствах и мыслях.

Прежде всего он испытал чувство страха. Радио... заграница... тайные сведения и черт знает что еще. Все это не шутка. Поймают — беды не оберешься.

Но, с другой стороны, появилась какая-то надежда. Может быть, сын на самом деле крупный представитель больших заморских государств. Вот будет здорово, если опять старые порядки вернутся!

Так и не разобравшись, стариk махнул рукой — будь что будет!

Когда Лайма вернулась с репетиции, во всем доме было темно и тихо. Но старый не спал. Он слышал все. Слышал, как заскрипела кровать в Лайминой комнатке, слышал, как собака скреблась за дверью, слышал гул моря и странные ночные шорохи.

Утром Лайма, подоив корову, отправилась на завод. Стариk еще не вставал. Потом пришла старушка соседка, вывела корову и привязала в саду. Овцы толклись вокруг коровы. Старушка кинула поросенку ботвы и ушла.

Старый Лейнасар в окно следил за старушкой и, как только она исчезла, кинулся к хлеву. Сын уже свыкся с новым жильем и с наслаждением потягивался на своем ложе. Его теперь ничто не волновало. Пока ему не грозила никакая опасность. Он стал еще самоувереннее. Не зря у него американская выучка, будет как сыр в масле кататься. На весь поселок только один единственный милиционер, который и за соседней волостью присматривать обязан.

Поедая копченую салаку и запивая ее парным молоком, Ансис Лейнасар начал расспрашивать отца. Очень хотелось собрать первый материал для центра. Неплохо бы передать донесение о недовольстве рыбаков советской властью. Но стариk больше ворчал, чем рассказывал. Недовольные, конечно, есть... Чем рыбаки недовольны? Нельзя сказать, что недовольны властью. Сами ведь эту власть устанавливали. Недовольны тем, что на всех резиновых сапог не хватает. У Казиса и Микелиса подметки продырявились. Клей не держит. А раньше разве у всех такие сапоги были? Не хватает сетей. Их дают мало и только в порядке очереди. Но кое у кого сарай от снастей ломится. Раньше за сети надо было денежки выкладывать, а теперь даром дают, вот сети всем и нужны. Человек пять получили новые моторки. Поговаривают, что даже суда дадут, на них будут ходить за дальней сельдью. Мало радости и в том, что улов надо сдавать на завод. Теперь, правда, рыба не гниет, завод покупает все, но если продать на сторону,

то побольше выручить можно. А для себя копти и жарь, сколько влезет. Но все равно на сторону сбывают. Буллис — так тот целыми ящиками. Как соберутся рыбаки, так молодые Буллису кулаками в нос тычут. Наша же Лайма первая кричит: «Чего завод наш обкрадываешь?» Вот и пойми, кто доволен, кто недоволен.

— Но, может быть, план так велик, что его при всем желании не выполнить?

Ансис насторожился в надежде услышать что-нибудь нужное для донесения в центр.

— Вообще-то прижимают. Но немало и таких, что из кожи вон лезут. Шноре помнишь? Немцы его в Саласпилс упекли. Теперь он бригадир. Заключил договор о соревновании с салацгривской бригадой, и тут у них пошло. Смастерили такие ящики для салаки, двадцать пять — тридцать метров длиной. Рыбу прямо навалом везут. Иной день от пяти до семи тонн на лодку. Вот докази такому, что план его прижимает. Он богатством хвастает. И получает здорово.

Старый Лейнасар против своей воли начал хвастать, но в словах его одновременно сквозило и нечто вроде зависти.

— А сколько ты рыбы берешь, сколько денег получаешь? И тебе рубли и килограммы сыплются?

— Мне?

— Да, тебе?

— Много ли я теперь в море хожу. Никто ведь не заставляет. Говорят, чтоб просил себе пенсию. Да что я — нищий? И разве Лайма не зарабатывает?

— Мы еще посмотрим, кто тут нищим будет,— зло прошипел Ансис, поняв, что из услышанного никакого донесения не получится. Спросил отца, кто из старых знакомых жив, с кем по душам поговорить можно.

Старик с трудом вспомнил: Лайма недавно была в Риге и встретила на улице Риекстиня, того самого электротехника; Ансис с ним на «Телефункене» работал, несколько раз привозил его сюда — окуня ловить. По-прежнему живет в Дзинтари на своей даче, работает где-то в кино. Кришьяниса Риекстиня Ансис знал не только по «Телефункену» и нескольким выездам на рыбалку во время отпуска, но и по «Курземскому котлу», где Риекстинь помогал Гинтеру собирать сведения для передачи в Стокгольм.

Ехать без разведки в Ригу рискованно. Риекстинь должен приехать сюда.

Ансис уговорил отца съездить в Ригу. Старик два дня подряд жаловался Лайме: глаза болят — надо к рижским докторам съездить. Лайма не возражала, наоборот, сказала, чтоб обязательно поехал. Старик поехал в приежусилсском автобусе по разрушенному немцами и еще не восстановленному взморскому шоссе.

В ту же ночь Лейнасар установил радио и пытался вызвать центр. Герцог Екаб с острова Готланд не отвечал. Неудачными оказались все попытки и в последующие夜里. За морем молчали.

3

Вечером 10 августа над Приежусилсом повис мелкий густой дождь. Отец нашел старый дождевик сына. Лейнасар спустился с сеновала и, обходя лужи на залитой тропе, направился к морю. Еще издали обогнул ярко освещенный рыбозавод и вошел в тяжело шумевшие на дюнах сосны. Тихо колыхались на приколе привязанные цепями рыбачьи лодки. Видимо, все рыбаки были дома, потому что и этой ночью сигнальные огни на моле были потушены. Лейнасар быстро пересек дорогу в порт и, под прикрытием сосен, дюнами зашагал в сторону Риги. Глаза привыкли к темноте, на фоне черневшего моря и темно-серого неба он видел все побережье. Насколько хватал глаз — нигде ни души.

Он уже собрался выйти на берег, где по песку легче идти, но увидел вдали темную фигуру. Кто-то шел по пляжу со стороны Риги. Судя по месту и времени, это был не тот, кого он ждал, и Лейнасар отступил в тень сосен. Когда человек приблизился, Лейнасар заметил, что тот ступает не очень твердо, ветер донес не то рычанье, не то вопль. Можно было различить и слова:

Не удержал капитан руля,
Ушел кораблик, тра-ля-ля...
Из-за вас, красотки, из-за вас!

Кто-то из соседнего рыбакского поселка, хлебнув лишнее, шел домой. Такого бояться нечего, если только он не узнает и не пойдут всякие слухи.

Когда прохожий исчез, Лейнасар спустился на пляж и прибавил шагу. В двух километрах от поселка, у сто-

явших особняком трех скрипучих сосен, Лейнасар убавил шаг. Из темноты возник перед ним другой поздний путник. Поравнявшись, они, точно случайные встречные, обменялись взглядами. Пройдя шагов тридцать, Лейнасар повернулся назад. Повернулся и встречный. Снова поравнявшись, они остановились, пристально всмотрелись друг в друга и поздоровались.

— Это в самом деле ты, Анесис? Я сразу не поверили, думал, твой старик хватил малость.

— Разве мой приезд кажется таким невозможным?

— Невероятно, что разумный человек вернулся из Швеции к нам. Ведь ты попал в Швецию?

— Попал.

— Поэтому все это и кажется невероятным. Я бы этой ночью, не думая...

— Оставил бы родину? Прекрасную природу?

— Что в ней прекрасного? Кругом большевики. Ни одного друга, никакого общества. Все разбрелись куда-то. Дождь льет...

— Льет и в Швеции. А друзья... Вообще-то есть, ла-тышей там много.

— И хорошо живут?

— Да что говорить! Можешь заранее радоваться. Я согласен взять тебя с собой.

— Ты поедешь обратно? Когда?

— Сначала надо дело сделать.

— Ты прибыл с заданием?

— Не туристом, конечно.

— Как попал на берег?

— На подводной лодке или самолетом — это значение не имеет.

— Понимаю, о таких вещах не говорят.

— Давай поговорим лучше о другом.

Они долго ходили под моросящим дождем. К счастью, разговор удачно начался, и Лейнасару не пришлось зря тратить время. Риекстинь, казалось, все понял с первых слов и поймался на приманку, на обещание взять его с собой в Швецию. Теперь Лейнасару только надо было заставить его заслужить это. Риекстинь охотно соглашался на все. Разрешил Лейнасару поселиться в своей квартире. Пока жена на даче, пускай пользуется его двухкомнатной квартирой на улице Стабу как собственной. А там видно будет...

О группе Карнитиса Риекстинь ничего не слышал.

С соратниками по «Курземскому котлу» он не встречался. Старых знакомых избегал, чтоб не навлечь на себя подозрения. На новой работе, в управлении кинофикации, почти все чужие. О его прошлом там ничего не знают. Как специалист он на хорошем счету, вот и все. В ближайшие дни он постарается разыскать людей, которые, возможно, знают кое-что о Карнитисе. Обещал, если потребуется, посмотреть радио. Лейнасар подозревал, что центр не удается вызвать из-за неисправности аппарата.

Договорились, что через три дня Риекстинь приедет за Лейнасаром. Чтоб не наткнуться случайно на знакомых, решили не пользоваться курсирующим вдоль взморья рейсовым автобусом, а поехать другой дорогой, которая проходит в тридцати километрах от берега. Топать такое расстояние — удовольствие небольшое, но лучше сделать лишний шаг, чем зря рисковать. На седьмом километре, на перекрестке лесных дорог, Риекстинь встретит Лейнасара и поможет ему управиться с сумкой.

Поздней ночью Лейнасар забрался в свое логово над хлевом и, довольный удачно сложившимися обстоятельствами, уснул крепким сном. Мелкий ночной дождь выступкивал по дранке крыши однообразную мелодию.

Третья глава

НОВЫЕ СЕТИ

1

На четвертом этаже третье окно справа было открыто настежь. Стало быть, Риекстинь уже дома.

Двухкомнатная квартира была обставлена со вкусом красивой и прочной мебелью безукоризненной работы довоенных мастеров.

«Мебель эта — приданое жены Риекстиня,— подумал Лейнасар, опускаясь в удобное, мягкое кресло. — А что теперь с моей квартиркой? Наверняка все пропало. Отдали кому-нибудь из латышской красной дивизии. Вместе с замечательным инструментом...»

Хотелось тяжело вздохнуть, но он сдержался.

Пока Риекстинь возился на кухне, Лейнасар тщательно рассматривал квартиру. Ничего, ровно ничего не

изменилось, с тех пор как он в последний раз приходил сюда в день рождения хозяйки. Словно не было ни войны, ни немцев, ни «Курземского котла», ни коммунистов теперь. Правда, все покрыто пылью. Стол и подоконник заставлены грязными тарелками и пустыми бутылками. Но в этом нет ничего удивительного. Риекстинь в Риге ведет холостяцкий образ жизни. Жена наезжает со взморья не для того, чтобы вытираять пыль и мыть грязную посуду. У нее дела поважнее. А держать в нынешнее время прислугу просто рискованно. Может, потом, когда переедет со взморья, подыщет женщину, которая приходила бы раз в неделю убрать и постирать. Надо приоравливаться, что поделаешь.

Риекстинь застелил стол газетой и принес из кухни сковороду с яичницей. Поставил сковороду на стол. Достал несколько бутылок пива.

Когда они малость перекусили, Лейнасар, словно мимоходом, поинтересовался:

— Как ты считаешь, что за люди шатались там в лесу?

— Смолокуры. Не видел разве, как они ставили посуду у надрезанных сосен? Теперь во взморских лесах многие этим промышляют. Смолокуров опасаться нечего, хоть и боимся теперь всех и всего. Мне кажется, что настоящую жизнь начну только тогда, когда переберусь через залив на Готланд или в другое место. Когда ты, собственно, думаешь? Надо собрать и уложить кое-какие вещички.

Лейнасар ответил не сразу. Медленно наполнил стакан пивом. Рассматривая на свет янтарный напиток, он одновременно разглядывал поверх стакана лицо Риекстиня. «Только бы попасть за границу — вот все, что интересует этого дьявола,— ухмыльнулся про себя Лейнасар. — Оказывается, это прочная веревочка, на ней можно вытащить из хлева и заставить плясать не одного быка». Его вдруг осенила мысль. Если придется действовать самостоятельно, то перспективу удрать из Латвии можно будет использовать как главную приманку. Очевидно, немало таких, у которых душа в пятки ушла.

Лейнасар выпил пиво, поставил стакан на стол, достал грязный носовой платок и вытер губы.

— Найдется ли у тебя чистый носовой платок?

— Найдется, найдется.

- Так тебя интересует, когда можно будет уехать?
- Да.
- Это еще трудно сказать.
- Понимаю. У тебя задание. Но не забывай, что зимой Рижский залив замерзает. Тогда уж никуда не уехать.

— Да что ты! Я управлюсь задолго до конца навигации. Мы, может, мартыновского гуся уже в Стокгольме есть будем. В худшем случае рождественскую елку наверняка где-нибудь в шхерах зажжем. — Лейнасару было ясно, что теперь Риекстинь будет стараться выполнить любое задание.

— Когда ты, собственно, вернулся из Вентспилса в Ригу?

— Сразу же после капитуляции. Жена страшно беспокоилась за квартиру и баракло. Слава богу, все оказалось на месте. Теща присматривала.

— Что с Тирлауком, Межниеком и другими?

— О них я ничего не знаю.

— Помощника начальника вентспилсского порта Карнитиса помнишь?

— Из-за этого дьявола мы с женой не уехали. Ведь он был правой рукой Гинтера. Кого хотел, того брал на лодку, кого не хотел — не брал.

— Ты его не встречал?

— Эта птица сюда больше не залетит. Ты его за границей ищи. Может, даже в Америке.

— И ничего не слышал о нем?

— Нет, ни слова. Точно сквозь землю провалился.

Лейнасар убедился, что о Карнитисе и его группе Риекстиню в самом деле ничего не известно. Но о судьбе Карнитиса надо узнать как можно скорее. От этого зависит вся его, Лейнасара, дальнейшая деятельность. Если группа Карнитиса найдется, то задача Лейнасара будет совсем проста. Собрать необходимые сведения о положении и деятельности группы, помочь Карнитису наладить связь. Это надо будет сделать как можно скорее, и тогда обратный путь в Швецию будет открыт. А чем скрьере он уберется из этой страны, тем скорее уйдет от грозящей опасности. С того момента, когда Лейнасар ступил на приежусилсский мол, он все пытался убедить себя, что с его опытом и подготовкой первоклассного европейского разведчика ему каких-то чекистов бояться нечего. Если в «Курземском котле»

немцы не сцепали его, то и теперь никакой черт не схватит. Волей-неволей приходилось уговаривать себя. Иначе трудно было бы о чем-нибудь думать, что-либо делать.

А если группы Карнитиса уже нет, тогда... тогда Лейнасару надо самостоятельно предпринимать какие-то меры. И как можно скорее.

— Возможно ли, что никто из бывших вентспилсцев не нашел убежища в Риге? — вслух рассуждал Лейнасар.

— Наверно, кто-нибудь есть, даже обязательно есть, но ты ведь понимаешь, что нам незачем часто видеться. Погоди! — воскликнул вдруг Риекстинь. — Я ведь несколько раз встречал на улице Вилде.

— Какого Вилде?

— Помнишь начальника Тирлаука — Вилде, инженера с вентспилсской электростанции? Работает теперь в Риге, в Латвэнерго. Тоже инженером.

Риекстинь не заметил, как Лейнасар стремительно подался вперед. Вилде он помнил хорошо. Если кто и знал что-нибудь о деятельности группы Карнитиса в окрестностях Вентспилса, то это, несомненно, был Вилде.

— Как повидать его? Где он живет?

— Квартиры не знаю. Его легко разыскать, если позвонить в Латвэнерго.

— Позвони.

— Когда?

— Сегодня. Я уберу посуду, ты свяжись с Вилде.

— Может, оставим это на завтра? Рабочий день уже кончился.

— Не забывай: чем быстрее мы выполним задание, тем скорее попадем в желанную Швецию. Ты и не представляешь себе, какая там жизнь! И какие девочки! О боже!

— Девочки?.. Да я ведь с женой поеду...

— Ну и что? Где сказано, что кофе нельзя коньяком запивать?

Риекстинь, усмехнувшись, встал.

Оставшись один, Лейнасар тщательно проверил квартиру. Больше всего огорчало отсутствие второго выхода. А потом еще этот «кофе»! Лейнасар очень хорошо помнил Милду. Если она что-либо узнает, всему конец. Нагрянет нежданно-негаданно со взморья мужа

проверить — не водит ли на квартиру кого-нибудь. Один раз можно будет объяснить присутствие в квартире Лейнасара, но потом возникнут подозрения и начнутся расспросы. Надо заблаговременно подумать и о другой квартире. Прежде всего все-таки следует узнать, что с Карнитисом.

Только Лейнасар принял убирать посуду, как вернулся Риекстинь. Вилде уже ушел домой. Живет на Миера, 6.

— Стемнеет — сходим,— решил Лейнасар.

2

Вилде — не Риекстинь. Человек другого калибра. Три поколения его семьи были с высшим образованием. Дед — инженер-строитель, отец — один из первых инженеров-электротехников в Латвии, образование получил в Берлине, сам Вилде тоже учился в Берлине и Вене. В детстве в их семье разговаривали только по-немецки, и семья эта окончательно онемечилась бы, не открайся для Вилде в 1934 году после ульманисовского переворота заманчивая перспектива занять выгодный пост на государственной службе за счет местных немцев. И Вилде превратился в латышского националиста. Он стал пространно рассказывать о том, какую видную роль в Латышском обществе играли его дед и отец. Дед дружил с самим Андреем Пумпуром, а Фрицес Вейнберг, по крайней мере, раз в месяц обедал у его отца. Особенно словоохотливым Вилде становился за кружкой пива. А в поглощении этого напитка он достойно продолжал традиции виднейших деятелей Латышского общества. За вечер с кем-нибудь вдвоем без особого усилия пропускал бутылку семь — десять.

В 1940 году, когда после установления в Латвии советской власти Германия спешно закончила затянувшуюся депатриацию, Вилде уехать не успел.

Чтобы хоть на время скрыться, Вилде еще в августе 1940 года уехал в Вентспилс и поступил на электростанцию. Тут он в самом конце войны связался с кругами ЛЦС. Когда бывший капитан буржуазной армии Румба на свой страх и риск, с ведома Гинтера, организовал лодку, чтобы удрать в Швецию, на ней нашлось место и для Вилде и его обоих сыновей — студентов теологического и инженерного факультетов. Только

лодка вышла в море, как вокруг нее начали рваться артиллерийские снаряды. Беглецы, решив, что они обнаружены береговой артиллерией, вернулись. Оказалось, что немцы на берегу насспех организовали полигон для испытания орудий нового образца. Несколько снарядов, миновав цель, угодило в море.

Сыновья успели попасть в Лиепаю и бежать на последнем пароходе в Германию. Вилде остался в Вентспилсе. После капитуляции, когда обстановка немного прояснилась, он решил вернуться в Ригу, надеясь, что неоднократной сменой места жительства замел следы. Расчеты оказались более или менее верными. Советские органы Вилде не интересовались, и он начал работать в Латвэнерго.

Внешне Вилде казался совершенно лояльным. Жаловался, что немцы силой увезли сыновей. Занимался в политкружке. Читал «Циню» и «Правду». Любил рассуждать о прочитанном с позиции истинного советского патриота.

Таким он был внешне. А внутренне?

В тот вечер, когда Риекстинь и Лейнасар явились на улицу Миера, Вилде как раз почитывал свои газеты. Он сидел в своеобразном импровизированном кабинете. Большую комнату делил на две части буфет неимоверных размеров. Ничего подобного Лейнасар в своей жизни не видел. Буфет упирался в самый потолок, занимая в ширину всю комнату. У внешней стены оставалась только небольшая щель, служившая входом, через который можно было попасть в кабинет Вилде. Грандиозность размеров не являлась главным достоинством буфета. Главной его примечательностью была резьба. Весь верх представлял собой сплошной розовый сад. Справа была вырезана картина морского бедствия с бушующими волнами. Слева — Нептун с трезубцем в руке творил в морской пучине суд над утонувшими моряками. Посреди же было отделение для посуды с дверцей в форме штурвала. Вся картина дополнялась уместными и неуместными изображениями нагих и полунагих женщин самых пышных форм.

Пораженный грандиозным зрелищем, Лейнасар остановился посреди комнаты. Вилде, в жилете, с газетой в руке, вышел из-за буфета. Несмотря на свое пристрастие к пиву, высокий ростом Вилде был совсем тощ. Вилде польстил интерес Лейнасара к буфету.

— К сожалению, он принадлежит не мне. Все, что у меня в Риге было, пошло прахом, пока я находился в Вентспилсе, а все, что у меня было в Вентспилсе, пошло прахом, когда я перебрался в Ригу. То, что вы видите, принадлежит моему родственнику. Когда-то он владел в Риге самым популярным портовым рестораником. Буфет заказан в Бремене. Его в разобранном виде привезли в Ригу и тут собрали. Таким же путем его переправили на эту квартиру, ибо роскошного портowego ресторана уже нет. То, что вы видите, еще не все.

Хозяин включил электричество. Розовый сад запылал синим, зеленым, красным и фиолетовым цветами.

— О вкусе можно поспорить, но сама по себе работа неповторима, тут не придерешься.

Риекстинь познакомил Вилде с Лейнасаром, упомянув при этом о прошлой активной деятельности обоих в Вентспилсе. Вилде что-то слышал о Лейнасаре, и кое-что ему запомнилось.

— Да, да, было когда-то, было,— проговорил он и пригласил гостей в кабинет, то есть за буфет.

Вокруг небольшого письменного стола стояло несколько мягких стульев с вычурно изогнутыми ножками.

— «Циню» читаете? — заговорил Риекстинь.

— Как же не читать? Разве удержишься, чтоб не послушать погребальный звон по себе самому? Мирная конференция в Париже, вопросы reparаций. Нюрнбергский процесс... Как же не читать?

— Спокойнее, когда не читаешь.

— Ничуть. Вот посмотрите, пожалуйста. Небольшая заметка: «В Риге открывается Государственный театр музыкальной комедии». Послушайте: театр музыкальной комедии! Жить собираются. И мы тоже участвуем в этой музыкальной комедии. Как вам нравится это: «Первая постановка, с которой театр выступит перед публикой,— музкомедия венгерского композитора Кальмана «Фиалка Монмартра»? Знаете, эту оперетту я слушал когда-то в Вене. В самой Вене! Очень скверную шутку сыграла с нами жизнь! Ну да ладно, вы ведь не пришли сюда слушать жалобы на плохую жизнь?

— Я пришел, чтобы плохую жизнь преобразовать, сделать хорошей,— резко вставил Лейнасар и внимательно посмотрел на Вилде.

— И вы уже успели записаться в преобразователи? — воскликнул Вилде. — В любой газете к этому призывают не меньше десяти раз.

— Вы не так поняли, — попытался внести ясность Риекстинь. — Господин Лейнасар только что прибыл из-за границы...

— Что? Я не ослышался?

— Не ослышались.

Вилде с минуту смотрел на Лейнасара, а затем встал, ушел за буфет и проверил, плотно ли закрыты двери.

Вернулся и сел на стул, сдержанный, хотя и заметно было, что взволнован.

— Слушаю вас, господа.

Риекстинь вкратце осветил обстоятельства дела.

— И скоро вы думаете отправиться обратно?

— По возможности скорее, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства, конечно. Человек десять смогут взять с собой.

— Список пассажиров уже полон?

— Нет, несколько мест еще свободно.

— Потому мы и пришли. Может быть, есть какие-нибудь знакомые, которым нужно помочь, — вставил Риекстинь.

Вилде что-то обдумывал.

— А что, если и мне записаться к вам в попутчики? Мне все труднее становится участвовать в этой музкомедии.

— В таком случае у меня была бы к вам просьба.

— Ни за какие опасные поручения я, разумеется, взяться не могу. Не те годы.

«Не стар, а труслив», — решил про себя Лейнасар.

— Да что вы? Дело не в этом. Требуется только небольшая информация. И о вещах, о которых вам, возможно, уже все известно.

— К вашим услугам.

Наступило длительное молчание. Сумерки так спустились, что Лейнасар с трудом различал лицо Вилде.

— Насколько мне известно, вы были большими друзьями с инженером Карнитисом?

— «Друзья» и даже «большие друзья» — это, быть может, слишком сильно сказано, но в вентспилсский период мы были хорошо знакомы. Он вполне терпимо играл в преферанс.

- Что вам теперь известно о Карнитисе?
- Инженер уехал в Швецию. Год тому назад, если не ошибаюсь, это было в октябре, прошел слух, что Карнитис появился в окрестностях Вентспилса и там арестован.
- Арестован?
- Да, арестован.
- Это известно только по слухам? Достоверных сведений нет?
- Достоверных сведений нет.
- А как получить достоверные сведения?
- Надо встретить кого-нибудь из Вентспилса.
- Мы все в большей или меньшей степени вентспилсцы...
- Нет! Надо поговорить с местными. Если с Карнитисом что случилось в окрестностях Вентспилса, то им все подробно известно.
- Знаете что, господин Вилде, это будет вашим первым и последним заданием. Так сказать, плата за билет на удобное место в моторной лодке, с первой остановкой на острове Готланд. Никакого риска. Вам надо только съездить в Вентспилс, повидать кого-нибудь из знакомых и выяснить, что случилось с Карнитисом. Только одно условие: сведения должны быть абсолютно точными.
- Вилде условие Лейнасара принял.

Четвертая глава

КУДА ДЕВАЛСЯ КАРНИТИС?

1

Курземе, как и вся Латвия, залечивала свои раны. «Курземский котел» оставил глубокие следы. Были волости, в которых не уцелел ни один дом. Население возвращалось медленно. Жизнь никак не налаживалась. Только группы саперов ходили от развалины к развалине, от поля к полю, от рощи к роще и, точно дрова, складывали в штабеля мины.

Но и уцелевшие волости прифронтовой полосы пугали безлюдьем.

А кругом шумели леса, леса и леса, на десятки

километров. И в лесах этих искали убежища предатели и враги родины.

Органы безопасности, милиция, население выступили против этого последнего фронта гитлеризма и латышского буржуазного национализма, но борьба оказалась нелегкой. Большинство бандитов было вышколено и вымуштровано в немецкой армии. Банды были невелики. Состав их постоянно менялся. Они распадались, объединялись, снова распадались. Остатки разгромленных банд вливались в другие банды. Определенных пристанищ они не имели, кочуя в радиусе до ста километров. Бандиты располагали надежной базой снабжения. Во многих сельских усадьбах хозяинчили кулаки. В бандитах они видели единственную реальную силу, способную защитить их интересы и, если даст бог, вернуть старые добрые времена. Как только против бандитов предпринималась какая-нибудь операция, кулаки сразу предупреждали их, и те уходили в другие районы.

Вскоре после войны бывший финансант Вамской волости Кулдигского уезда Мартинь Цуцис создал свою банду, к ней пристали три резекненца, братья Крусты — Леон, Юрис и Гейнрих, но вскоре банда распалась. Цуцис решил переправить свою жену в Ригу, к родственникам, на более спокойную жизнь. Провожатым Цуцис назначил Гейнриха Круста, но тот по дороге жену Цуциса убил и ограбил. Братья Крусты, отстреливаясь, ушли от мести Цуциса. Они создали свою шайку. Вначале ее возглавлял Леон Круст, который вскоре погиб в стычке с оперативной группой Министерства госбезопасности. Главарем стал Юрис Круст. Он довольно долго орудовал в Курземе. В сущности, его банда ничем не отличалась от остальных. Она упоминается здесь лишь потому, что именно с ней пришлось иметь дело Айсису Лейнасару.

Бандиты нападали неожиданно, били из-за угла. Но запугать советских людей не могли. Нередко на возрожденных полях можно было видеть пахаря с винтовкой на плече, и нередко ему приходилось бросать плуг, чтобы занять позицию за серым валуном и вступить в бой с численно превосходящим врагом. Случалось, что пахарь уже больше не поднимался из своего укрытия. Но завтра на его месте трудился и сражался другой.

Тщетно старое хваталось за колесо времени. Старое было обречено.

Это чувствовал и бывший работник вентспилсской электростанции Тирлаук. Могучие волны событий швырнули его за борт.

Сначала Тирлаука выбросила собственная жена. Выкинула из домика, который он, по его словам, строил своим потом и кровью. А еще раньше его прогнали с электростанции — за регулярные прогулы и пьянство.

С зеленым змием Тирлаук водился со дня конфирмации. Но особенно жестокими запои стали после того, как в Вентспилсе утвердилась советская власть.

В причинах для выпивки недостатка не было. Тирлаук пил за друзей и знакомых, наслаждавшихся благами в заморских странах и оставивших его козлом отпущения, пил за пропавшую молодость. Пил, потому что, как ему казалось, жена путается с другим. Пил просто со страха. Он понимал, что должен настать и его черед и что его тоже наконец арестуют. Да еще эта проклятая рация, зарытая в саду под кустом красной смородины. Она мерещилась ему даже во сне.

Да, Тирлауку жилось нелегко.

Потеря дома была плодом его легкомыслия. Когда он взял жену, принесшую в приданое только начатые стены дома, не мог он разве сразу переписать их на свое имя? Так нет! Мудрить еще вздумал. Пускай остается на имя жены! Случись что-нибудь, так ему не страшен никакой кредитор: собственность жены — и баста! Да разве могло прийти в голову, что эта тихоня начнет когда-нибудь брыкаться? Люди, правда, поговаривали, упорно поговаривали: смотри, мол, Тирлаук, чего этот почтарь Стрейлис так часто у твоего дома околачивается? Кто же это так долго письма вручает? Не послушал, а теперь Стрейлис в его доме хозяйничает. Спит на его кровати! Черпает воду из ведра тем же ковшом с длинной ручкой, которым с похмелья черпал он! Но... но... Это можно было бы пережить, разве женщин мало на свете? Но дом, дом!

Пожаловался в исполком. А там только смеются: не лакай столько водки, и жена обратно примет. Примет ли? Каждому встречному и попеченному хвастает, что наконец-то она по-человечески зажила. С кем? С почтарем. Если б еще с кем-нибудь! А то с почтарем! Из-за одного этого запьешь.

Но у каждого пса свое счастье. Свое счастье оказалось и у Тирлаука. В самый критический момент, когда он уже искал мыло, чтобы намылить веревку, его подобрала Пиладзиене, бывшая экономка Карнитиса. Жила она теперь не в уютном доме инженера, где было тепло, чисто и светло. В мешанине событий Пиладзиене прибрала к рукам все, что можно было прибрать, и переехала на дальнюю окраину города. Поселилась в облупившемся, закоптелом, обросшем кустами кирпичном домике с низкими и узкими окнами. До нее там жило несколько цыганских семей. Немцы их всех перебили, и домишко пустовал. Пиладзиене домик подремонтировала и поселилась там, даже ордер взяла.

Решив, что в доме без мужчины никак нельзя, она подобрала Тирлаука. Будет хоть кому дров наколоть.

Вместе с Тирлауком в этот дом пришла и война, ожесточенная, не затихающая, порою безмолвная, порою шумная. Тирлаук сражался за свою свободу, а Пиладзиене боролась против анархии, безалаберщины, за порядок в хозяйстве.

В таких битвах верх обычно одерживает женщина. Почему? Полностью это еще не исследовано, но, что это именно так, недвусмысленно подтверждается фактами. Так было и с Тирлауком. Во всех случаях стихийного бунта с его стороны можно было говорить лишь о том, когда и где наступит минута капитуляции.

Только однажды Тирлаук попытался пустить в дело сверхтяжелую артиллерию: пригрозить Пиладзиене, что, если она не смягчится и не даст ему больше свободы, он заявит куда следует, чем она занимается на самом деле.

Тирлаук запомнил взгляд, которым его кольнула старуха, по сей день не забыл полена, оказавшегося у нее под рукой. Когда он спустя неделю немного поправился, ночью пришел человек с поднятым воротником, подсел к кровати и ткнул ему под нос пистолет системы «Зауер унд зон».

— Чем пахнет?

— Смертью пахнет.

— Так веди себя как полагается, и чтобы на тебя больше никаких жалоб.

Когда его потом спрашивали, откуда у него шрам на лысине, Тирлаук говорил, что поднимал на чердак двойную раму, оступился, и рама трахнула его по

голове. Пиладзиене битых три часа уксусом его растирала, в сознание приводила.

Да, Тирлаук был вышвырнут за борт.

2

Однажды ночью в августе Пиладзиене оказалась в большом затруднении. Опять человек с поднятым воротником постучался в окно и сказал, что срочно надо достать медикаменты и провизию. Деньги? Денег нет. Потом, может, будут. Налет на Зинтенское отделение связи провалился. Двое убиты, один ранен. Вот все, чего добились.

— Без денег ничего не достанешь,— пожаловалась Пиладзиене.

— Ты за идею борешься или за что?

— Ясно, что за идею.

— Так наскреби что-нибудь.

— Мыши да крысы денег не делают.

— Поищи — найдешь какие-нибудь драгоценности Карнитиса.

— Ох, господи, господи! — вздохнула Пиладзиене.

Когда бандит ушел, она стала соображать, как выполнить задание.

До сих пор ее задача была более или менее ясна. Бандиты приносили деньги и говорили, чего достать. Денег всегда было меньше, чем стоили нужные продукты, одежда и медикаменты. Но добыча денег уже давно была налажена: Пиладзиене передавала деньги человеку, который снабжал ее самогоном. Самогон же она без особого риска быстро сбывала за большие деньги в порту и у лесопилки.

И на этот раз можно было пойти по тому же кругу, но самогонщик без денег и пальцем не шевельнет. Да и самой ей не добраться до него. Дорога дальняя, а поясницу так ломит, что шевельнуться трудно. Вот уже три дня, как она все на кровати или лежанке валяется.

Ничего не поделаешь, придется рискнуть.

С утра она предупредила Тирлаука, чтоб никуда не исчезал. Надо выполнить долг. Весь день Тирлаук рубил хворост и колол дрова, кляня на все корки почту и почтарей.

Вечером Пиладзиене тщательно занавесила окно, зажгла свет и позвала Тирлаука в комнату:

- Обувайся, идти надо.
- За самогоном или по другому делу?
- За самогоном.

Тирлаук обулся и опять сел за стол. Пиладзиене опустилась против него на стул, еще раз опасливо взглянула на окно, затем вытащила из большого кармана передника сверток. Когда она развернула тряпичку, сверкнуло золото.

— Золотые часы Карнитиса! Так и думал, что они у тебя! Перед отъездом Карнитис искал их, но не нашел.

— Не твое дело,— прошипела Пиладзиене, ударив Тирлаука по дрожащим пальцам. — Я заверну эти часы в тряпку. Только смотри не тронь. Так, не разворачивая, и передашь. Скажи, что это только залог, недельки через две выкуплю. Он знает, что со мной шутки плохи. Бидон с самогоном чтобы стоял в кустах за домом не позже следующей ночи. Понял?

— Понял.

— Погоди, не хватай! Сначала поклянись, что выполнишь задание. Становись на колени!

— Да разве... я...

— На колени, говорю!.. Так знай теперь, старая скотина: часы эти чтобы попали в нужные руки и в следующую ночь, не позже, чтобы самогон был тут... Понял?

— Понял.

— И ни капельки не тронь. Если останется, сама дам.

Тирлаук, вставая с колен, пробормотал:

— Да чего еще столько болтать! Я в жизни и не такие задания выполнял.

Три дня и три ночи Пиладзиене ждала возвращения Тирлаука. На четвертое утро ей стало ясно: часы пропиты, клятва поругана. Теперь оставалось ждать божьей и людской кары.

Вилде прибыл в Вентспилс к развязке этих событий. Чтобы избежать подозрений и ненужных разговоров, он организовал себе командировку на вентспилсскую электростанцию, где должен был проверить, как используются материалы на работах по восстановлению и рекон-

струкции станции. Из разговоров с работниками электростанции он быстро узнал о всех злоключениях Тирлаука и о том, что теперь он ютится в цыганской лачуге у Пиладзиене.

Пиладзиене еще не пришла в себя, вздыхала, стонала, проклиная клятвоотступника и призывая бога — последнюю опору в ее горе и страданиях. Вся боль, терзавшая ее плоть изнутри и снаружи, давала теперь о себе знать с небывалой силой. Если так будет продолжаться, то ей недолго придется ждать последнего часа.

Вилде она узнала не сразу, только когда тот назвал себя и напомнил о своих посещениях Карнитиса. У нее защемило сердце: она вспомнила старые золотые времена и сравнила их с теперешней несчастной жизнью. И слезы полились ручьем.

Вилде спокойно ждал, пока старая успокоится, и только тогда осторожно осведомился о Тирлауке. Тут нервы Пиладзиене снова не выдержали.

— Пропил, дьявол, золотые часы господина Карнитиса! Они были для меня святой памятью — ведь это все, что осталось от старых добрых времен. Может, было бы подспорьем на старости. Золото — всегда золото. Оно в любое время, при любой власти в цене, как водка. Не только пропил — нарушил клятву. Теперь те, что в лесу, его расстреляют и меня, наверное, тоже. И поделом, так ему и надо. Испортить такое дело!

— А кто это такие из леса?

— Ну, наши, бывшие...

— Бандиты...

— Да что вы, господин Вилде!

— Простите. Видите ли, даже стиль испортил себе коммунистическими газетами. Тирлаук еще нигде не объявился?

— Нет. Говорят, что в Гробнях его задержали и по сей день сидит еще. В четырех буфетах окна вместе с рамами высадил. Если на золото пить, то сила будет.

— Жаль все же.

— Что его жалеть? Негодяю, может, еще повезло. Дадут год за хулиганство или сколько там, а от кары за то, что клятву нарушил, он уйдет.

— Хотелось его кое о чем спросить, но если он так опустился, то, может быть, вы могли бы сказать... — Вилде опасливо посмотрел в сторону двери.

Старуха сразу поняла. Вышла вон, огляделась во-

круг, тщательно заперла дверь, поправила занавеску на окне, уселась за стол и, отодвинув с правого уха косынку, приготовилась слушать.

Вилде опустил голову, уставился на свои ноги и, не глядя на Пиладзиене, заговорил:

— Вам ничего не известно о вашем бывшем хозяине Карнитисе?

Старуха была разочарована. Она ожидала чего-то более значительного.

— О Карнитисе? Все знаю. Все.

— Кое-кому в Риге очень важно знать о судьбе Карнитиса.

— Пускай сходят на улицу Стабу, там скажут,—резко бросила Пиладзиене.

Наступило томительное молчание. Вилде продолжал смотреть на ногти.

— Значит, это все-таки правда?

Грустный тон Вилде смягчил старуху.

— Правда, господин Вилде, правда. В ту осень вместе с Карнитисом приехали инженер Шмит и судовые механики Андерсон и Петерсон. Американцы и шведы послали посмотреть, что в коммунистической Латвии творится. Ведь мы все-таки еще не забыты, как Даниил в яме со львами. О нас думают, заботятся, только надо терпеть и ждать. Что поделаешь? Иисус Христос тоже терпел, да еще на кресте.

— Как случилось это несчастье?

— Очень глупо. Подплыли на большой моторке близко к берегу, затем на двухместной резиновой лодке все четверо счастливо перебрались на берег. Но тут сплоховали. Никто не пожелал возиться с лодкой. Всем захотелось поскорее уйти от берега. Пришли в старый немецкий блиндаж. Карнитис присмотрел его еще до отъезда. Тут они до утра передохнули и пошли, чтобы потом встретиться в условленном месте. Шмит и Петерсон шли каждый отдельно, а Карнитис с Андерсоном вместе. Это было рано утром. Тут они допустили другую ошибку. Надо было обождать до полудня, не бегать так рано по дороге. Когда Карнитис с Андерсоном уже порядочно прошли в сторону Кулдиги, им навстречу попался милиционер на лошади. В лес броситься не успели и пошли ему навстречу. Все как будто обошлось, милиционер проехал мимо, только взглянул на них. Думали, опасность миновала, но потом милиционеру

что-то взврело в голову, и он повернул обратно. Потребовал документы. Они полезли в карманы за паспортами — были обеспечены как полагается, и опять промах. Паспорта оставили вместе с другими вещами в блиндаже. Милиционер задержал их.

— Столько промахов в одном деле. Вовсе на Карнитиса не похоже, — вздохнул Вилде.

— Вначале власти решили, что они из леса вышли, но кто-то донес о резиновой лодке, и их передали в учреждение на улице Стабу. Потом задержали и остальных. Все выложили. Про блиндаж, про все, что с собой привезли, кто посыпал. Ну все до мелочи. В штаны наложишь, так спасаешься как можешь.

— Да... — еще раз вздохнул Вилде.

— Вещей было много. Фотоаппарат, автомат, два револьвера, около тысячи рублей советскими деньгами.

— Так мало?

— Маловато, конечно. Какие тысяча рублей теперь деньги? Зато у них было десять карманных и семь ручных часов. Это ведь то же самое, что деньги.

— Их, наверно, можно было бы реализовать.

— Еще у них в вещах нашли всякие там принадлежности для передачи сведений по радио. Рации, правда, не нашли.

— Почему же это?

— Так ведь Гинтер, когда уезжал, оставил здесь и людей и аппараты. И Карнитис показал, что ему поручено связаться с радиотелеграфистами Ласманисом и Даугулисом. Оба они с вентспилсской электростанции. Потом их тоже взяли.

Старуха замолчала. Вилде мрачно смотрел в закоптелый потолок. Что нужно, он выяснил. Надо встать и идти, но ноги как-то отяжелели.

— Думала, что Тирлаука тоже заберут, — продолжала старуха, — ведь под конец его тоже начали обучать передавать и принимать по радио, но Карнитис, должно быть, не знал об этом. Тогда и мне бы несдобровать. Старый пьяница еще болтливее Карнитиса.

— Все то, что вы рассказываете, совершенно точно?

— Совершенно.

— Откуда вам все это известно?

— По большей части сам милиционер выболтал, хотел похвастать. Остальное собрано понемножку.

— Их судили?

— Давно уже. По двадцать лет каждому дали.

— Да, несчастье многолико. Если не ошибаюсь, это сказал Эдгар По,— пробурчал Вилде. Он положил на стол две двадцатипятирублевые бумажки, поблагодарил, пожал старухе руку и ушел.

Пиладзиене, взяв деньги, проворчала:

— Хоть сотню бы оставил. Нехорошо так скупиться со своими, но теперь у каждого копейка к душе липнет. Да, настоящие латыши всегда, во все времена, были скупцами.

4

Через три дня Риекстинь позвонил Вилде на работу, сообщил, что радиоприемник починен, и спросил, не может ли инженер взять его.

Вилде ответил, что возьмет.

Вечером того же дня Вилде сидел на скамейке перед зданием химического факультета и созергал темные воды канала. Вскоре на скамейку рядом с ним опустился укутанный в потрепанный дождевик юноша и стал возмущаться, что не достал билета на пьесу Пристли «Он пришел».

Вилде согласился, что на некоторые пьесы теперь никак не достать билетов. Но сразу после войны театры все же пустовали.

Так формально был начат разговор, который не мог вызвать никаких подозрений, если бы кто-нибудь подслушал их. Но поблизости никого не было. Вилде тихо, но внятно, словно размышляя вслух о чем-то очень важном и продолжая смотреть на канал, рассказал о пережитом и услышанном в Вентспилсе.

Лейнасар не перебивал его. Когда Вилде кончил, Лейнасар какое-то время, в полудреме молча обдумывал что-то.

— Поздно уже, пора двигаться,— проворчал Вилде. И еще подождал с минуту.

Лейнасар кивнул. Вилде встал и пошел, незаметно оглядываясь вокруг. Он мог не беспокоиться. Поблизости не было ни души. Только университетский дворник подметал асфальт перед подъездом. Ни за какие задания Вилде больше не возьмется. Уговор есть уговор. Это первый и последний раз. Теперь ему только остается ждать, когда ему скажут, чтобы готовился к отъезду.

Лейнасар еще посидел на берегу канала, затем встал и пошел. Идя мимо Театра драмы, остановился перед афишой с репертуаром. Решил, что пьесу Пристли неплохо бы посмотреть и еще, может быть, «Невестку» Вилиса Лациса. В свое время он с интересом прочитал «Сына рыбака». А что это за «Беспокойная старость»? Какой-нибудь русский, должно быть, сочинил. Но имеет ли смысл вообще лезть в театр? Еще встретишь знакомых, начнутся всякие расспросы; это может черт знает куда привести. Нет, лучше пока в театр не ходить. Тем более теперь, когда получены сведения о группе Карнитиса и надо приступать к самостоятельной деятельности. Ничего тут не сделав, в Швецию обратно не попадешь. Он знал своих хозяев.

Пятая глава

В ЭФИРЕ ПРЕСТУПНИК

1

Каштаны заслоняли перекресток, и Риекстинь из своего окна видел прохожих только за четвертым деревом. Когда терпение его иссякло, он высунулся в окно и загадал: «Если у каштана появится мужчина, с группой Карнитиса все в порядке, готовься к отъезду; если женщина, то на долю Карнитиса выпал худший жребий».

Выскочил мальчишка на велосипеде, а за ним проковыляла жена портного Мексиса, неся в руке завернутый в кусок подкладки костюм.

— Ишь, ведьма, нашла время. Еще совсем светло — угодит фининспектору прямо в лапы. Заплатит двадцать тысяч налога. И поделом ей, пускай не прется как шальная.

Но старуха, в конце концов, не в счет. Все-таки первым выскочил мальчишка на велосипеде. Мальчишка все же мужчина. Начнем сначала.

Риекстинь кинул взгляд на секундную стрелку часов и опять принял внимание смотреть, кто появится из-за четвертого каштана. Ждать пришлось недолго — появились юноша с девушкой, они целовались.

— Бесстыдники, — прошипел Риекстинь и отошел от окна.

Хотя Риекстинь и старался верить в желаемое, он все же понимал, что быстрых политических перемен ждать не следует. Обстановку могли изменить только крупные мировые события. Если они и назревали, то назревали медленно. Надо было вооружиться терпением. Это было трудно, очень трудно, но другого выхода не было. И вдруг появился Лейнасар! И вместе с ним — совсем новая, неожиданная возможность.

По событиям последних дней Риекстиню стало ясно, что дальнейшее во многом будет зависеть от судьбы Карнитиса. Потому он и ждал с таким нетерпением возвращения Лейнасара.

Лейнасар вошел и резко хлопнул дверью. По лицу его ничего нельзя было прочесть. Только по тому, как тяжело он опустился на стул и бездумно уставился в потолок, Риекстинь пришел к горькому выводу, что сведения, добытые Вилде, малоутешительны.

С минуту подумав, Лейнасар вышел на кухню, вытащил из-под плиты, где обычно лежали дрова, рацию.

— Стало быть, все же... — вздохнул Риекстинь.

— Помнишь сказку о крае изобилия? В ней приходится преодолевать горы каши: тут ничего не поделешь, горы эти надо съесть. Теперь и нам пора за ложки браться,— сказал Лейнасар со злой ironией.

— Не обжечь бы нам губ.

— Горячее глотать незачем. Подуй, остуди и ешь спокойно.

Риекстинь ничего не ответил. Он завидовал сдержанности Лейнасара,— сказывается характер и, несомненно, школа. Необученного, без тренировки не послали бы.

Риекстинь не знал, что под хладнокровной и самоуверенной маской скрывается беспокойство преступника. Этого беспокойства никто не должен видеть. Особенно теперь. И Лейнасар сам должен постоянно убеждать себя в том, что он умнее противника, что за ним стоит большой мир с целой армией тайной службы. Связь с латышскими эмигрантами, со Свикисом и всей шайкой, правда, уменьшала его значимость и возможности. Лейнасар слишком дорого заплатил за то, что связался в свое время с Силинем. Если бы хоть осталась в непосредственных отношениях с Иреной. Но не ему, рядовому, выбирать себе партнеров и начальников. Жаль, что нет доцента Зандберга. Когда Лейнасар

вспоминал о Зандберге, ему легче было подавлять беспокойство, страх, недовольство.

— Передавать из квартиры не опасно?

— Опасно. И в пруду купаться опасно, можно насморк или коклюш схватить.

— Если ты думаешь, что я боюсь, так ошибаешься.

— Я не ошибаюсь.

— Может, боюсь немного, но я хорошо понимаю, что без риска ничего нельзя добиться.

— Вот это другой разговор. Ты прав: долго передавать с одного места опасно. Рига для этого, наверно, самое неподходящее место. В городах всегда много помех, и все же начинать придется здесь. Потом придумаем что-нибудь.

В ту же ночь Лейнасар пытался вызвать Герцога Екаба, но Екаб молчал. Повозившись какое-то время, Лейнасар вытянул свои длинные ноги и прикрыл глаза. Он пытался представить себе, что теперь происходит на острове Готланд, в садоводстве под Висбю. В воображении возникала длинная теплица. Душный и влажный воздух. Виноградные лозы плотно закрывают стеклянную стену, с веток свисают тяжелые гроздья ягод. В конце помещения, под деревянным ящиком, каких в теплицах десятки,— шкафчик, в котором очень удобно хранить инструмент для садоводства, но в шкафчике лежит совсем другое. Но почему дверца его открыта? Почему рядом не сидит любопытный Герцог Екаб? Может быть, Екаб заболел? Так почему же вместо него нет другого? Бросили его, Лейнасара, на произвол судьбы? Не может этого быть! Они чересчур много вложили в это предприятие! Правду о Карнитисе они непременно хотят узнать. Да и сам Герцог Екаб заинтересован не потерять Лейнасара. Ведь он, Лейнасар, должен привезти на Готланд жену Герцога Екаба. А связи нет.

Причин может быть много, это Лейнасар знал по опыту своей прежней радиостальной работы в Курземе. Но все равно это всегда неприятно. Тщетными оказались и попытки на сеновале у отца. Неудача постигла и теперь. Откликнулись бы хоть одним-единственным сигналом. И то было бы что-то. Хоть знал бы, что через море тянется нить, которая, в сущности, является опорой моста. Когда наступит время, по этому мосту можно будет уйти куда надо. А теперь? Безмолвие.

В комнату на цыпочках вошел Риекстинь. Он без слов понял, что сеанс не удался.

— Может быть, в аппарате неполадка?

Лейнасар спокойно повернул голову и ответил.

— Может быть.

Они проработали до самого утра. Дотошно осмотрели каждую деталь. Тщательно снова собрали рацию. Все было как надо.

— Может, аккумулятор твой слабоват? Особенно для работы из такого центра, как Рига?

Аргумент Риекстиня мог оказаться правильным. Но почему же тогда не было ответного сигнала и в Приежусилсе? Может, тогда еще прошло слишком мало времени после высадки. Может, Герцог не ждал еще?

— Ну, хватит. Надо хоть несколько часов поспать. Ты до вечера подыщи подходящий аккумулятор, тогда сообразим, куда нам выехать из Риги на сеанс.

Помог Вилде.

— Что старик сказал? — спросил Лейнасар, внимательно осматривая аккумулятор.

— Да ничего, только напомнил, что договаривались с ним лишь об одной услуге.

— Ничего, потребуется, так еще заставим поплясать.

У Риекстиня в Слоке оказалась дальняя родственница по линии жены — Карклиене. Решили попытаться там.

К вечеру Лейнасар и Риекстинь приехали в Слоку.

— Не смоталась бы куда-нибудь салакой спекулировать, — опасался Риекстинь.

Опасения оказались напрасными. Когда подошли к окну, услышали мощный храп.

— Неужели человек может так храпеть?

— Карклиене может.

Пришлось сильно и настойчиво стучать, пока старуха очнулась. Риекстинь с трудом втолковал ей, что они с приятелем приехали в Слоку по делам, ремонтировать радиоприемник, но опоздали на последний поезд. Нельзя ли у нее переночевать?

Переночевать Карклиене позволила. Только попросила утром посмотреть и ее приемник. В одном наушнике не такой звук, как надо.

Когда от храпа Карклиене в потолке загудели балки, Лейнасар установил рацию. Передав свои позыв-

ные, он снова и снова переключался на прием, но ничего, кроме побочных шумов, не услышал.

Вдруг случилось чудо. Лейнасар стремительно подался вперед, и рука его схватилась за карандаш. Риекстинь облегченно вздохнул. Связь с Готландом наконец была установлена.

Сеанс было очень кратким, и, когда Лейнасар расшифровал принятый текст, в нем оказалось распоряжение повторять сеансы каждые три дня, в десять часов утра по московскому времени.

На дальнейшие вызовы Герцог не отвечал. Лейнасар сердился, что не успел ничего сообщить о Карнитисе, упаковал рацию и улегся спать на старый диван. Еще долго на разные тона в разных углах скрипели диванные пружины.

— Какого черта они перешли на дневные передачи? Несчастные лодыри, не хотят, должно быть, жертвовать несколькими минутами сна! — возмущался Лейнасар, засыпая.

2

Павил Гайгал две вещи считал самыми странными в своей жизни. Во-первых, то, что выпасть ему более или менее удавалось только в буржуазной Латвии, в тюрьме. В ней он из своих сорока лет жизни просидел двенадцать. На воле он был кузнецом. Каждую свободную минуту, до глубокой ночи, отнимали подпольная работа и занятия в вечерней школе имени Райниса и еще непреодолимая страсть к чтению. Он страдал от недосыпания, как от хронической болезни. Очень хотелось изменить образ жизни и устроиться как-то более по-человечески. В буржуазной Латвии это означало сдаться, поступиться своими идеалами. Но Гайгала были упорны, это знали все, кому приходилось иметь дело с представителями их семьи. И Павил Гайгал скорее согласился бы сложить голову, чем сдаться.

Второй странностью в жизни Гайгала было то, что он в 1940 году попал на работу, какая ему и не снилась.

Гайгал очутился в системе государственной безопасности.

Работа была интересная, но ее оказалось так много, что дня не хватало, и опять приходилось занимать время у ночи.

Затем пришла война. Все планы рухнули. Первое время Гайгал был партизаном, на втором этапе войны его перевели в Москву, где он работал в контрразведке. После освобождения Риги Гайгал вернулся на работу, начатую в 1940 году. И вот уже осень 1946 года.

Гайгал подошел к окну кабинета и посмотрел на улицу. Моросил мелкий дождь. Асфальт поблескивал. Неторопливо прогромыхал в депо последний трамвай. Недавно Гайгалу кто-то сказал, что скоро стекла окон его кабинета перестанут дребезжать. Трамвай уберут, вместо него заскользят бесшумные и быстрые троллейбусы. Несомненно, рано или поздно так будет, но, чтобы появились новые средства транспорта, новые улицы, дома, целые кварталы, людям нужно только одно — спокойно трудиться. А обеспечить им это не так-то легко.

Капитан Гайгал повернулся к стене и начал пристально разглядывать картину. Эту картину — мощный, динамичный вид порта — Гайгал знал хорошо. Он сам дня три назад принес ее сюда из своей квартиры.

В нижнем левом углу полотна едва различима подпись — Ояр Стурстеп. Да, хороший художник и настоящий солдат-партизан. Ояр во всем был солдатом. Солдатом он был и на прошлой неделе, когда участвовал в подготовке первого обмолота яровых, чтобы хлеб попал скорее на мельницы, в пекарни, в магазины. Ояр, как настоящий солдат, принял неравный бой против семи вооруженных до зубов бандитов. Врач насчитал шестнадцать пулевых ран. Прошел все дороги войны и погиб в пятнадцати шагах от молотилки... Как нелепо жестоки порою судьбы людей...

Раздался телефонный звонок.

Гайгал проговорил в трубку:

— Оперуполномоченный старший лейтенант Димза прибыл? Я жду его.

В кабинет стремительно вошел молодой человек. Забрызганные грязью сапоги, помятый пестроклетчатый костюм, перекинутый через руку мокрый дождевик...

— Разрешите?

— Заходи, заходи, Арнис, присаживайся.

— Насиделся в кузове.

— Почему не в кабине? Разве так приятно мокнуть под дождем?

— Не очень, но в кабине сидел Страутинь, у него рука ранена...

— Ну, рассказывай, рассказывай.

— Я уже доложил по телефону, тебе все известно.

— Мне не нужно доклада. Хочу услышать твой рассказ.

— Рассказ довольно пестрый. Ты знаешь, что мне как уроженцу Озолской округи хорошо знаком весь район от Лимбажей до Озолов. Поэтому я и взялся руководить операцией против банды Силгайлиса. В Лимбажах к нам присоединились на двух машинах местные добровольцы. Мы окружили лесной район, где, по-моему, должна была находиться база банды Силгайлиса. В детстве я не раз ходил туда по грибы. Первая тщательная проческа оказалась безрезультатной. Добровольцы уже хотели уехать, но я решил еще раз внимательно прочесать оцепленный район, на этот раз с другой стороны. Цепь наша приближалась к большаку, когда вдруг за нами раздалась автоматная очередь. Одна пуля попала Страутию в руку. Я отдал по цепи приказание не шевелиться и ждать, как поведет себя противник. Очевидно, в землянке кто-то поспешил и ссыпал из автомата. Изучая местность сантиметр за сантиметром, я заметил, что покров мха между двумя пнями отличается более темным цветом. Переменив позицию, я убедился, что это не игра света. Мне показалась не совсем естественной темная впадина между корнями двух толстых сосен. Я решил рискнуть и приказал дать залп по мху и по щели между корнями. К счастью, я не ошибся. После первых очередей темный мох разлетелся и вместе с ним взлетели в воздух щепки. Из щели между корней нас начали поливать не только автоматными очередями, но и пулеметным огнем. Я приказал отойти к большаку и залечь в канаве. Раз логово врага обнаружено, то спешить ни к чему.

Остальные наши силы сомкнулись более тесным кольцом вокруг логова. Мы выбрали для пулеметов более выгодные позиции и начали выкуривать противника. Он держался почти полтора часа, затем высунул в разбитую амбразуру белую тряпку на палке.

Я крикнул бандитам, чтобы выходили. Но никто не показывался. Наверно, белая тряпка — хитрость, решил я. Лимбажский уполномоченный Вилцинь не выдержал и кинулся вперед. Это чуть не стоило ему

жизни. Пуля сбила у него с головы фуражку. Потом в блиндаже прогремел выстрел. И только тогда бандиты один за другим начали выходить с поднятыми руками. Самого Силгайлиса среди них не было. Оказывается, бандиты сами пристрелили его, когда он запретил им сдаваться. Он же стрелял в Вилциня.

Вот и весь мой рассказ. Под конец могу только повторить свое донесение: банда Силгайлиса ликвидирована.

— Они и в самом деле здорово замаскировались?

— Я удивлялся, когда потом осматривал их логово. Мастерская работа.

— Звериный инстинкт заставил их пошевелить мозгами.

Зазвонил телефон.

Гайгал с минуту слушал, затем коротко проговорил:

— Да, старший оперуполномоченный Димза у меня. Идем. — И повернувшись к Арнису: — Полковник вызывает.

3

Полковник Ольгерт Калнозол был из наиболее опытных работников латвийской службы безопасности. В 1914 году он, латышский стрелок, получил первое ранение. Вторично его ранило при штурме Зимнего и в третий раз — во время подавления эсеровского восстания в Москве. Одно время он командовал в Кремле группой, охранявшей Ленина, затем его взял к себе Дзержинский. В 1937 году Калнозолу пришлось оставить службу безопасности. Только переход на Тихоокеанскую железную дорогу спас его от репрессий, которым в то время подверглись многие. В 1940 году, с началом советского строительства в Латвии, когда возникла большая потребность в опытных кадрах, Калнозол переехал в Ригу и снова стал служить в органах госбезопасности. Во время Отечественной войны он был на фронте в органах смерша. В 1946 году полковник Ольгерт Калнозол был начальником отдела и руководил многими сложными операциями.

Густые седые волосы, энергичный подбородок, умные глаза, широкоплечая, чуть-чуть сутулая фигура делали его скорее похожим на военного врача или профессора химии, чем на полковника, командующего невидимым фронтом.

Когда капитан Гайгал и старший лейтенант Димза вошли в кабинет начальника отдела, полковник, в светлом, хорошо сшитом летнем костюме, стоял перед картой республики, закрывавшей полстены большого кабинета. На письменном столе был разложен план Риги. Полковник повернулся к вошедшим офицерам и подружески улыбнулся.

— Хорошо сработано, молодец!

— Товарищ полковник, я про операцию обстоятельно доложил капитану Гайгалу.

— Этого пока достаточно. На ближайшем заседании разберем вашу операцию подробно. Возможно, что при более полном использовании всех возможностей Силгайлиса можно было бы взять живьем. Но мне хотелось бы поговорить с вами о другом. Присаживайтесь, пожалуйста.

Гайгал и Димза сели.

— Борьба с бандитами опасная штука, но это еще не самая трудная борьба. Дни бандитов сочтены. Недалек тот час, когда латвийские леса будут полностью очищены. Надо только, чтобы потерю у нас было как можно меньше. Труднее борьба с врагом, который сидит не в замаскированной землянке, а в обычной квартире. Скрывается не в лесных чащах, а среди советских людей.

Оба офицера выжидательно смотрели на полковника.

— Мы засекли в эфире подозрительные сигналы.

— Это значит, что в эфире появился враг.

— Если враг в эфире, то он и на земле.

— Совершенно верно, капитан, об этом я и хочу поговорить с вами. Врага надо обнаружить и обезвредить.

— Кто будет руководить операцией?

— Я. Капитан Гайгал и старший лейтенант Димза прикомандированы к группе, которой поручено обследовать все обстоятельства, связанные с перехваченными сигналами.

Гайгал и Димза вытянулись в струнку.

— Готов выполнить приказание! — сказали они разом.

— Благодарю. Садитесь, пожалуйста.

— Помимо сигналов других данных нет? — спросил Гайгал.

— И есть и нет.

— И это уже что-то,— бросил Димза.

Полковник подошел к карте.

— Ночью с пятого на шестое августа прожекторы пограничников нашуяли в нейтральных водах быстро проскользнувшую черную точку, предположительно — моторную лодку. Примерно здесь,— полковник показал на карте. — Вероятная моторная лодка быстро исчезла, и прожекторы потеряли ее. Дежурным катерам было приказано немедленно проверить зону, но они ничего не нашли. Пограничники думают, что в ту ночь была сделана попытка тайно приблизиться к нашей морской границе, или же там заблудилась какая-нибудь чужая рыбацкая лодка или яхта, которая, заметив огни маяков и прожекторы, поняла, что попала не туда, и быстро скрылась.

— У рыбаков таких быстроходных лодок нет, катера догнали бы,— добавил Гайгал. — По крайней мере, эта версия отпадает.

— Пограничники докладывают, что после этого случая усиlena охрана всей морской пограничной полосы.

— Да, этого мало для каких-либо выводов,— сказал Гайгал.

Полковник Калнозол сел на стул, провел ладонью по седым волосам и задумчиво уставился куда-то в потолок.

— А не наткнулись ли прожекторы на неизвестную моторную лодку в тот момент, когда она выходила из наших территориальных вод в нейтральные? Ведь они видели только, как она удалялась. Но могли не заметить, как она входила в наши воды.

— Удалявшаяся лодка могла только кого-нибудь увезти, но не привезти,— рассуждал Арнис. — А входившую лодку пограничники, несомненно, должны были бы обнаружить.

— Должны были бы, но... но если можно допустить, что пограничники не заметили лодку, когда она удалялась из Рижского залива, то с таким же успехом можно допустить, что они не заметили и ее приближения к нашему берегу.

— Теоретически это можно допустить...

— Но если это теоретически допустимо, тогда допустимо, старший лейтенант, и то, что эта моторная лодка могла не только увезти кого-нибудь, но и привезти.

Капитан Гайгал подошел к карте.

— Стало быть, получается, товарищ полковник, так: пользуясь темнотой, враг на быстроходной моторке минует пограничную зону, врывается в Рижский залив, подходит к берегу, высаживает диверсанта и уходит обратно. На обратном пути, в нейтральных водах, пограничники наконец замечают нарушителя. Но поздно. Диверсант высажен, лодка скрылась.

— Так получается,— подтвердил полковник Калнозол.

Тишину нарушил Арнис:

— Когда же именно пограничники заметили моторку?

Полковник посмотрел на старшего лейтенанта с веселым любопытством.

— Поздравляю, это и есть самый интересный вопрос.

Гайгал насторожился.

— Дело вот какое,— продолжал полковник,— моторку пограничники заметили незадолго до наступления темноты. Даже при поверхностном подсчете ясно, что лодка не могла в ту же ночь, под прикрытием темноты, проделать дорогу туда и обратно. В лучшем случае она могла пройти путь лишь в одном направлении. И для этого лодка должна быть очень быстроходной.

— В таком случае мне это непонятно,— вмешался капитан Гайгал,— неужели загадочная моторная лодка вошла через пролив ночью, день проболталаась в заливе, а в другую ночь через пролив же вернулась?

— Почему же это невозможно?

— Потому что это сразу обнаружилось бы, если не пограничниками, то хотя бы рыбаками.

— Катера пограничников на другой день залив прочесали? — поинтересовался Арнис.

— Нет, они были уверены, что лодка только пытаясь войти в наши территориальные воды.

— В таком случае вы считаете, что лодка могла день провести в заливе? — спросил Гайгал.

— Почему же нет, если при этом еще утро пятого августа было туманным, а день дождливым? В таких условиях лодка без особого риска могла кружить хотя бы в районе острова Роню и, дождавшись темноты, вернуться в открытое море.

— Черт подери, вот это здорово! — воскликнул Арнис.

— Кого в данном случае должен подрать черт и что тут здорового? — спросил полковник.

Арнис смущился:

— Извините, я это не конкретно.

— Почему вы назвали именно остров Роню? Есть какое-нибудь основание? — поинтересовался Гайгал.

— И есть и нет. Некоторые рыбаки с острова Роню пятого августа в одинаковом отдалении от острова слыхали рокот, не похожий на рокот обычных рыбачьих моторов. Один рыбак даже различил силуэт лодки. Она была длиннее обычной рыбачьей...

— Почему не была объявлена тревога? Почему не доложили пограничникам?

— Никто ничего не заподозрил. Некоторые даже приняли моторку за катер пограничников.

Полковник встал и тоже подошел к карте, которую все время внимательно изучал Гайгал.

— Наша гипотеза вкратце такова: в ночь с четвертого на пятое августа, под прикрытием темноты, в Рижский залив, не замеченная пограничниками, прокраилась вражеская лодка с диверсантом или с диверсантом. Ею уже было потрачено слишком много времени, чтобы в ту же ночь высадить диверсанта и уйти обратно. Поэтому лодка весь день кружила вокруг острова Роню, чтобы не потерять направление или по какой-нибудь другой причине.

— Может быть, диверсанта высадили в первую ночь? — вмешался Арнис.

— Маловероятно. На это не пошел бы водитель лодки, у них каждый прежде всего дрожит за собственную шкуру.

— Подходит вечер второго дня, лодка стремительно приближается к берегу, высаживает диверсанта или диверсантов, развив максимальную скорость, снова исчезает в нейтральных водах. На обратном пути ее замечают пограничники, — сказал полковник.

— Товарищ полковник, — начал капитан Гайгал, — если к вашей гипотезе прибавить эти таинственные сигналы, то картина становится еще интереснее. Диверсант высаживается где-нибудь на северовидземском побережье. Пытается связаться со своими. Через некоторое время переезжает в Ригу или же на Рижское

взморье, старается возобновить или продолжить связь. Вывод: диверсанта надо сегодня искать в Риге или же в районе Рижского взморья.

— Согласен, — подтвердил полковник. — Пока у нас других, более конкретных фактов нет, мысль эту следует считать правильной.

— Это, кажется, не легче, чем найти иголку в стоге сена, — не сдержался Арнис.

— Все-таки легче, — заметил полковник, — иголка не движется, а диверсант так или иначе вынужден перемещаться и этим выдает себя.

— Старший лейтенант, и иголку в стоге сена можно найти, если перебрать весь стог или же...

— ...или же сесть прямо на иголку, — оборвал реплику Гайгала полковник. — Начните с того, что переберете стог и пойдете тем же путем, которым шел враг: какие-нибудь следы он оставил. Желаю удачи.

Во втором часу ночи капитан Гайгал и старший лейтенант Димза вышли на улицу. В окне кабинета полковника еще долго горел свет.

— Мы могли быть в постели, по крайней мере, на час раньше, если бы полковник прямо, без обиняков, ознакомил нас с делом и поставил задачу. К чему эти рассуждения, гипотезы и всякие штуки? — протяжно зевая, говорил Арнис.

— Эти штуки были весьма полезны.

— Почему?

— Думая вслух, полковник заставил и нас думать и анализировать вместе с ним, притом, повторяя свои мысли, он еще раз проверил все «за» и «против». Мне кажется, это неплохо. Чем больше какую-нибудь мысль проверяешь, тем лучше.

Арнис ничего не возразил, только еще раз зевнул.

Август был на исходе, но еще ничего по-настоящему не было сделано. Лейнасар только договорился с пятью будущими попутчиками: с Риекстинем, который ехал вместе с женой (ей, правда, об этом еще ничего не было известно), с Вилде, с женой Герцога Екаба и женой фашистского прихвостня Себриса. Риекстинь обеим написал хитро составленные письма: одной — в Рундальскую волость Бауского уезда, другой — в Триккатскую,

Валкского. Обе прибыли в Ригу в разное время. Из коротких бесед с ними Лейнасар ничего путного для себя не извлек. Обе «трудно жили» и не могли ничего рассказать о том, что делалось в деревне. Зато обе были готовы хоть сию минуту ехать за море, к мужьям.

Больше всего Лейнасара волновало то, что никак не удавалось установить регулярную связь с Герцогом. Лейнасар не мог даже сообщить о судьбе Карнитиса, не говоря уже о получении конкретных указаний из центра. Попытки в квартире Риекстиня не увенчались успехом. Эфир был полон шумов. Ехать еще раз к Карклиене казалось рискованным. Что же придумать?

Однажды утром Риекстинь проснулся с таким чувством, будто на него кто-то пристально смотрит. У кровати стоял Лейнасар; видно было, что он не в лучшем расположении духа.

— Послушай, Криш,— хмуро спросил он,— на сколько дней ты мог бы устроить себе отпуск?

— Отпуск? За свой счет или не за свой?

— Все равно.

— На недельку или полторы.

— Другого выхода нет, мы с тобой должны ехать на взморье, к тебе на дачу, и попробовать оттуда связаться с Готландом.

— Черт подери, а что сказать Милде?

— Скажи Милде все, как есть, она так рвется за границу, что пойдет на все.

— Пойти-то она пойдет, но после этого мы с тобой уже не будем в безопасности. Ты немного Милду знаешь? И подружки у нее точно такие же. Похвастает перед ними, а мы прямо в ад угодим.

— Тогда придумай что-нибудь. Милду нужно как-то обмануть или устроить все так, Чтоб она ничего не знала. Другого выхода нет.

В тот же день Риекстинь вечером съездил в Дзинтари.

Он вернулся с открытием: Лейнасар может поселиться на даче так, что Милда даже не узнает об этом. Безопаснее передавать, пока Милда на пляже или же когда она уходит в лавку.

— Сделаешь меня невидимкой? — полюбопытствовал Лейнасар.

Оказалось, на даче, со стороны леса, есть пристройка. Когда-то она предназначалась для гаража, на слу-

чай, если бы сбылась самая заветная мечта Милды и Риекстини купили автомобиль. Теперь тут хранили мелко наколотые дрова для плиты: Милда не любила готовить на примусе из-за скверного запаха.

— В этом дровяном сарайчике Милда сразу обнаружит меня.

— Селиться в дровяном сарайчике тебе, конечно, нельзя,— согласился Риекстинь. — Но над ним выстроена каморка. Я вспомнил о ней по пути на взморье. Туда есть отдельный вход со двора, по деревянной лесенке. Каморка имеет небольшое окошко. Милда сразу после десяти уходит на пляж и остается там до двух — половины третьего: она уверена, что морской воздух сохранит ей молодость.

Каморка была завалена всяким хламом, но Риекстинь немного прибрал ее. Милде сказал, что ищет оставленные там когда-то электро- и радиоматериалы. Он внес наверх раскладушку. Теперь, пока не ударят морозы, там можно жить по-царски. Еду будет приносить Риекстинь.

Он предупредил жену, что вскоре приедет на несколько дней на взморье. Нервы совсем развинтились. Это предупреждение имело двойную цель. Во-первых, он хотел, чтобы его пребывание на даче, пока Лейнасар будет действовать, не вызывало у Милды ненужных подозрений, ибо обычно он в Дзинтари появлялся редко. Во-вторых, ему не верилось, что такая цветущая женщина, как Милда, за все лето почти не приезжавшая в Ригу, к мужу, довольствуется лишь женским обществом. К тому же Милда устроила себе спальню в мансарде — внизу она не могла спать при открытом окне. Как назло, из окошка каморки спальня Милды видна как на ладони. Если Милда позволяет себе что-нибудь, то зачем видеть это чужому глазу. Правда, он и сам не был святым.

По приметам Лейнасар отыскал дачу и занял необычное жилье. Тут в самом деле можно было жить.

Взял потрепанную, но не разрезанную и еще не читанную, никем книгу — «Красное и черное» Стендэля, которую он захватил с собой со скучной книжной полки Риекстиня, Лейнасар растянулся на кровати, решив скоротать время чтением. Он слышал, как с пляжа вернулись Криш и Милда. Они о чем-то спорили, но трудно было уловить, о чем именно. Милда как будто

настаивала на том, чтобы Криш больше работал: раз обзавелся женой, то обязан обеспечивать ее.

Вечером в спальне опять возник спор. На этот раз ясно слышно было, из-за чего: супруг хотел завесить окно. Супруга возражала — ни к чему это. В комнату можно заглянуть, только если залезть на сосну, а этого никто делать не станет,— то, что можно тут увидеть, видишь каждый день на пляже, никуда не лазя. Криш все-таки настоял на своем и окно завесил.

Когда Лейнасар решил, что супруги спят крепким сном, он отпер дверь и спустился на двор. Уж очень манило море, хотелось искупаться, хотя бы ночью. На Рижском взморье всегда находились чудаки, бродившие по пляжу и купавшиеся в то время, когда нормальные люди спят. Кроме того, Риекстинь говорил ему, что на взморье много домов отдыха, публики, правда, мало, но зато она очень пестра. Среди нее нетрудно остаться незамеченным.

Лестница страшно скрипела.

Лейнасар решил перед купаньем немного побродить. Хотелось посмотреть собственными глазами, что здесь все-таки делается.

Лейнасар сразу про себя отметил, что на Рижском взморье все еще только устраивается. Он прошелся до Дубулты, встретил несколько парочек и группок молодежи. Слышна была и латышская и русская речь. Никто на него не обращал внимания.

На пляже он увидел недавно поставленные заборы, тянущиеся от садов больших дач до самой воды. Во многих окнах горел свет. В нескольких местах заборы были частично разобраны и сложены в груды. Взморский исполнком, видимо, начал борьбу с директорами новых домов отдыха и санаториев, стремившихся оградить пляж для нужд своих отдыхающих. Риекстинь когда-то говорил ему об этом. Складывались фразы донесений: «Русские разграживают Рижское взморье». Еще лучше, если Риекстинь сфотографирует это. Под фото можно дать подпись: «Русские строят на взморье заборы, чтоб ни один латыш не мог ступить на пляж».

В Дубулты, у стоянки рыбачьих лодок, он наткнулся на старое, наполовину занесенное песком проволочное заграждение. Лейнасар понял, что еще не убраны следы немецкой оккупации; тогда по всему побережью Риж-

ского залива рыбацкие причалы огораживались колючей проволокой. Возвращаясь с промысла, рыбаки могли причаливать только за колючей оградой, где их встречали поверенные оккупантов, записывавшие каждую салаку и камбалу. И здесь, если действовать умно, можно сделать хороший снимок.

Ночная прогулка дала кое-какие результаты. Лейнасар убедился, что надо самому взяться за фотографирование и поручать это другим. Слишком долго он не принимался за это. Не зря же ему дали с собой крохотный «Минокс»? Что может быть убедительнее фотоснимка? Ведь аппарат фиксирует только факты! А факты можно преподносить так, как тебе заблагорассудится. Уже он преподнесет! Такой альбомчик соберет, что мир содрогнется! И при этом еще немалые денежки заплатят.

В хорошем настроении, полный коварных планов, Лейнасар, искупавшись в холодной воде, вернулся в свою берлогу. Даже доценту Зандбергу не было бы стыдно за Лейнасара.

5

И в Дзинтари связь не налаживалась. Помех здесь почему-то оказалось больше, чем в Риге. Если в Риге шумы были неопределенными, то в Дзинтари как раз на его волне раздавался какой-то однообразный вой. Лейнасара мучила мысль: неужели его засекли? Неужели шум этот создается именно для него? Не может быть! Просто нелепое совпадение.

Риекстинь вернулся с пляжа один, раньше обычного. Он тоже не мог дождаться результата сеанса. Лейнасар лежал на кровати и читал «Красное и черное».

— Опять ничего?

Лейнасар даже не ответил. Только перевернулся страницу.

— Мне сегодня вечером все-таки надо ехать в Ригу, — сообщил, что для меня есть какая-то крупная халтура. Милда не дает покоя — деньги на земле не валяются. Думаю, тебе надо остаться здесь для следующего сеанса. Если не хватит еды, ты, пока Милда на пляже, сходи в Майори на рынок. Если и в следующий раз не свяжешься, то собирайся обратно в Ригу, что-нибудь сообразим.

В щель двери Лейнасар увидел, как Милда вошла во двор с простыней на руке, прежде чем Риекстинь успел спуститься с лестницы.

— Чего ты там ходишь? Голубей собираешься заводить?

— Я так просто... — проворчал Риекстинь.

Вечером Лейнасара разбудил громкий смех во дворе. Из любопытства он глянул в окно. У колонки обнаженный по пояс парень мылся в жестяном тазу. Рядом с ним, держа полотенце, ждала Милда и кокетливо хихикала. У дверей стоял черный мотоцикл. Кончив мыться, парень слегка обрызгал Милду, и та расхохоталась еще громче.

«Так вот почему Милда не ездит в Ригу», — подумал Лейнасар и снова лег в кровать.

Внизу, в комнате, загремела посуда. Лейнасар уже не мог уснуть. Как он предвидел, они после ужина поднялись в мансарду.

Милда перед окном неторопливо скидывала одну принадлежность туалета за другой. Парня не было видно, он, должно быть, стоял где-то в глубине комнаты. Разоблачившись, Милда лениво потянулась и, слегка покачиваясь, отошла от окна.

«Ну и стерва!» — возмутился Лейнасар.

Утром его разбудил рокот мотоцикла. Милда стояла в мансарде в небрежно накинутом халате и махала уезжающему рукой. Затем она вдруг пристально взглянула на окошко каморки и долго не сводила с него глаз. Лейнасар, глядя в окошко, всегда оставался под прикрытием всякого хлама, а теперь он еще подался в сторону и присел на пол.

Когда через какое-то время он снова осторожно посмотрел в окно, Милды уже не было.

Послеобеденное время и вечер Милда провела в одиночестве. Прежде чем лечь спать, она, в одном купальнике, занималась перед окном гимнастикой. Лицо ее почти всегда было обращено к окошку, наблюдать за ней было опасно. То же повторилось на другой день утром и вечером.

На третье утро, когда Лейнасар готовился к сеансу, Милда долго возилась дома и не шла на пляж. Лейнасар боялся, что опоздает к сеансу. Но наконец стукнула калитка, и Милда ушла. Лейнасар взглянул на часы и, приготовившись, начал передавать свои позывные.

Капитан Гайгал и старший лейтенант Димза разработали схемы проверки морского побережья, согласовали их с полковником Калнозолом. Когда они собирались уезжать, Гайгалу позвонил Калнозол и вызвал его вместе с Димзой к себе.

— Отъезд на несколько дней отложить. Приготовиться к операции,— коротко сказал Калнозол.

— Что-нибудь новое, так внезапно? — поинтересовался Гайгал.

— Получены точные сведения. Если диверсант не сменит места, мы его, как птичку, посадим в клетку. Подойдите поближе.

Полковник склонился над планом Рижского взморья.

— Объект где-то вот здесь. Войска уже размещены тут, тут и тут. По первому сигналу оцепят этот квадрат.

— Какова наша задача? — спросил Гайгал.

— За двадцать минут организовать опергруппу и за час вместе с ней разместиться около воинской части. Когда войска оцепят дачный район, вы с оперативными сотрудниками должны молниеносно, но тщательно проверить квадрат.

— Кто будет руководить операцией?

— Я. Все ясно?

— Ясно.

— Действуйте.

Гайгал и Димза быстро остались кабинет полковника.

Войска Министерства внутренних дел разместились в неотремонтированных и нежилых дачах в Майори и Дзинтари. При каждой группе находилось по несколько оперативных работников, ответственных за то, чтобы солдаты своим поведением не выдали себя. Дачников было значительно меньше, чем в июле и в начале августа — этот сезон был для них пробным. К Риге и Рижскому взморью живой интерес проявляли москвики, однако призрак войны многих удерживал от посещения прибалтийских курортов.

Хотя все эти обстоятельства сильно уменьшили ко-

личество дачников, Рижское взморье все же никак нельзя было считать глухим углом.

Центр операции разместился на верхнем этаже станционного здания в Дзинтари. Тут находились капитан Гайгал и старший лейтенант Димза. Тут же был и радиотелефон. Оперативные работники разместились по всему пляжу от Дубулты до Булдури.

Прошла ночь, прошел день и еще одна ночь. Сотрудникам службы безопасности усталость, однообразие, скука были ни почем. Их не могло размагнитить никакое ожидание. Иначе было с солдатами. У них уже после первой ночи повышенный интерес к предстоящему делу пропал. Гайгал и Димза коротали время за шахматной доской. Когда безрезультатно прошла и вторая ночь, они только поворчали.

Сигнал к началу операции был дан после второй ночи, в самом начале одиннадцатого часа. В эту минуту к станции Дзинтари на «виллисе» подкатил полковник Калнозол. Сигнал подействовал как удар электрического тока. Усталости как не бывало. Кто прошло и десяти минут, как указанный квадрат был споясан плотным кольцом войск. Машина полковника со вздрагивающим брезентовым тентом быстро обогнула оцепленную зону. За короткое время диверсанты не могли бы собрать свою аппаратуру и уйти. Если пеленгационные данные правильны, то крыса должна быть в норе. Ее только оставалось найти.

Обыск квартала был нелегким делом. Больше современные дома обыскать легче. А на Рижском взморье настроены дома самых причудливых форм, со всевозможными закутками, пристройками, погребами, сарайми и сарайчиками. Мимо той или другой каморки легко пройти и не заметить ее, а именно там и мог засесть диверсант.

Однако обыск больше всего осложняли большие двухэтажные постройки, в которых были размещены дома отдыха с довольно большим количеством отдыхающих. В это время отдыхающие, немного повернувшись после завтрака, собирались на пляж, чтобы насладиться последними солнечными деньками. По одному, и парами, и небольшими кучками люди направлялись к пляжу, но у ворот их останавливали вооруженные винтовками солдаты.

Деловые объяснения лейтенанта, что всем следует

оставаться на местах, соблюдать спокойствие, действовали, как капельки воды на горячие цистерны с бензином.

— Что случилось? Почему? Где ваш начальник? Мы никакие не преступники! Мы будем жаловаться! Самому министру! Что вы воображаете, на войне я сам такими командовал! Откуда нам знать, что вы солдаты? Может быть, вы бандиты? Звоните в Ригу! Звоните в Москву!

Только когда появился директор дома отдыха и оперативные работники разъяснили ему, что по всему району проходит проверка, буря возмущения немного стихла. Более разумные даже изъявили готовность помочь оперативным работникам в обыске.

На небольших дачах и в частных особняках дело обходилось без протестов, только некоторые владельцы дач не хотели пускать в свои погреба,— они чересчур усердно запасались провизией. Но успокоились и эти, когда поняли, что их провизия никого не интересует.

Обыск продолжался весь день и не дал никаких результатов. Злой на весь мир, полковник Калнозол ходил по цепи солдат. Придраться было не к чему. Люди работали на совесть. И все же успеха не было. Полковник накинулся на радиостов, упрекая их за ложные сведения. Те показывали материалы, полученные аппаратурой. Всеказалось правильным. И все же успеха не было.

К вечеру полковник о результате операции и неудаче доложил по телефону министру госбезопасности Латвийской ССР. Получив нагоняй и выслушав несколько метких поговорок, полковник, тяжело вздохнув, положил трубку. На месте министра он, наверно, поступил бы точно так же. Злость не проглотишь. Ее надо на комто выместить.

После неприятного разговора с министром Калнозол отдал приказание оцепление снять и оперативным работникам вернуться домой.

Говорят, что Наполеон, проверяя кандидата в маршалы, никогда не забывал спросить: «А в жизни ему везет? Если человеку не везет, то, каким бы мудрым он ни был, ему не миновать поражения».

Между Лейнасаром и наполеоновскими маршалами, конечно, была дистанция огромного размера, но на этот раз Лейнасар повезло.

Отстучав ключом аппарата Морзе несколько раз позывные, Лейнасар переключился на прием. Никаких помех не было, но ответа он не слышал. Лейнасар вызов повторил несколько раз, хотя знал, что это опасно.

Один из наушников, немного отбитый в дороге и как-то неправильно одетый, больно врезался в висок. Выстукивая позывные, Лейнасар снял наушники и в тот же миг услышал снизу голос Милды:

— Эй, вы там, наверху! Совсем оглохли?

Он не сразу сообразил, что эти слова относятся к нему. Только когда Милда опять закричала, Лейнасар осторожно подошел к окошку. Внизу в самом деле стояла Милда.

— Это моя дача, и я вовсе не хочу, чтобы вас тут нашли!

— Как это понимать?

— А так, что, начиная с первого переулка справа, весь район окружен солдатами. Хотите, чтобы окружили и дачу?

Лейнасар, широко открыв глаза, смотрел вниз.

— Чего глаза таращите, скорей убирайтесь вместе со своими пожитками!

Лейнасар мгновенно оценил обстановку, быстро отскочил от окна и пихнул аппарат в сумку. А Милда продолжала командовать:

— Только не по лестнице! Ее видно с улицы, в окно лезьте!

Лейнасар кинул сумку с аппаратурой, крикнув: «Ловите!» хоть и не надеялся, что Милда поймает и удержит тяжелую сумку. Милда превзошла самое себя. Поймав сумку на лету, она спокойно поставила ее наземь. Лейнасар полез в окошко, ногами вперед, стараясь нащупать ими выступ дровяного сарайчика.

— Не канителься, прыгай! — сердито крикнула Милда. Ей надоело смотреть на болтавшиеся ноги. Лейнасар прыгнул и упал рядом с сумкой.

— А теперь что? — спросил Лейнасар в недоумении.

— А теперь возьмите меня под руку, прогуляемся в сторону станции Булдури и первым поездом уедем в Ригу. Если потребуется, то я в дороге вас даже поцелую, мне это вовсе не будет неприятно. К тому же, мне

кажется, мы с вами уже когда-то встречались. Вы оба с Кришем, наверно, старые мошенники.

Лейнасар промолчал, ему только оставалось выполнить приказания Милды.

Они беспрепятственно добрались до станции Булдури, и, уже сидя в поезде, Лейнасар по-настоящему понял, что случилось.

— Откуда вы знали, что я нахожусь в каморке?

— Если на женщину долго смотрят, она обязательно чувствует это, тем более когда она голая.

Лейнасар не сразу нашелся, что ответить.

— Вы едете со мной в Ригу? — спросил он чуть погодя.

— Да.

— Почему?

— Чтобы вышвырнуть вас из своей квартиры. У меня нет никакой охоты вместе с вами идти в тюрьму.

— Откуда вы знаете, что я поселился на вашей рижской квартире?

— Вас на дачу привел Криш. А то с чего бы он весь день по дюнам шлялся?

— Это еще не значит, что я живу в вашей квартире.

— Так почему же Криш не захотел, чтобы я приезжала в Ригу?

— Может, он завел возлюбленную.

— Я проверяла. Криш никого домой не водит.

Лейнасару опять пришлось признать себя побежденным.

— Послушайте, — сказал он, — вы умнее...

— ...чем выгляжу?

— И это. Но и умнее Криша.

— В латышских семьях жены часто бывают умнее своих мужей.

— Может, не умнее, а хитрее.

— А разве это не одно и то же?

Вошел проводник и закрыл окна.

— Во время движения через мост запрещено подходить к окнам, запрещено открывать их, фотоаппараты должны быть упакованы... — монотонно изрек он и вышел из вагона.

Выпуская густые клубы дыма, поезд медленно проходил по деревянному мосту.

На станции Приедайне по вагону прошел молодой человек, незаметно, но пристально вглядываясь в лица

пассажиров. Милда еще крепче сжала локоть Лейнасара. Взгляд юноши только на миг задержался на парочке. Слишком много во взморских поездах таких парочек, чтоб на каждой останавливать внимание. Только когда поезд отъехал от Приедайне, разговор возобновился.

— Не понимаю: если вы едете в Ригу, чтобы выбросить меня из квартиры, отчего же вы стараетесь для меня?

— Думаете, если б вас застали у меня на даче, то меня за это по головке погладили бы? Я спасаю свою шкуру, а не вашу. Но и у меня к вам есть требование.

— Какое?

— Чтоб Криш никогда не узнал о том, что вы видели в окно.

— Разве он не видел, как вы занимаетесь гимнастикой? — Лейнасар хоть слегка кольнул ее.

— Вы знаете, что я имею в виду.

Лейнасар стал серьезным:

— Обещаю. Но разве вам не хочется знать, кто я такой?

— Криш мне все расскажет и еще поплачется, что без моего ведома затеял все это.

— Вы всегда по утрам делаете гимнастику?

— Женщине в мои годы уже пора подумать о том, как сохранить фигуру.

— Вам еще...

— Сперва приоденьтесь поприличнее и тогда делайте комплименты. А гимнастикой я занималась, чтоб убедиться в своих подозрениях, что в каморке в самом деле кто-то есть.

— И вам удалось это?

— Как видите, удалось. Редкий мужчина удержится, чтоб не посмотреть на полуодетую женщину. Мужчины ведь дураки.

Солдаты и оперативные работники уехали. Капитан Гайгал хотел последовать за ними, но Калнозол задержал его.

— Оставайся, Павил, на душе муторно, давай поужинаем, кофе выпьем. Давно я на взморье не кутил.

Без карточек в ресторане, кроме кофе и водки, ничего не подавали. И то по коммерческим ценам.

— Что только теперь не называют кофе! — отпив глоток, медленно протянул полковник. Он устал от напряженной работы и неприятностей. И в то же время чувствовалось, что ему никак не освободиться от какой-то мысли. Говорит о кофе, а думает совсем о другом.

Капитан выпил рюмку водки и терпеливо ждал. Долго полковник все равно не удержится. У него обязательно прорвется что-нибудь.

— Павил, как ты считаешь, при помощи современной техники можно всего добиться?

— Обед на электрической плитке, конечно, приготовить можно.

— Не безгрешна ли современная техника?

— Католики считают, что безгрешен один папа римский.

— Но ты ведь не католик. Как ты считаешь?

— Как я считаю? Недавно у моей машинки пружина на валика сломалась. Пять раз я таскал ее в мастерскую, и пять раз пружина ломалась снова. Машина по сей день не работает. Говорят, что это последствия войны.

— Мне жена принесла с рынка яблок. Многие оказались с червями. На рынке тоже говорят, что это последствия войны.

— Может быть. Я в вопросах садоводства профан.

— Вот видишь, Павил, если ремонтная мастерская не справилась с пружинкой твоей машинки, то и пленгационная техника могла не совсем точно определить квадрат.

Рука Гайгала с чашкой кофе застыла в воздухе.

— Послушай, Павил, пойдем отсюда, все равно зря сидим. Придем через год, тогда, может, и талонов уже не надо будет, и по коммерческим ценам выбор больший будет. Давай-ка пройдемся лучше немного по свежему воздуху.

Вечер стоял теплый и тихий, только море рокотало. Растревоженные за день волны никак не могли успокоиться.

«И Ольгерта за день растревожило, и теперь он тоже никак не успокоится», — прислушиваясь к гулу моря, думал Гайгал.

Они шли неторопливым шагом, как курортники, вышедшие прогуляться перед сном.

В окнах еще горели огни. Изредка попадались дачники, кое-где в садах раздавался смех. В нескольких местах они помешали кому-то целоваться.

— В такой вечер даже трудно представить себе, что еще недавно гремела война...

— Когда в ресторане подают такой скверный кофе и по нашей земле болтаются всякие бандиты, а диверсанты черт знает что передают в эфир, часто приходится вспоминать войну,— прервал полковник рассуждения Гайгала.

Гайгал рассмеялся:

— По-своему ты прав, но нельзя знать, что будет раньше — хороший кофе в ресторанах или республика без бандитов и диверсантов.

— Если не ошибаюсь, по этой улочке проходила граница оцепления? Пройдемся по ней.

Они свернули на маленькую, всю в песчаных буграх улочку. Тут совсем не было больших домов. Сиреневые кусты висли над оградами, закрывая освещенные и темные окна.

Уличка упиралась в редкий сосновый лес. За деревьями что-то загрохотало, из-за них прорвались споны яркого света..Шум все нарастал, замелькала вереница вагонов.

— Тащил несколько пассажиров, а черт знает какой гам поднимает! — Калнозол был недоволен — нарушили приятную тишину.

— На последнем бюро ЦК кто-то заговорил о постройке электролинии на взморье.

Гайгал уже было хотел свернуть на лесную тропу и пойти дальше, но полковник удержал его:

— Пройдемся еще назад.

Они прошли немного назад и остановились около первой дачи. Она была невелика, на улицу выходили всего лишь два окна. Одно было видно с улицы, другое пряталось за густыми кустами акаций, как и весь забор с еле заметной калиткой.

— Чем тебя удивил этот домишко? — недоуменно спросил Гайгал не отходившего от забора Калнозола.

— Меня не домишко удивляет, а беспечность людей, которые, ложась спать, оставляют открытыми окна.

— Не все воров боятся.

— И неправильно делают. И даже не подняли опрокинутую вазу с цветами.

— Какую вазу?

— Не видишь? — Калнозол достал карманный фонарик и направил на окно узкий, но яркий луч света.

Теперь и Гайгал увидел на подоконнике опрокинутую вазу. Часть цветов еще находилась в вазе, часть повисла, зацепившись за подоконник.

— Ветер только недавно затих. Ежедневно в квартирах опрокидываются сотни ваз. Иные поднимают их сразу, иные — потом.

— Но хрустальные вазы обычно поднимают сразу, особенно в таких домишках, как этот.

— Почему она хрустальная? Обыкновенная стеклянная.

— Хе, хе! Если б ты вздумал сделать жене дорогой подарок, то тебя легко было бы обмануть. Разве стекло так сверкает? — И Калнозол снова направил на вазу спот света.

— Да, она хрустальная,— согласился Гайгал.

Калнозол уже был у калитки и легко толкнул ее. Она бесшумно отворилась.

— Что ты хочешь делать?

— Как отзывчивый прохожий хочу предупредить людей — пускай закроют окно.

Полковник с капитаном вошли во двор. Никаких признаков жизни.

— Смотри, даже двери не закрыты,— полковник показал на полуоткрытые двери.

— Это в самом деле странно.

Полковник вошел на дачу, Гайгал остался на дворе. Теперь его тоже заинтересовала возникшая ситуация. Он обошел две яблони, кусты черной смородины, несколько декоративных растений. Немного запущенный, но, насколько видно в темноте, довольно приличный садик. Дошел до пристройки, поднялся по лестнице, посмотрел на мансарду, где в окне сверкнула узкая полоска света карманного фонаря полковника. Затем свет блеснул уже на нижнем этаже, и Калнозол вышел во двор.

— Пусто и тихо, словно дом второпях оставили.

Полковник обвел внимательным взглядом дровяной сарай и черневшую над ним в темноте каморку, хотел осветить и ее, как вдруг Гайгал шепнул ему:

— Кто-то идет!..

В самом деле, за кустами акации мелькнула фигура. Оба тихо скользнули в тень сарайчика.

Стукнула калитка, и во двор торопливо вошла женщина. Не глядя по сторонам, она кинулась в открытые двери. На даче загорелось электричество. Сначала снизу. Затем с лестницы донесся перестук каблуков, и свет появился в окне мансарды.

— Она, кажется, прибежала прямо со станции. Очень спешила.

— Вспомнила, наверно, что забыла двери запереть,— сказал Гайгал.

— Исчезнем без шума,— проворчал Калнозол, двинувшись к калитке.

Они прошли по уличке порядочное расстояние, когда захлопнулось окно, на котором лежала опрокинутая хрустальная ваза с цветами.

10

Когда Лейнасар и Милда вышли из Рижского вокзала, солнце было в зените. На привокзальной площади с Милдой поздоровался какой-то старишка, обвесанный четырьмя пустыми корзинами. Видимо, он возвращался с рынка.

— Добрый день, папаша Гоба! Что же вы на этот раз хорошего продали?

Старичок остановился:

— Что ж, госпожа Риекстинь, нынче продать можно? Сливы носил.

— И так быстро у вас их разобрали?

— У меня всегда берут. «Виктория». Сама во рту тает. — Застучав корзинами, старичок продолжал путь.

— Что за Гоба? У него сын в Швеции? — спросил Лейнасар.

— Вы знакомы с его сыном?

— Алексиса Гобу я прекрасно знаю. Всегда улицу Безделигу вспоминает.

— Гобы там живут.

Милда вдруг повернулась и бросилась бежать.

— Папаша Гоба! Папаша Гоба! — громко звала она.

Прохожие оглядывались на женщину, так громко кричавшую посреди улицы. Старичок обернулся. Милда поманила его рукой и подождала, пока он вернулся.

Из-под козырька потрепанной фуражки смотрели серые, усталые, но лукавые глаза.

— Хочу кое о чем поговорить с вами, если вы не очень спешите.

— Мне спешить некуда, только свинью и гуся покормить надо. У старухи опять радикулит этот.

— Свинья подождет. Отойдем в сторонку и присядем на скамейку, а то эти корзины уморят вас совсем.

— Да они ведь пустые. С утра-то я задыхался и голова кружилась, пока до рынка дотащил.

Не дослушав старика, Милда повернулась и через привокзальную площадь направилась к каналу. У канала она села на скамейку, достала из сумки пудреницу и принялась пудрить нос. Гоба неторопливо ковылял к ней.

За стараниями Милды Лейнасар наблюдал издали, и только когда старишок уже уселся рядом с ней, Лейнасар по всем правилам уличного движения пересек на перекрестке сперва улицу Суворова, затем бульвар Райниса и сел рядом с ними.

— Папаша Гоба, этот молодой человек — друг Алексиса. Он много может рассказать о нем. Вместе в одной комнате жили, вместе на заграничные фильмы ходили.

Услышав о сыне, старики заерзали, глаза у него загорелись, но тут же опять потухли, стали такими же безразличными, как раньше.

— Что он может о сыне знать? Тот ведь в Швеции. Военные ветры унесли, надломили меня, как старую яблоню. Старуха никак помереть не может.

— Зачем глупости говорить, папаша Гоба, этот молодой человек ведь только что из-за границы приехал.

Гоба опять оживился.

— В самом деле?

Лейнасар подробно описал сына Гобы, вспомнил несколько его излюбленных фраз и даже постоянное выражение, которым тот пользовался чуть ли не после каждого второго предложения: «...и наоборот». Старики перестали сомневаться. Вытер слезы и вздохнул:

— Да, да, такая была у Алексиса привычка. Как рассердится, так кричит на меня или мать: «Я тебя в землю вгоню и наоборот!» Еще сегодня помню, как он говорил: «Свинья хорошее животное и наоборот...» Да,

да, было у Алексиса такое слово... А военные ветры унесли его... Некому сливы снимать. Все погибло, все.

Милда дала старику немного поохать, затем продолжала задуманное наступление:

— У нас к вам просьба, папаша Гоба, не могли бы вы друга сына на время приютить у себя? Ведь вы с мамашей одни в таком большом доме.

Старик опять насторожился:

— А почему он не может жить у вас?

— Мог бы, конечно, но у нас такие ненормальные условия — приехала моя двоюродная сестра с двумя детьми, а Кришьянис уже вторую неделю с воспалением легких лежит, каждые полчаса надо компрессы ставить, хоть сестру милосердия в дом бери... — Милда тоже тяжело вздохнула.

— Трудное сейчас время, мы со старухой сами еле перебиваемся.

— Деньги у меня есть,— прервал Лейнисар жалобы старика.

— Денег у друга вашего сына много,— подтвердила Милда.

Старик что-то соображал. Наконец согласился.

— Только тебе сначала надо купить килограмма три-четыре колбасы или мяса. На рынке можно достать.

— Вы одной колбасой жильца кормить собираетесь?

— Не для него: без колбасы собаки его в первый же день живьем сожрут. Должны привыкнуть к нему.

Лейнисар обещал, что колбаса будет, и старик собрался уходить.

— Ну, так я побегу. За свиньей смотреть надо, чтобы не визжала, а то соседи сразу жалиться побегут. Когда у самих дети галдят, так нам и пикнуть нельзя.

Договорились, что сегодня же Лейнисар переберется на улицу Безделигу. Гоба, обвшанный пустыми корзинами, проворно засеменил прочь.

Лейнисар, ухмыляясь, посматривал на Милду:

— Хорошо вы меня сбыли.

— Вы мне еще спасибо скажете, хоть и забочусь я о себе, а не о вас. ЧК умнее, чем вы полагаете. Кто-нибудь заметит их сегодняшнюю ошибку, и начнутся всевозможные проверки. Зачем рисковать ради вас? Вы ведь даже не мой возлюбленный.

- Но, может быть, я могу сделать для вас что-нибудь очень хорошее?
- Интересно — что?
- Ну, например, помочь вам попасть за границу.
- Милда с любопытством посмотрела на Лейнасара.
- Что в этой паршивой сумке?
- Вам лучше этого не знать.
- Может быть, и в самом деле стоило позаботиться о вас,— сказала Милда и встала.

Лейнасар менее чем за полчаса был готов, чтоб перебраться к Гобе. Когда он ушел, Милда начала генеральное наступление на мужа. Тот подробно рассказал ей — не больше того, конечно, что знал сам. Кришьянису, несомненно, пришлось бы убедиться в прочности обуви, изготовленной отцом Милды, если бы ее не удержала от экзекуции зароненная Лейнасаром надежда попасть за границу.

После ухода Лейнасара Милда тщательно проверила квартиру, не остались ли какие-нибудь следы. На всякий случай она в доме все протерла и перемыла. Только поздно вечером она вдруг встала как вкопанная посреди комнаты и схватилась рукой за сердце.

- Ох, господи!..
- Что такое? — испуганно спросил Риекстинь.
- Милда вмиг скинула домашние туфли, быстро сунула ноги в уличные, схватила сумку и выскочила на лестницу.
- Криш выбежал за ней:
- Скажи на милость, что случилось? Куда побежала?
- Из-за этой скотины я на даче все окна и двери открытыми оставила! — бросила Милда и помчалась по лестнице.

11

Около двух часов ночи в Министерство госбезопасности вернулся Димза и доложил: в указанной даче, в каморке над дровяным сараем, обнаружены следы, еще недавно там кто-то жил. Теперь каморка пуста.

В половине третьего на квартире Риекстиня произвели обыск, но ничего подозрительного не нашли.

Когда Гайгал кончил докладывать о результатах акции, Калнозол только вздохнул:

— Упорхнула птичка, но далеко она не улетит. За дачей и квартирой Риекстиня надо следить.

Полковник еще раз вздохнул и пошел к генералу выслушивать не очень лестные реплики. Димза и Гайгал отправились домой — хоть несколько часов поспать.

Шестая глава

ЛЕИНСАР РАЗВИВАЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1

Дом Гобы пришелся Лейнасару по душе. Из-за небольшой жилой площади деревянная одноэтажная постройка не была национализирована. Размеры сада, правда, превышали дозволенные нормы, но на такие вещи сразу после войны не обращали внимания. Так что Гоба тут был полным хозяином. Сад был окружен дощатым, когда-то коричневым забором, над которым тянулись три ряда колючей проволоки. Изнутри забор обсажен сиренью. С этой сиренью стариk непрерывно воевал — подрубал корни, обрезал ветви, не давал ей разрастаться внутрь. Хочет — пусть тянется на улицу. Срубить сирень не решался: за ранние цветы на рынке можно кое-что взять. К тому же сирень закрывала сад от посторонних взглядов. Зачем будить нехорошие мысли у всяких лодырей и воров, которые только и думают, как бы чужим добром поживиться?

В саду использован каждый клочок земли. Яблони, сливы, вишни, черная и красная смородина, кусты крыжовника, грядки с клубникой, огурцами, салатами, помидорами, парник для ранней продукции, борозды с картофелем — все строго продумано, взвешено, чтоб ни одна пядь земли не осталась необработанной. Дорожки узкие-узкие, сразу на обе ноги на них и не станешь.

Дом посреди самого сада, хлев чуть в сторонке, тут же и навес для дров. В хлеву когда-то стояла корова. Теперь старухе тяжелая работа не под силу. С нее хватит и свиньи, кроликов и восьми гусей. Для них за хлевом отведен маленький, похожий на ящик загончик. Меньше будут двигаться, больше жиру нагуляют, рассуждали старики. Дом сторожили четыре большие ов-

чарки; каждая привязана перед своей стороной дома и бегает, волоча за собой цепь по протянутой в воздухе проволоке. Живым мимо них чужому не пройти.

Несколько дней подряд Лейнасар задабривал этих зверюг колбасой и другими лакомствами, и вскоре те при виде своего добродетели только тихонько скулили.

Лейнасара поселили в комнате Алексиса. В ней ничего не изменилось, с тех пор как Алексис ушел в шуцманы. Покрытый льняной скатертью стол, железная кровать под пестрым одеялом, книжная полка с несколькими школьными учебниками и патефоном, на стенах добрая сотня фотокарточек киноактрис и киноактеров, в углу возле печки — велосипед без покрышек. Велосипеду Лейнасар обрадовался, починит и будет ездить, не придется большие расстояния пешком бегать. От этой комнаты ближе всего к забору; если постучат, то услышит и без лишнего шума проведет к себе мимо собак.

После того как Лейнасар в первый вечер выложил все, что знал об Алексисе, немало, конечно, приврав при этом, чтобы расположить к себе стариков, они заговорили о плате за квартиру и стол. Старуха в разговор не вмешивалась, только нашептывала что-то старику на ухо.

Наконец старик потребовал пятьсот рублей в месяц, кроме того — отдельно на мясо.

— Но я ведь друг вашего Алексиса! — воскликнул Лейнасар.

— Потому так дешево и пустили вас.

Было ясно, что торговаться не имеет смысла. Пришлось согласиться. Когда Лейнасар, слегка запинаясь, сказал, что о том, что он тут живет, никому не говорили, и что ему лучше с милицией дела не иметь, старики опять зашушукались и выдвинули новые требования. Коли так, то надо постро же за домом следить, и накинули еще пятнадцать рублей в месяц на содержание собак.

2

На следующее утро, часов в семь, собаки залились страшным лаем — цепи гремели, проволока визжала, колья качались. Лай овчарок сливался в сплошной жуткий вой. Когда Лейнасар выбежал на двор, там,

прижимаясь к калитке и весь дрожа от страха, стоял Вилде.

Лейнасар с трудом успокоил собак и провел Вилде в дом. Вытирая холодный пот, старик опустился на стул. Лейнасар подал ему воды в помятой жестянной кружке.

— Видите, как получается,— обретя кое-как дар речи, пожаловался инженер,— дашь черту палец, он и руку откусит.

— А кто же в данном случае черт?

— На этот раз — вы.

— Немалая честь. Только не понимаю, чем я ее заслужил?

— Мы договорились с вами только об одной услуге, а это уже третья.

Лейнасар с опасением ждал, что скажет Вилде. Должно быть, случилось что-то недобroе, если этот трус в такую рань пожаловал сюда. Долго Лейнасару ждать не пришлось. Вилде рассказал, что прошлой ночью на квартире Риекстиня был обыск. Ничего не нашли и никого не арестовали.

Новость в самом деле пренеприятная. Значит, Милда выручила его в самую последнюю минуту.

— Кто вам это сказал? Риекстинь был у вас?

— Нет, какая-то девчонка принесла письмо. Дальняя родственница Риекстиня, живет в том же доме, у дворника, учится на парикмахершу. Риекстинь уверен, что за домом следят и вам ходить к нему нельзя.

— А за вами никто не следил?

— Нет, девчонка вылезла с другой стороны дома, через подвальное окно. Я к вам больше не приду, это в первый и последний раз. У меня категорическая просьба к вам.

— Какая?

— Не давать мне больше никаких поручений, не вмешивать ни в какие дела.

— Ив поездку в Швецию тоже?

— Это другое дело. Когда к поездке все будет подготовлено, сообщите. Слово надо держать, а чтобы уехать, я должен был выполнить только одно задание — разузнать в Вентспилсе о судьбе Карнитиса и его группы. Это я сделал. Не имеете права требовать от меня еще чего-то.

— Дать вам еще воды?

— Нет, благодарю. Но я не шучу.

— Ладно, учту это и за дополнительные услуги постараюсь устроить вам хорошее место в лодке.

Лейнасар проводил Вилде мимо собак и, озадаченный, вернулся в комнату.

Несколько часов он вышагивал из угла в угол, тщательно анализируя каждый свой поступок после высадки на берег. Неужели напали на его след или только перехватили его радиосигналы? Где ошибка? И допустил ли он вообще какую-нибудь ошибку?

Особых ошибок не было. Первая угроза возникла при оцеплении района на взморье. Стало быть, внимание ЧК привлек не он сам, а его рация. Ловили не его, а радио. Но что может означать обыск на квартире Риекстиня? Только то, что, видимо, какое-то подозрение пало на дачу Риекстиня? Наверно, только подозрение, а то обыск кончился бы совсем иначе. Подозревать могли все дачи, находившиеся в оцепленном районе и поблизости от него. Тут нет ничего необычного.

Проанализировав положение, Лейнасар пришел к выводу, что пока ему непосредственная опасность не грозит. Он попал в ловушку, но удачно ушел из нее. Стадо гусей спасло Рим, а чтобы спасти его, хватило одной гусыни. Черт подери, гусыня эта не так уж плоха... И перед глазами Лейнасара замелькало окно мансарды...

Справившись с минутной слабостью, Лейнасар продолжал взвешивать обстановку. Если его радио так быстро и точно засекли, то ошибку надо искать именно тут. Ошибкой было легкомыслие. То, что можно было когда-то позволить себе в немецком тылу, нельзя позволять сегодня... Тогда каждая рота, каждый командир авиаизмена забивали эфир коротковолновыми передачами. Пеленгаторы искали точно в каше. А теперь?

А теперь — вот проклятье!.. Очевидно, в одном месте можно проводить только один сеанс, и притом очень короткий. Надо часто менять место для радио, причем одно от другого должно быть на большом расстоянии. Как это сделать? Взгляд Лейнасара упал на велосипед возле печки. Но это значит, что ничем другим он заняться не сможет, придется только разъезжать, налаживать связь. На кой черт ему тогда эта связь? Если он ничего не сделает, то его все равно не возьмут обратно в Швецию... А старые живодеры со временем высосут из

него все его десять тысяч рублей — весь оборотный капитал, и тогда... Это, конечно, еще не самое страшное, деньги останутся у них же в чулке... приставит пистолет к горлу и заберет обратно. Но это не выход...

В тот же день Лейнасар разработал план дальнейших действий. Срочно надо создать группу. Всю ее так впутать в шпионскую работу, чтоб ни у кого не было обратного пути. Или в Швецию, или в ЧК. Задания распределить. Группа должна собрать эффективный материал, быстро, в короткое время. Самое главное — надо найти человека, который вместо него занимался бы рацией. С людьми надо встречаться в другом месте, лучше всего в разных местах. Это логово надо сохранить в тайне. Все равно сюда ходить нельзя, собаки поднимают на ноги всю окрестность. Очень скоро могут возникнуть подозрения.

3

Инженер Вилде пришел в себя только во второй половине дня. Ну, теперь, хотя бы будет покой. Всякие тайные задания не для него. Он интеллигент, а место интеллигента за письменным столом. Тщательно прочитав газету и обдумав, о каких вопросах хорошо бы завтра на работе погромче потолковать, он уже было собрался в постель, как у двери задребезжал звонок. Вилде вздрогнул и остался на месте. Провел ладонью по лбу, опять выступил холодный пот. Неужели Риекстинь уже навлек на него беду?

Звонок повторился.

Когда Вилде в открытых дверях увидел Лейнасара, то задрожал от злости:

— Вы?.. Опять вы?

— Спокойно, прошу не волноваться, я только на минутку,— и Лейнасар на всякий случай просунул ногу в приоткрытую дверь.

Довольно долго они сидели друг против друга за письменным столом и молчали. Вилде уставился на огромный буфет, и ему казалось, что тот наклонился и вот-вот рухнет на него.

— Не дать ли вам воды?

Вилде не отвечал.

— Этот раз в самом деле будет последним.

Вилде все еще не отвечал. Он видел, как с дождевика

Лейнасара на пол натекли мелкие лужицы. На улице дождь... Балбесу этому даже не стыдно — наследил в комнате... Как сквозь туман, до него долетал голос Лейнасара.

Лейнасару хотелось знать, не может ли Вилде в самом деле вспомнить кого-нибудь из старых деятелей при немцах, которые живут теперь легально или нелегально в Риге.

— Ведь я вам уже сказал... — пробормотал он.

— Но, может, у вас случайно всплывет что-нибудь в памяти.

Великое желание как можно скорее избавиться от незваного гостя, видимо, дало толчок мозгам инженера.

— Идите к Пакалну! — бросил он.

— К какому Пакалну?

— К капитану Пакалну, его недавно выпустили, работает теперь библиотекарем на «Радиотехнике».

— Адрес?

— Улица Кантора...

— Спасибо и до свидания. И не надо так волноваться. Если в лодку насядут такие нервные, как вы, то она обязательно потонет.

За Лейнасаром стукнула входная дверь. Вилде еще долго сидел, съежившись, за письменным столом.

Пакалн и в самом деле был бы находкой. «А может, Вилде болтает? Пакалн уже на свободе?!» — рассуждал Лейнасар, растянувшись на кровати Алексиса. Петериса Пакална он знал хорошо. Вместе работали на «Телефункене». Не моргнув глазом тот один выпивает три бутылки коньяку, а потом с шестидесяти шагов бьет из пистолета без промаха по пустым бутылкам. С советской властью у него большие и сложные счеты еще с 1919 года. Воевал у фон дер Гольца против красной Риги, потом был офицером буржуазной армии. В 1940 году куда-то скрылся. Пришли немцы. Сперва заделался начальником на «Телефункене», потом ушел в легион, командовал ротой, дослужился до капитана. После капитуляции удрал в Швецию. Боясь осложнений с Советским Союзом, шведское правительство интернировало бывших военнослужащих немецкой армии. Среди них было и много латышских легионеров. Лейнасар с Пакалном даже обменялись несколькими письмами, вспомнив о знакомстве на «Телефункене». В прошлом году поднялся страшный переполох. Швед-

ское правительство заключило с Советским Союзом соглашение о реэвакуации советских граждан, служивших в немецкой армии и удравших за границу. О господи, какой вой поднялся в кругах латышских эмигрантов, когда соглашение распространяли на интернированных в Швеции латышских легионеров. Легионеры в лагере объявили голодовку. Несколько офицеров, виновных в массовых убийствах мирного населения, с пепрепуту покончили с собой. Предприимчивые эмигранты принялись за организацию побегов легионеров в Америку, но из этого, конечно, ничего не вышло. На этом и весь шум затих. Вскоре некоторые из реэвакуированных выступили по рижскому радио, заявив всему миру о том, что никто не собирается их расстреливать или вешать и что им, наборот, помогли устроиться на работу, начать честную жизнь.

К тем, кто больше всех брыкался, не желая вернуться в Латвию, принадлежал и Пакалн. Он даже обратился в американское и английское посольства, прося их вмешаться, учитывая хотя бы его заслуги в 1919 году. Но в то время готовились материалы к Нюрнбергскому процессу, и посольства притворились глухими.

«Выходит, что и Пакална устроили на работу. Ничего,— решил Лейнасар,— сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит*.

На другое утро, когда старый Гоба собрался на рынок с яблоками, Лейнасар дал ему денег, попросив купить на обратном пути бутылку коньяка. Без коньяка к Пакалну идти не имело смысла. Из трезвого Пакална слова не вытянешь.

Бывший капитан Пакалн жил у своего младшего брата, который после скитаний по разным немецким частям работал теперь учителем в 29-й школе.

В тот вечер, когда Лейнасар явился к Пакалну, капитан был в квартире один и сам с собой играл в шахматы. Отперев дверь, он даже не посмотрел, кого впустил, и вернулся к шахматной доске. Сквозь полуоткрытую дверь в маленький коридорчик из комнаты проникал свет. Лейнасар тщательно закрыл за собой входную дверь, снял пальто и неторопливо вошел в комнату. Пакалн, искоса взглянув на него, проворчал:

— Янки нет дома.

Лейнасар ничего не ответил, уселся на диван и стал терпеливо ждать. Ждать пришлось долго. Только когда

Пакалн опрокинул белого короля, он снова взглянул на Лейнасара. Хотел расставить фигуры для следующей партии, но сперва всмотрелся в гостя.

— Ты? — проворчал он. — Закурить есть?

— Нет.

— Ну да, ты и на «Телефункене» не курил.

Сам достал из брошенного на спинку стула пиджака помятую пачку сигарет и закурил, щелкнув зажигалкой, сделанной из гильзы автоматного патрона.

— В шахматы играешь?

— Нет.

— Глупец, этот вид духовного онанизма — лучшее развлечение в грбю.

— Но зато у меня есть коньяк.

— Коньяк? — недоверчиво спросил Пакалн. — Настоящий?

— Армянский.

Пакалн медленно встал, зашаркал к стоявшему в углу буфетику и достал оттуда две рюмки. Поставил на стол и завертел одну из них в пальцах.

Подстраиваясь к неторопливости хозяина дома, Лейнасар вышел в коридор и достал из кармана пальто бутылку.

Первые четыре рюмки выпили, не проронив ни слова. Лейнальар терпеливо ждал. После пятой последовал вопрос:

— Денег занять пришел?

— Нет.

— Разумно. Все мои доллары в нью-йоркском банке. Угол ищешь?

— Нет.

— Тоже разумно. Все равно не пустил бы. Тут все принадлежит Янке. Он всяких гусынь водит, а мне приходится на кухне на полу спать.

Пакалн все чаще подавал реплики, и Лейнасар понял, что лед постепенно тает. Еще несколько рюмок, и лицо Пакална оживилось, глаза заблестели. И вскоре он, возбужденно жестикулируя, начал хвастать:

— Я только крикнул своим ребятам: «Пошли!» — и пошли. Только дермо и дым полетели. Трупов — пруд пруди. Шоссе мости. Меня лучше не тронь. Помнишь, когда мне в первый раз роту дали? От всей роты только четверо уцелело. За это мне первый орден дали. Меня лучше не тронь.

- Много у тебя орденов?
- Много, только я их в Швеции на водку выменял. Меня лучше не тронь.

Истории иссякли, когда коньяку в бутылке осталось совсем мало. Капитан как-то встряхнулся и, казалось, только теперь начал по-настоящему соображать, что к чему.

— Послушай, да ты ведь тоже в Швеции был? Еще несколько писулек мне в лагерь прислал, если не ошибаюсь, так я даже отвечал тебе.

- Совершенно верно, и я был в Швеции.
- И тебя выдали.
- Нет, я сам приехал.
- В сумасшедшем доме на учет встал?
- Меня прислали. Господь своих не оставляет.

— Ты бога оставил, черт мне куда симпатичнее. Но лучше кончай болтать и расскажи все толком или убирайся.

Лейнасар решил рассказать Пакалну всю правду. Пакалн слушал внимательно. Только раз выскоцил в коридор — проверить, хорошо ли заперты двери. Вернулся и продолжал слушать.

- А если попадешься?
- Сам знаешь, что будет. Не попадусь. Не у таких мастеров учился. А ты, может, на другую сторону переметнулся? Библиотекарем работать не так плохо.
- От скучи даже мухи дохнут. А я хочу жить. Как ты думаешь, долбанут наконец англичане и американцы Советы?
- А ты сам, как думаешь?
- Долбанут!
- Само собой — долбанут, а то зачем меня сюда посылали. Но тогда нас тут уже не будет. Приедем победителями и возьмем, что победителям положено.

Они поняли друг друга. Лейнасар нашел еще одного союзника.

Когда пришел брат Пакална, тот тоже вдохновился надеждами на будущее, изображенное ему Лейнасаром и Пакалном. И ему хотелось вернуться победителем.

— Только знай, я в Швеции не останусь. Мне там все противно, назавтра же устроюсь на судно, чтоб податься в Австралию или еще куда-нибудь.

Когда уже почти все обговорили, Лейнасар стал жаловаться на нехватку людей.

— Люди будут, говорю тебе. Правда, уйма народу спуталась с коммунистами, но еще есть и люди с умом. Я помогу их тебе найти.

Не признаваясь в своих неудачах с радиосвязью, Лейнасар сказал, что ему срочно требуется человек, который умел бы обращаться с радиостанцией. Желательно с собственным транспортом: чтоб работал шофером или же имел мотоцикл.

— Погоди, погоди,— перебил Пакалн,— Фредис ведь работает на грузовике.

— Это что за Фредис?

— Лидак. Не помнишь? Тоже на «Телефункене» вкалывал. У нас в полку на рации ворочал. Миллион знаков в секунду выстукивает. Не радист, а инженер. Несколько лет на судах плавал.

— Надежен?

— Ручаюсь.

— Где он теперь?

— Не знаю, разыщем.

— Хорошо, разыщи Фредиса...

4

Прошел август. По всей республике спешили с осенними полевыми работами. Газеты призывали скорее закончить сев озимых. Много писали о колоннах с хлебом, двигавшихся по большакам с красными флагами к приемным пунктам. Сушки и элеваторы заполнялись зерном.

Лейнасар в окружении четырех собак с раздражением читает газеты. Впивается глазами в каждую строчку, ищет желаемое. Но газеты очень скучно питают его ненависть. Там все посвящено мыслям о будущем. Он вынужден лихорадочно искать другие источники. Скоро зашумят осенние штормы, навигация будет затруднена, и бегство из настоящего в прошлое придется отложить. Дорог каждый день.

На некоторое время квартира на улице Кантора становится штабом Лейнасара. Братья Пакалны сдержали слово. Они помогают находить нужных людей.

Многим из них уже дана возможность начать новую жизнь, они обеспечены работой. И все же они пока чувствуют себя здесь чужими.

Рольф Данненберг. Он устроился заведующим подсобным хозяйством детского сада. Детский сад находит-

ся в Риге, подсобное хозяйство — в Адажах, недалеко от усадьбы «Путрини». Но Даннынберг живет в Риге. Он боится сельской тишины. По ночам ему мерещатся его похождения в то время, когда он был немецким пограничником. При виде малышей, которых обслуживает, он отворачивает голову. Его пугают доверчивые и любознательные детские глаза.

Даннынберг кажется Лейнасару очень полезным — умеет обращаться с радиостанцией. Для нескольких передач можно использовать и Адажи.

Двадцатисемилетний Гуго Пакрастинь. В 1944 году добровольно вступи[^] в одну из фашистских карательных групп, затем — в немецкую армию. С Лейнасаром держит себя как со старым знакомым: когда-то они вместе работали на радиозаводе Апситиса-Жуковского. Теперь служит на Рижской товарной станции, и хотя он там на хорошем счету, у него тоже земля горит под ногами. А что, если узнают о его карательной группе? По головке не погладят. Поэтому и его манит шведский берег.

Однажды вечером на улице Кантора Лейнасара ждал человек. Его привел младший Пакалн. Человек этот был хорошо одет. От волнения он не переставая шевелил нижней челюстью. Это был адвокат лимбажской юридической консультации Тейш. На вид ему лет тридцать, даже чуть поменьше. В тот вечер Лейнасар и не подозревал, что лимбажский адвокат сыграет какую-то роль в его личной жизни. Издавна зная, что адвокаты народ дошлий и что им лучше не доверяться, Лейнасар, познакомившись с Тейшем, сразу спросил его, что ему здесь, в Латвии, не по душе. Тейш рассказал: при Ульманисе окончил юридический факультет. Из кожи лез, чтобы угодить власти имущим. Как латгалец он для себя другой возможности сделать карьеру не видел.

— И до чего долезли?

— Сразу после окончания курса мне дали место юрисконсульта в Коммерческом банке. Там я работал и при немцах.

— Разве адвокатом хуже?

— Кто при советской власти адвокат? Маленький человек, крохобор. В прежнее время адвокаты были состоятельными людьми.

— Мечтаете разбогатеть и поэтому хотите в Швецию попасть?

— Кто же не мечтает разбогатеть? Но не только это...

Тейш признался, что еще при немцах промышлял фальшивыми документами. Занимается этим и после войны. Есть связи.

— Могли бы вы меня снабдить некоторыми паспортами?

— Мог бы.

— Сколько берете за документ?

— Восемьсот рублей, но для вас, конечно, бесплатно.

— Само собой разумеется,— криво усмехнулся Лейнасар.

Уходя, Тейш сказал, что у него есть товарищ по университету, который тоже не прочь податься за границу, может оказать кое-какие услуги.

— Надежен?

— Надежен, у него есть связи с теми, что в лесах.

— Ладно, пускай приходит.

Уже на другой вечер Тейш привел с собой юрист консультанта Коммунального банка Антона Кайминя.

Пригодится так или иначе, с теми, что в лесах скрываются, все равно связаться надо будет.

На улице Кантора завербовали также монтера управления связи Антона Гаспара и бывшего айзсаргского командира и члена истребительного отряда Адольфа Таушмана. Этот устроился наблюдателем на гидрометеорологической станции... Лейнасару понравилось, что он живет в Кемери. Использует это для радиосвязи.

Мастера с «Радиотехники» Кербитиса Лейнасар случайно встретил на улице. После нескольких свиданий тот тоже согласился ехать в Швецию. Лейнасар уверял, что там радиомастера на вес золота.

Теперь Кербитис работает диспетчером на хлебокомбинате. Тоже может пригодиться — комбинат снабжает и воинские части.

Но Фредиса Пакалну никак не удавалось найти, а тот со своим грузовиком был нужен как хлеб. Все это были люди прошлого.

Лейнасар не чувствовал себя ни в чем виноватым. Он ухмылялся. Он праздновал победу. Он выполнял задание, сколачивая свою группу.

Лейнасар понимал, что на улице Кантора устраи-

вать явку не следует. Вскоре он начал назначать встречи на квартирах завербованных.

Каждый получал от него задание — собирать сведения, компрометирующие советский строй. Недовольство каждого случайного прохожего надо было использовать. Очень желательна была информация военного характера.

Лейнасару тащили всякую чепуху. Да и чепуху собирали без заметного воодушевления — лишь бы заслужить себе место в лодке.

Седьмая глава

ЕЩЕ ОДНО ПРАВИТЕЛЬСТВО

1

Оперуполномоченный старший лейтенант Димза так и не поехал на видземское побережье осматривать вероятное место высадки диверсанта. Туда отправились другие.

Министр поручил полковнику Калнозолу разработать широкий план ликвидации бандитских групп в курземских лесах. В реализации плана участвовали капитан Гайгал и старший лейтенант Димза.

В одно из воскресений сентября ранним утром из Риги выехал «виллис». Неподалеку от станции Тукумс II из машины вышли три скромно одетых человека в резиновых сапогах. Так обычно выглядят рижане, выезжающие по грибы. Но ни у кого из них не было необходимой в таких случаях корзинки.

Все трое вошли в вокзал, дождались вентспилсского поезда и сели в последний вагон. Один из них был средних лет, другой — еще молодой человек, а третий — мальчик лет двенадцати-тринадцати. Это были капитан Гайгал и старший лейтенант Димза со своим племянником Гунаром. У Гунара через плечо висела белая, полная снеги, торба, из которой торчало горлышко лимонадной бутылки. Гунар был полон достоинства. Он сегодня поднялся очень рано, чтобы не опоздать выехать вместе с дядями по орехи. Куда-то к озеру Усма, где очень много орехов. Гунар знал, что озеро Усма находится в Курземе, знал, что туда далеко ехать. Это и было интересно!

На станции Спаре все трое сошли с поезда. Спутники Гунара тоже достали из карманов и повесили себе на шеи такие же торбы, как у Гунара. Теперь никто бы не усомнился, что они в самом деле идут по орехи.

Они прошли немало километров, прежде чем добрались до лиственного леса, где между большими деревьями обильно рос орешник. В нем сверкали коричневые гроздья. Стоило только посильней тряхнуть ветви, как начинался настоящий ореховый дождь. Орехи перезрели. Там, где трава была пореже, их можно было собирать, точно яблоки в саду.

Когда компания дошла до вырубки, заросшей густым орешником, голоса стали еще громче. Шутливостью этой заразился и Гунар. Самочувствие у него было прекрасное, он даже запел.

Они собирали орехи долго. Уже устали, все труднее становилось наклонять упругие ветви. Теперь Гунар только тряс их.

Когда все трое занялись кустом на обочине заросшей лесной дороги, у них за спиной раздался визгливый лай. Все враз обернулись.

На дороге стоял рослый детина в кожаной куртке, в серо-зеленых брюках и в немецкой форменной шапке. На шее висел немецкий автомат.

Детина широко расставил ноги, засунув руки в карманы брюк, и саркастически улыбался во все лицо. Рядом виляла хвостом такса.

Гайгал и Димза переглянулись. Гунар, широко раскрыв' глаза, уставился на незнакомца. Он слышал о бандитах, шнырявших по лесам, что они нападают на мирных жителей и убивают их. В глазах Гунара промелькнул страх.

— Это ведь бан...

Димза крепко стиснул руку мальчика. Гунар осекся на полуслове.

— Орехи собираете, господа? — спросил человек в кожанке неожиданно тонким для такого верзилы голосом.

— Собираем,— спокойно ответил Гайгал.

— Откуда будете?

— Из Риги.

— А-а! Из самой Риги? В такую даль за этой чепухой поехали.

— До войны я частенько сюда ездил. Нигде в Латвии нет таких вкусных орехов. Думал, что и теперь хуже не будет.

— Ну, и как?

— Отличные орехи, только надо было на несколько недель раньше подрехать.

— А какие-нибудь документы у вас есть?

— Вы лесник?

— Лесник, конечно,— захихикал человек в кожанке. Смеялся он тоже очень тоненько.

— В таком случае — покажем,— сам предложил Димза,— во всем необходим порядок.

Он протянул совсем новенький паспорт. Человек в кожанке неторопливо раскрыл его и прочел: «Фрицис Кублинь».

— Работаете где-нибудь?

— На вагоностроительном заводе.

— Кем?

— Формовщиком.

— Рабочее удостоверение есть?

Рабочее удостоверение оказалось не таким новым, как паспорт. Пока человек в кожанке рассматривал удостоверение, такса коротко и резко залаяла. Он молниеносно обернулся, изготовив автомат к стрельбе. Никого поблизости не оказалось. Он успокоился.

— Уймись, Цилда!

Собачонка заворчала и улеглась.

— Ну, а ваши документики?

Точно так же он проверил паспорт и рабочее удостоверение у другого.

— Альфред Удрис... тоже на вагонном заводе.

— Мы вместе...

— Почему у него новый паспорт, а у вас такой старый, потрепанный?

— Мой с сорок первого года,— объяснил Альфред Удрис.

На лбу у человека в кожанке появились глубокие морщины.

— Коммунист? Начальник?

— Какой там! Беспартийный... при немцах паспорт никто не отнимал, завался где-то...

— А мальчишка?

*

— Мой младший братец,— объяснил Фрицис Кублинь.

Человек в кожанке внимательно оглядел Гунара с ног до головы. Гунар ничего не понимал; чувствовал, что ничего доброго от этого верзилы ожидать нельзя, но пытался не показывать, что боится, хотя у него и дрожали коленки.

Человек в кожанке, что-то обдумав, сунул документы в карман брюк:

— Придется господам пройтись километров десять.

— Куда? К дому лесника? — спросил Фрицис Кублинь.

— Не придурирайся! Будто не понимаешь, что имеешь дело со свободными латышами, еще не ставшими рабами коммунистов!

— Никуда мы не пойдем, мы протестуем! Не имеете никакого права...

— Не ходите,— насмешливо продолжал человек в кожанке. — Можем вас тут же кокнуть. Только думаю, что командиру захочется взглянуть на вас, особенно на тебя, с паспортом сорок первого года. Пристреливать всегда успеем.

Гайгал порывисто ступил вперед:

— Немедленно отдайте документы!

Человек еще шире расставил ноги, еще глубже засунул руки в карманы брюк.

— Хи-хи-хи! — от смеха он даже весь затрясся. Но смех его быстро оборвался, по лицу прошла злая гримаса: — Полегче, комиссар, полегче! Глянь туда!

Все трое посмотрели туда, куда им показали., Шагах в пятнадцати, за старым пнем, маячила точно такая же шапка, как у человека в кожаной куртке. На пне лежал автомат, наведенный прямо на задержанных.

— Шевельнетесь — и вас изрешетят.

— Это... это... насилие!

— Нет! Порядок свободного леса!

Лицо Гайгала вдруг преобразилось. Деланный страх и злость сменила усмешка.

В эту же секунду такса вскочила и трижды яростно прогавкала.

Человек в кожанке не успел схватиться за автомат и обернуться. Кто-то огорел его чем-то тяжелым по затылку, и он рухнул на колени. У пня мелькнул чей-то сапог, автомат пролетел несколько метров и упал в тра-

бу. Все произошло так молниеносно, что Гунар ничего не понял. Только когда из кустов вышли шесть здоровенных парней, тоже с автоматами, но с советскими, Гунар начал что-то соображать. Еще двое, склонясь над бандитами, вязали им руки.

— Отлично, лейтенант, отлично! — Гайгал хлопнул по плечу ближайшего юношу.

Димза приложил ко рту согнутую ладонь и издал пронзительный птичий крик. Эхо прокатилось далеко по лесу. Где-то зарокотал мотор. Спустя несколько минут, покачиваясь на лесной дороге, подъехала крытая грузовая машина с крупной надписью на борту: «Кино».

Бандитов втолкнули в машину, затем туда забрались работники органов безопасности и Гунар. Таксу шофер взял к себе в кабину.

Через полчаса машина выехала на шоссе и быстро помчалась в сторону Риги.

— А орехи собирать все-таки интересно? — весело подмигнул капитан Гайгал Гунару.

— Интересно,— вздохнул с облегчением Гунар.

2

Курземе — самая лесистая местность в Латвии. Этим обстоятельством воспользовались преступные элементы, не сложившие оружия после капитуляции и уничтожения «Курземского котла». Небольшими группками они стекались в леса, где ждали англичан и американцев, чтоб опять вынырнуть на поверхность и вступить в открытую борьбу против народа и советской власти. Но вторжения англичан и американцев они не дождались. Мелкие шайки сливались в более крупные бандитские отряды, возникали вооруженные организации.

В эти банды входили не только самые оголтелые легионеры, палачи из разных карательных групп, полицаи, члены СД; к ним присоединились и ярые буржуазные националисты из разных организаций и учреждений времен немецкой оккупации. Это была разношерстная компания.

Сразу после войны бандиты находили поддержку в усадьбах кулаков. Но со временем обстоятельства

изменились. Возможности кулаков уменьшались. Укреплялись позиции трудовых крестьян. Банды теряли свои тылы. Этому способствовали и сами бандиты. Из политических преступников они постепенно превращались в деклассированных грабителей и навлекали на себя гнев гражданского населения, которое все активнее включалось в борьбу с бандитами. В советские учреждения непрерывно поступали жалобы на бандитов. Таким образом органы безопасности были информированы о том, что творилось в лесах. Но, чтобы нанести по бандитам сокрушительный удар, требовалась полная и точная общая картина.

Еще осенью 1945 года стали поступать сведения, будто в северной части Курземе предприняты попытки создать из отдельных банд более крупную организацию. 9 сентября 1945 года в Злекской волости состоялось сбороище главарей четырнадцати бандитских групп, трех представителей «народной помощи» и шести представителей от мелких буржуазно-националистических группировок.

На этом совещании обсудили три вопроса: задачи организации на случай войны между англичанами и Советским Союзом; что делать, если «союзникам» удастся завоевать Прибалтику; как действовать, если обстановка в Латвии не изменится..

Решили в первых двух случаях готовить диверсии и террористические акты, главным образом на коммуникациях советских войск, собирать оперативные сведения.

В последнем случае, если обстановка в Латвии не изменится, уйти в глубокое подполье и приготовиться к зимовке. Для практических действий объединяться в небольшие группы по пять-шесть человек, поддерживающая постоянную связь со всей организацией.

Прошла зима, прошло лето, наступила осень 1946 года. Обстановка в Латвии не изменилась в пользу буржуазных националистов.

Оргацам безопасности стало известно о новых попытках создать объединенную организацию банд, но сведения эти были неполными, бандиты конспирировали свои собрания. Такие же неполные сведения поступили и о том, что в сентябре в районе озера Усма готовится конференция бандитских главарей. Конференцию

эту следовало использовать. Капитану Гайгалу предложили взять «языка». Поэтому и возникла идея организовать вылазку за орехами.

3

Бандиты, доставленные в Ригу, оказались ценной добычей. Детина в кожанке, бывший член истребительного отряда СС «Остланд» Имант Сескис, уже несколько месяцев был связным между главарями бандитских групп. Он был информирован о составе и деятельности банд в Курземе. Став в позу лихого «сына латышского народа», Сескис очень быстро учел обстановку и стал словоохотливым. Из его рассказов возникло представление о деятельности бандитов за последние месяцы.

Когда основанная на собрании в Злекской волости 9 сентября 1945 года северокурземская объединенная организация распалась, в мелких группах начался организационный и моральный разброд. Каждому хотелось быть начальником, каждому хотелось орудовать самостоятельно, чтобы вся добыча доставалась только ему. Разумеется, в одиночку, вдвоем или втроем крупных акций затевать было нельзя. Поэтому, как правило, грабили крестьян. Особенно бандиты интересовались всякими инкассаторами, ограбления которых приносили немалые пачки денег. Прибыльны были и налеты на отделения связи и молочные заводы. Грабя крестьянские усадьбы, бандиты насиловали женщин. Естественно, что все это настраивало население против бандитов.

Этот процесс распада взволновал бандитских тузов, они понимали, что дни их сочтены. Тузы единодушно считали, что положение может спасти только объединенная организация, опирающаяся на военную дисциплину.

В конце зимы 1945/46 года были предприняты новые попытки создать и укрепить организацию. Большое собрание состоялось в мае 1946 года в Кабильской волости Кулдигского уезда. Инициаторами собрания были бывшие члены истребительного отряда СС «Остланд»* Пакулис, Фрицис Карклинь, Ансис Дицгалвис и другие. Присутствовало около шестидесяти бандитов из разных групп, действовавших в окрестностях Кулдиги, Айзпуте, Талей и Вентспилса.

Одним из главных вопросов на майском собрании

была связь с заграницей. Признали, что вторжения союзников так скоро ожидать не следует, а без связи с заграницей бандитская деятельность рано или поздно парализуется. Поэтому связь с заграницей стала вопросом жизни или смерти для каждого главаря. Связь с заграницей дала бы возможность дождаться транспорта и постепенно перебраться к более надежным берегам.

На этом собрании выдвинулся капитан латвийской буржуазной армии Борис Банков, при немцах ведавший в Риге «Картотекой латышей» и филиалом СД, активный фашист, бывший начальник штаба истребительного отряда.

Банков отличился еще тем, что в Каздангском сельскохозяйственном техникуме основал из пробавшихся туда кулацких отпрысков буржуазно-националистическую молодежную организацию «Интерцесия», которая начала выпускать подпольный листок. Организацию быстро обнаружили и разгромили, но благодаря ей Банков прослыл среди бандитов способным пропагандистом.

Банков первым по поручению Фредиса Лаунага пытался установить радиосвязь с заграницей. Лаунагу где-то удалось раздобыть немецкую армейскую радиоцию, Банков установил ее на телегу и разъезжал по лесам, посыпая в эфир сигналы 505. Попытки Банкова не имели успеха. Но ничего другого придумать не могли. Решили продолжать начатое Банковым, только серьезнее и целеустремленнее.

Пользуясь своим привилегированным положением, Банков вконец распоясался. Кроме Лаунага он никаких начальников не признавал. Собственный транспорт разрешал ему свободно кочевать с места на место, что он и делал, все реже занимаясь передачами и все чаще — налетами и грабежами. У него был точный нюх на то, где гонят самогон, и он всегда являлся вовремя и забирал себе львиную долю. Вскоре к его телеге пристали такие же проходимцы; так возникла одна из самых оголтелых грабительских шаек в Курземе. Они грабили без разбора. Врывались в любой попавшийся на пути дом и забирали что хотели. На счету шайки Банкова было больше всего изнасилований.

На собрании Банкова «пробрали», даже пригрозили ему расстрелом, но в конце концов дали новую лошадь

с телегой. Хочет грабить, так пускай действует по плану, иначе еще прикончит лучших «друзей», изнасилияет их женщин; Банков обещал исправиться.

Да, связи с заграницей были важнее всего!

До осени состоялось несколько организационных совещаний. В Центре внимания всегда оказывалась рация Банкова. Дегенерат только пожимал плечами. Жги сколько хочешь батарей, хоть хрюкай задом в эфир, а свиньи эти все равно не отвечают.

Затем Сескис рассказал самое интересное. В последние дни начальник аизпутской группы Альфред Остниек получил сведения от банды, орудовавшей за Неретой. В Ригу из-за границы прибыл резидент, чтобы установить прямую связь со скрывавшимися в лесах бывшими солдатами немецкой армии. Сообщил об этом юрисконсульт Рижского коммунального банка Кайминь.

Остниек, по кличке Каулс, поручил именно ему, Сескису, и тому, другому, который целился с пня из автомата, Зигфриду Вилберту, связаться с Дижгалвисом и бывшим начальником аизпутской полиции, другом Вилде майором полиции Лапинем; затем отправиться в район Нереты, убедиться в достоверности сведений и связаться с иностранным резидентом.

Дижгадвиса не оказалось на месте, и путешествие в Нерету они отложили на несколько дней. Как раз в это время и случилась история с орехами.

— Что же вы такими пустяками занимались, раз имели такое важное задание? — поинтересовался полковник Калнозол.

— Это тоже было важно. У приходивших за грибами и орехами, у рыболовов мы часто разживались хорошими документами. Документы пригодились для нашей поездки.

В тот же вечер у Калнозола состоялось совещание. После него Гайгал велел привести к себе в кабинет Зигфрида Вилberta. Разговор длился несколько часов. Вилберт оказался «мелкой рыбкой». Он давно решил махнуть на все рукой и «выйти» из леса.

На другой день в Нерету на четырех машинах выехала крупная оперативная группа. Димза должен был остаться в Риге.

О разгроме неретской банды быстро узнали во всей Курземе. Нападение было неожиданным. Участвовали даже войска из Литвы. Весь об этом больше всех подавила Остниека. Ведь он так надеялся на связь с заграницей. Кто первым приехал, тот первым и мелет. Он раньше всех ухватился за эту идею и мог раньше всех надеяться на транспорт. Чем плохо сидеть в шикарном стокгольмском ресторане? Музыка, девочки... А тут?

Бывший легионер и арайский бандит, теперешний начальник аизпутской группы Альфред Остниек сидел в своем временном штабе, в сарае, на чурбане, и слушал, как по крыше барабанил дождь. Кругом сложенное сено. На небрежно сколоченных козлах лежала дверь от сарая, служившая столом. Это не гладенький ресторанный столик! И разве это напиток! Воняет можжевельником и кошачьим дерьяром. Пей такую гадость... Но Остниек пил. Морщился, но пил. Противно было еще и оттого, что эту бутылку он отнял у Банкова. В сущности, Банков сам отдал ее, спасая свою шкуру. И спас. Может, все-таки следовало пристрелить его. Остниек взял валявшийся на столе пистолет. Надо было пристрелить! Разве Банков не свинья? И он, Остниек, у Арайса откалывал номера с девчонками? Но надо знать где и с кем. А Банков? Свинья... свинья... свинья! Дочку соседа... Смазливая Олите и сама охотно с парнями заигрывала... Конечно, не с таким скотом, как Банков. А старику ухо отрезал! Да какому старику? Нашему человеку... Надо бы пристрелить... Но собутыльники Банкова отомстили бы. Как пить дать отомстили бы. В один прекрасный день — пулю в затылок, и баста... Противно...

Остниек опрокинул полный стакан вонючего пойла и жалобным голосом затянул любимую «героическую песню» бандитов:

Умеем смеяться, умеем громко петь,
Умеем драться, умеем смерти в глаза смотреть.
Наши песни далеко-далеко звучат,
О героизме нашем ветры шумят...

Ни черта не слышат! Банков со своей телеги самого черта в эфир посыпает, а никто не слышит... И зачем им нас слышать?.. Очень мы там нужны!

После следующего стакана последовал еще более жалобный припев:

Кто не знает парней,
Парней родных лесов...

Есть кого знать! Олите опоганена!.. Старику ухо отрезали... Как бы самому пулью в затылок не всадили...

Пламя свечи вздрогнуло. Кто-то отодвинул лоскутное одеяло. В сарай вошел человек в брезентовой на-
кидке.

— Не лезь, на посту лакать нельзя.
— Какой-то тип сюда приселся, хочет тебя видеть.
— Гони ко всем чертям!
— Не уходит, говорит, важное дело у него.
— Как его зовут?
— Зигфрид Вилберт.
— Кто? Вилберт? — Остниек вскочил. — Сейчас же впусти!

Остниек мгновенно перебрал в памяти все события, связанные с Вилбертом.

Вилберт под осенним дождем промок до ниточки. При свете свечи пальцы его выглядели совершенно белыми.

— Садись! — Остниек показал на чурбан по другую сторону стола.

Вилберт сел. Остниек встал против него, взял пистолет и принялся перекидывать его с ладони на ладонь, затем остерьвенело завопил:

— Пристрелить на месте или сперва пятки попалить?

— Зачем стрелять, зачем пятки палить? — запинался озябший Вилберт.

— За то, что дезертировал! За то, что к коммунистам переметнулся! За то, что пришел предать нас! Знаем мы вас, собак! Мне уже давно о тебе говорили.

— Я не дезертировал... Я выполнял задание.
— Врешь! Где Сескис?
— Сескис убит. Убит в бою.
— Где?
— В лесу за Неретой.
— Врешь! Читай «Отче наш»! — Остниек поднял пистолет и прицелился Вилберту в лоб.
Тот вздрогнул.
— Не балуйся! Пистолет заряжен.

— Может, и в самом деле не стоит пулью тратить?
Лучше повесить тебя на твоем же ремне?

— Чего, начальник, куражишься? — Вилберт овладел собою и заговорил спокойно, деловито: — Сам посыпал, а теперь куражишься.

— Куда посыпал?

— В Нерету.

— А сперва?

— Дижгалвиса мы не могли дождаться. Решили зря время не терять и пошли, не связавшись с ним.

— Когда из леса вышли?

— В прошлое воскресенье.

— Дальше!

— Отняли у приехавших за орехами хорошие паспорта и вентспилсским поездом уехали в Ригу, оттуда на автобусе добрались до Скайсткалне, затем сели на попутный грузовик. Три раза пришлось останавливать машины, пока добрались до Нереты. Ну и намучились мы, пока отыскивали что-то! Девчонка из аптеки заболела и лежала в больнице. Мы уже решили, что зря поехали. Только назавтра брат девчонки вынес нам из больницы записку. И там в лесу нас хотели расстрелять, как ты меня теперь. Но там оказался один твой знакомый, мы назвали твою примету, и с нами стали разговаривать.

— Какую примету?

— Что всегда, даже в слякоть, ходишь в до блеска начищенных сапогах.

Остниек посмотрел на свои сверкающие, как зеркало, голенища. Он немного успокоился. Опустил пистолет и отошел в тень.

— Почему возились с приехавшими по орехи?

— Случайно натолкнулись. Это была идея Сескиса.

Остниек долго и пытливо разглядывал Вилберта.

Затем сунул пистолет в карман и уселся за стол, наполнил стакан и пододвинул Вилберту. Вилберт понял, что опасность миновала, взял стакан и выпил.

— Рассказывай!

— Особенно рассказывать нечего. В Нерете мы попали в суматоху. Как раз прибыл из Риги человек. Уполномоченный резидента. Говорил что-то о составлении правительства.

Остниек зажег сигарету и вскинул брови. Эта весть всполошила его. Он снова наполнил стакан Вилберта.

— Затем случилась беда. Начальству доложили,

что лес окружили солдаты. Посланец из Риги потребовал, чтобы немедленно выявили и расстреляли предателей. Но ничего выявить не успели. В лесу на нескольких полянах приземлялись парашютисты. Спешно была создана штабная группа, которая должна была спасти посланца резидента. В эту группу вошли и мы с Сескисом как делегаты. Какой-то стариk, хорошо знавший местность, повел нас. Мы на бревнах переправились через озеро, но на другом берегу нас опять встретили парашютисты. Часть группы вступила в бой. Я, Сескис, посланец резидента и еще какой-то человек, которого все называли Синим Лейтенантом, отделились от остальных и пытались уползти камышами. Мы думали, что уже спасены, как снова напоролись на парашютистов. Сескис и Синий Лейтенант были убиты.

— А посланец резидента?

— После стычки мы с посланцем четыре часа просидели в камышах. Дождались ночи и выползли. Не знали, как быть дальше, решили, что надежнее всего добраться как-нибудь до Нереты. Ночью нам это удалось. У брата девчонки из аптеки мы обогрелись и подсущились.

— Дальше.

— На другой день брат девчонки устроил нас к знакомому шоферу на грузовую машину.

— Поехали в Ригу?

— Нет, машина шла в Елгаву.

— С каким грузом?

— С недублеными шкурами. Из Елгавы до Кулдиги добирались на попутных.

— Уполномоченный резидента не поехал в Ригу?

— Нет. Под Кулдигой мы в какой-то усадьбе достали лошадь и телегу.

— Ограбили? Своих же?

— Они сами охотно отдали. Все равно на днях сдавать на машинный и коннопрокатный пункт. Если удастся, можем отправить лошадь обратно, а нет — себе оставим.

— А посланец резидента сидит теперь в кустах и ждет, чтоб я принял его?

Вилберт ответил не сразу.

— Отвечай, когда спрашивают!

— Тут я, может, и промахнулся...

— Говори!

— Сюда вести побоялся. Доставил в «Калну Сили».
— Что?
— Да, в «Калну Сили».
— К моим старикам?
— Не знал, куда его девать.
— Ну, знаешь... — Остниек опять схватился за пистолет, но на этот раз Вилберт не испугался. Он знал, что это только угроза.

Остниек вышагивал из угла в угол. Каждый раз, когда он проходил мимо стола, пламя свечи вздрагивало. Наконец он опять остановился против Вилберта:

— Думаешь, что твоим басням кто-нибудь поверит?
Вилберт пожал плечами.

Остниек теперь много дал бы, если б нашелся разумный человек, с которым можно было бы посоветоваться. Но такого не было. Все его подчиненные глупы как ослы. Всегда он должен сам решать и сам действовать. Мешкать тоже нельзя. А что, если это ловушка? Он еще раз заглянул Вилберту в глаза, тот даже не моргнул.

— Если хоть одно твое слово окажется ложью, я тебе кишки выпущу, а потом вздерну.

Но это уже было сказано скорее для того, чтобы собраться с мыслями и решить, как действовать дальше.

— Лошадь где?
— В соснах, у землянки.
— Ступай и жди там.

Вилберт уже собрался оставить сарай.

— Пока никому ни слова.
— Ясно.

Вилберт поднял лоскутное одеяло.

— Вернись!

Вилберту сделалось неуютно. Ноги онемели. Этот сумасшедший может и пулю в лоб влепить. Вилберт взял себя в руки, выпрямился и медленно обернулся.

— Откуда ты знаешь, что Сескис убит? Может быть он только ранен и попал в плен. Тогда и мы можем скоро беды ждать.

— Сескису пробило пулей грудь, он свалился в воду. Если его не убило наповал, то ой утонул.

— Ты видел собственными глазами?
— Собственными глазами.
— Ступай и жди у землянки!

Он был не очень умен, но в буржуазных гостиных научился ловко притворяться. Он даже слышал способ-

ным, хоть и малообразованным офицером. На немецкой службе его натаскали в военном деле, но теперь требовалось нечто большее. Это уже была политика, да притом международная. До сих пор вся его политика заключалась в одном: во все красное — пулю, автоматную очередь или ручную гранату. А теперь...

Ой, как хотелось верить всему тому, что говорил Вилберт! В легионе он оправдал себя. Так почему же ему не верить? Если он в самом деле привел уполномоченного к его, Остниека, старикам, то он, Альфред Остниек, вытащил крупный козырь! Это он теперь спасет великое дело латышей! Откроет дорогу за границу! За границу! Ох, господи, откроет дорогу за границу! Тогда вся эта кутерьма, которая становится все более опасной, благополучно кончится.

Ой, как хотелось верить во все то, что рассказывал Вилберт!

Но тут опять сказался натренированный в банде Арайса дух полицайской ищёйки. Все как-то слишком просто, все идет как по маслу, и в то же время куча неясностей. Подумаешь, какие начальники Сескис и Вилберт — их оставили вместе с уполномоченным резидентом? И только они туда прибыли, как солдаты окружили лес. Этого одного достаточно, чтобы их без разговоров поставить к стенке.

Но тут взгляд Остниека упал на сапоги. В голенищах, как в зеркале, отражалось пламя свечи. Да, но они все же пришли туда делегатами другого отряда. А делегаты пользуются привилегиями.

Но почему они перед отъездом не связались с Дижгалвисом? Ведь так было приказано. Почему не выполнили приказа? Дижгалвиса не оказалось на месте?.. Он мог появиться только через много дней... Но какое дело до этого Сескису и Вилберту? Приказ есть приказ... А что, если он из-за напрасных сомнений завалит все национальное дело? Тогда ему все равно несдобровать. Главари других групп вынесут ему смертный приговор. Как пить дать. Уж очень важное дело связь с заграницей.

Эх! Поедет в «Кална Сили»! Будь что будет!

Он взял с земли портупею, начал пристегивать ее. Вдруг что-то вспомнил. Приподнял лоскутное одеяло и крикнула:

— Сюда!

Из темноты вынырнул часовой.

— Верни Вилберта!

Через некоторое время Вилберт опять вошел в сарай.

— Что еще?

Остниек встал перед Вилбертом так близко, что почувствовал, как от того веет сыростью. Наклонился и заглянул в глаза:

— А собака где?

— Какая собака?

— Не виляй, говори, где собака Сескиса?

— Перед отъездом в Ригу Сескис оставил Цилду в доме нашего связного, у озера Усма.

— Не окажется там собаки, тебя все равно расстреляют.

Вилберт промолчал.

— Ладно, пошли!

Лоскутное одеяло поднялось и опустилось.

— Скажи, чтобы несколько ребят перешли из землянки в сарай! — крикнул Остниек, уходя, часовому.

5

В усадьбе «Кална Сили», на хозяйствской половине, на большом круглом столе горела лампа под белым колпаком. В последние годы ее зажигали редко. Достать керосин трудно. Однажды во время войны попробовали налить в лампу добытый у немецкого фельдфебеля бензин, но чуть дом не спалили. Сегодня хозяин керосина не пожалел. Парень, который привел этого человека, сказал, что он важный гость Альфреда. Важный гость — сопляк. Ничего нынче не поймешь.

Старый сидел в жилете и играл с сопляком в подкидного. Карты — потрепанные, засаленные, только с трудом можно различить на них картинки.

— Этими картами я с самим господином Ульманисом в восемнадцатом году в «своих козырей» играл,—хвастал старик.

— В таком случае им место в национальном музее,—вежливо ответил сопляк.

Игра шла медленно, старик перед каждым ходом старался что-нибудь сказать:

— Опять твою фамилию забыл.

— Свилинь. Фердинанд Свилинь.

— Фердинанд? Что же это за имя?

— В календаре есть. А что же за фамилия Свилпинь? Если бы меня, например, Янисом звали, то что получилось бы? Янис Свилпинь! Так только ругаться можно.

— Хоть так, хоть эдак — все равно нескладно както, — промолвил старый. — Говоришь, твой отец в Риге мясную торговлю держал?

— Почти в самом конце Гертрудес, около Админю.

— И можно было жить?

— Пирожные ели.

— Где он теперь?

— В Швеции.

— А там пирожные есть?

— Хе! Пирожные!.. На собственном автомобиле катается. Прислугу старше тридцати в дом не берет.

— Хе, хе, хе! — засмеялся старик грудным голосом. — Стало быть, до сладеньского охоч. А жена что?

— Я уже говорил, что мать в сороковом году умерла.

— Ах да, верно, верно... — Затем наклонился над столом и покосился на угол, в котором за шкафом возилась хозяйка. — Ия, когда помоложе был, только самых свеженьких в дом брал. Гм... гм... Говоришь, от мясной торговли можно было жить? А у нас, бывало, иной раз хоть прямо в петлю лезь. Юрьев день давно прошел, пахать пора, а работника днем с огнем не сыщешь. Хоть сам за плуг становись. Еще хорошо, что полячков этих ввозить начали...

— Ты старые времена не хули, — раздалось из-за шкафа. — А нынче-то каково?

— О нынешних временах и говорить нечего, — сердито ответил старик. — Долго так все равно продолжаться не может. Как долго господь так тяжко карать может? Должен ведь какой-то предел быть.

— А разве мало грешили? Да и ты сам, с полячкой этой. Думаешь, бог не видел? Плача моего не слышал?

— Уймешься ты наконец, старая? Разве я один...

Семейную скопию прервал донесшийся со двора грохот телеги. Через минуту в комнату влетел Альфред Остниек. Видимо, он всегда прибегал к одной и той же тактике. И на этот раз он надеялся ошаращить, нагнать страх. Но из этого ничего не получилось. Попав из темноты в освещенную комнату, он зажмурился. Пока отморгался, первое впечатление было уже смазано. Оба игрока спокойно смотрели на него.

- Так дали тебе знать? — проворчал старик.
— Ты не суйся!
— Да что же я,— сердито проворчал старик и при-
нялся собирать карты.

Когда старик со своими картами отодвинулся в сто-
рону, Остниек грозно крикнул:

- Руки вверх!
— Это вы мие? — спокойно спросил Фердинанд
Свилпинь.

— А то кому же! Не прикидывайся!
Фердинанд поднял руки. Остниек пододвинул лам-
пу, лицо Фердинанда оказалось в кругу света. Для
пущего эффекта Остниек снял колпак.

- С ума спятил! — проворчал старик из угла
— Я сказал тебе — не суйся! Документы!
— В таком положении подать документы трудно-
вато.

— Вынимай документы левой рукой!
Фердинанд достал из нагрудного кармана паспорт
и положил на стол.

— Хочу только заметить, что фамилия в паспорте
не моя.

— Об этом тебя пока никто не спрашивает. Повер-
нись к стене! Выше руки!

Как только Фердинанд повернулся к стене, Остниек
проворно подскочил и обыскал его. Выхватил из его
кармана брюк пистолет и отскочил к столу.

- «ТТ»! Так и думал. ЧК выдала?
Фердинанд не отвечал.
— Говори, когда спрашивают!
— В Нерете дали. Был без оружия. Не успел вер-
нуться.
— Врешь! Честный латыш русским оружием не
пользуется.
— Я думаю, что умный латыш пользуется любым
оружием, какое только можно достать.
— Твое умничанье тебя не спасет. Вилберт уже во
всем признался. Пришлось, конечно, ему немногого пятки
попалить.
— Не знаю, что вам говорил Вилберт.
— Что он продался ЧК, что и ты агент ЧК и что
весь этот кавардак в Нерете — басня.

— Если Вилберт не мошенник, то он этого никак не может сказать. Можете легко проверить, пошлите кого-нибудь в Нерету.

— Уж это не твое дело!

Спокойствие допрашиваемого сбило Остниека с толку. Не зная, что сказать еще, он уселся за стол и начал просматривать паспорт.

— Теодор Ринка... В Риге... улица Эзера, пять... Значит, попались все же, господин Ринка...

— Я вам уже говорил, что это не мой паспорт и не моя фамилия.

— Почему вы шатаетесь с чужим паспортом?

— Если Вилберт вам хоть в какой-то мере сказал правду, то вы должны знать почему.

Старый слушал, слушал и все-таки не выдержал:

— Ты, Альфред, уж больно горячишься. Ведь он никакой не Ринка, а Фердинанд Свилпинь, его отец в Риге когда-то мясную торговлю держал, на Гертрудес, около Админю.

— Ты только слушай, что тебе всякий агент ЧК брехать будет.

Никто не отвечал ему, и Остниек опять попал в тупик. Тут его вдруг осенило. Ведь ему этот район Риги хорошо знаком. Как раз недалеко от Админю жила знакомая девица. Он целыми вечерами пропадал у нее.

— Ах, на Гертрудес, в конце Админю?

— Совершенно верно.

— Сейчас проверим. На каком расстоянии Админю находится от Валмиерас?

— Метрах в двухстах.

— Мясная отца помещалась в самом углу... Думаешь, я этой лавки не знаю?

— Нет, на самом углу была колониальная лавка. Мясная была ближе к Авоту.

— Угловая лавка была в том районе единственной колониальной лавкой?

— Нет, напротив, в сторону Валмиерас, находилась другая.

— Какое прозвище было у углового лавочника?

— Неряха.

— Почему?

— В лавке у него всегда был беспорядок, товар накидан как попало.

- А другого как называли?
- Востроусым.
- Почему?
- Потому что у него были закрученные кверху усы.
- Какой из них давал в долг?
- Востроусый давал, но только тем, которые заводили книжечку.
- В мясной лавке в долг не давали?
- Только хорошо знакомым и семейным людям, уже долго жившим в том районе.
- Думаешь, я сына мясника не знал? Он иной раз в корпорантской шапочке мясо рубил.
- Это был мой брат.
- В какой корпорации был?
- В Селонии.
- Цвет шапки?
- Зеленый.
- Где он теперь?
- Пал в легионе.

Быстрые ответы на все вопросы все больше и больше успокаивали Остниека. Резкость в голосе исчезла.

- Садись.
  - Руки опустить можно?
  - Можно.
- Фердинанд Свилинь уселся на прежнее место.
- Все-таки еще несколько вопросов. Кто последним построил дом на Гертрудес между Админю и Валмиерас?
  - Фейл.
  - Номер дома?
  - Сто одиннадцатый.
  - Это единственный дом Фейла?
  - Нет, на улице Блаумана у него еще пятиэтажный.
  - Где работал?
  - В банке на углу Кришьяна Барона и Блаумана.
  - Директором?
  - Нет, лизал языкком почтовые марки и рассыпал письма.

Остниек с минуту помолчал и заулыбался.

- Я, наверно, должен извиниться перед вами, но вы ведь понимаете...
- Вполне понимаю. И извиняться нечего, мы теперь не на Гертрудес, возле Админю.

Остниек пожал Фердинанду руку и долго тряс

ее. У него словно камень с сердца свалился. Он был на седьмом небе.

— Ну и крепко же вы свое дело знаете, — похвалил его Фердинанд. — Вы все это не хуже самого Штиглица проделали.

— Время такое... приходится...

— У вас, наверно, школа Арайса?

— И эта.

— Ну, что я говорил, а он накинулся на человека как дьявол. Старуха, неси бутылку яблочного вина, что еще осталось. Надо же горечь залить.

— Ладно, ставь свою бутылку, не мешай нам. Мы встретились не для того, чтобы о пустяках болтать.

Они говорили долго.

Было уже давно за полночь, когда Остниек встал из-за стола.

— Ладно, я за два дня свяжусь с остальными начальниками и дам ответ.

— А мне пока оставаться тут?

— Здесь не очень надежно. Сами понимаете, усадьба Остниека. Тут уже дважды обыск был. Поезжайте сейчас со мной, найдем что-нибудь получше...

Когда они уехали, старый вылез из-за шкафа и, задув большую лампу, опять водворил ее на шкаф. Теперь так скоро не понадобится.

6

Два дня Остниек работал в поте лица. Пользуясь лошадью, приведенной Вилбертом, он метался с места на место. Иной раз на большаке встречались школьники с ранцами. Они снимали шапки, здороваясь с проезжающим. Иногда на обочинах дороги хлопотали девушки. Они смотрели в сторону дороги и улыбались. Раз он проехал мимо милиционера. Ни у кого не возникало подозрений. Мало ли что можно в деревне делать? Мало ли куда могут спешить люди? Не один Остниек разъезжал по дорогам.

Остниек совещался, выступал, убеждал. Особенно убеждать не приходилось. Все так тосковали о связи с заграницей, что любые подозрения заглушались радужными надеждами. Только начальник бандитской группы Фелсберг отнесся к Остниеку насмешливо:

— Резидент? Шеф английской разведки? А почему

не китайский император? Ведь тот из-за нас уже два года ничего, кроме рисовой мякины, в рот не берет! С горя осколками от бутылки скребет себя!

Недоверие Фелсберга Остниека не очень огорчило. Обойдется без него. Зато-страшно расторопным оказался майор полиции Лапинь. Он сразу же решил, кому отправиться в Ригу на встречу с резидентом. Пускай едет сам Остниек, а от его, Лапиня, группы — Клабан. А там видно будет.

Остальные бандитские главари предложение Лапиня поддержали. Ехать в Ригу никому особенно не хотелось. Еще и впрямь голову в петлю сунуть можно. Остниек сам эту кутерьму затеял, так пускай сам и разбирается.

Самому Остниеку тоже не хотелось ехать, но отказаться от предложения Лапиня было трудно. Пришлось надкусить опасное яблоко.

О решении бандитов сообщили Фердинанду Свилипиню. Тот согласился с ним и вместе с Остниеком разработал план дальнейших действий.

Фердинанд отправился в Ригу один. Через два дня прибудут туда Остниек и Клабан. Они сойдут на станции Засулаукс, подождут первый поезд из Риги и, если все будет в порядке, проедут на нем в обратную сторону до следующей станции. В Иманте их встретит машина и отвезет на центральный рынок. Там, на берегу Даугавы, есть нечто вроде толкучки, где торгуют собаками, козами, голубями и всяkim баражлом. Приезжие тут смеются с толпой и медленно пойдут по улице Маскавас. Там к ним подъедет другая машина и отвезет куда надо.

• План Фердинанда Остниеку понравился. Чувствовалась хватка опытного конспиратора.

Ночью Фердинанда доставили на ближайшую железнодорожную станцию, и утром тот уехал с вентспилским поездом.

Обеспечив себя командировочными удостоверениями слесарей Скрундской МТС, через два дня по той же дороге последовали Остниек с Клабаном.

Все шло по плану. Недалеко от станции Иманта, в заросшем деревьями переулке, ждала шоколадная «эмка». Остниек с Клабаном сели в машину, и она сразу тронулась. Водитель даже не посмотрел в их сторону. У рыбного павильона центрального рынка

машина резко затормозила, и шофер показал рукой на противоположную сторону шумной улицы. Дверца за спинами приезжих захлопнулась, и машина уехала. Остниек и Клабан опять ступили на рижскую мостовую. Странное чувство охватило обоих. Неужели прошла вечность с тех пор, когда они ходили по этим улицам как хозяева? Здесь рядом, вот за теми большими домами, район гетто. Тут началась карьера Остниека, когда в Румбули погнали первую партию. Клабан хорошо помнил это.

— Вот была возня,— оскалился он.

— Заткнись! — бросил Остниек. Ему не понравилось, что Клабан отгадал его мысли и вспомнил о том же.

Сколько страхов пришлось потом пережить в «Курземском котле» и в лесах! Но вернется, непременно вернется старое, и тогда коммунисты завоют... Ой как завоют!

По улице прогромыхал трамвай. На остановке сошло много народу и направилось к рынку. Интересно заглянуть на рынок, посмотреть, чем при коммунистах торгуют. Но некогда! Сейчас у них другие дела. Совсем не так будут торговать, когда в Даугаву войдут иностранные суда.

У самой реки, у бывшей трамвайной будки, толпились люди. Ни на кого не глядя, Остниек и Клабан протолкались через толпу, уверенные, что их уже узрело око резидента. Они неторопливо продолжали идти по улице Маскавас. Приезжих долго преследовал аромат яблок. У Клабана даже слюнки потекли. Они шли минут десять. Если какой-нибудь встречный и обратил бы на них внимание, то по темным, загорелым лицам принял бы за крестьян. Этот район был полон ими.

— Толково выбрал место около рынка,— похвалил Фердинанда Остниек.

Когда здание морга осталось позади, у самого тротуара завизжали тормоза зеленой «эмки». Только машина поравнялась с приезжими, как отворилась дверца. Остниек толкнул в машину Клабана и вскочил за ним сам. Машина помчалась дальше.

Рядом с шофером сидел еще какой-то человек. Он улыбаясь повернулся к ним — Фердинанд!

— Все в порядке, мои господа, не правда ли?

— Так точно! — почему-то по-военному ответил Остниек.

— Дело в шляпе,— проворчал Клабан.

Зеленая «эмка» долго петляла, часто делая резкие повороты. Трудно было понять, по каким улицам их возили — окна машины были закрыты марлевыми занавесками. Остниек все же пытался ориентироваться по перемене направления, но вскоре махнул на это рукой. Слишком много они делали крюков и поворотов. То, что можно было разглядеть через плечо шофера, казалось незнакомым.

«Эмка» остановилась, Фердинанд открыл дверцу, и они вышли на асфальтированный двор. Со всех четырех сторон его окружали пятиэтажные дома. Ясно было, что они находятся где-то в центре города.

Фердинанд повел их наверх по темной, не очень опрятной лестнице. На пятом этаже он позвонил у двери. Ждать пришлось долго, пока за дверью не раздались шаги и не загремел замок, цепочка и, наконец, крючок. В дверях показалась пожилая женщина. Фердинанд тихонько сказал ей что-то. Еще раз брякнула цепочка, и дверь отворилась. Они прошли через просторную, хорошо обставленную квартиру, никого не встретив там. В коридоре, перед парадным входом, Фердинанд попросил своих спутников немного обождать. Он вышел на площадку парадной лестницы, оставив дверь полуоткрытой. Слышино было, как Фердинанд отпирает дверь квартиры напротив. Затем он вернулся и поманил рукой.

— Только живей! — шепотом поторопил он.

Остниек с Клабаном прошмыгнули через лестничную площадку в квартиру напротив. От первой она отличалась паркетным полом и немного более богатой мебелью. Они опять прошли через несколько комнат. В одной молодая женщина в ярком переднике возилась с пылесосом. Она даже не взглянула на них. Наконец, миновав кухню, они очутились в небольшой комнатке. Очевидно, она когда-то предназначалась для прислуги.

— Снимите, господа, пальто, вот тут повесьте на гвозди. Присаживайтесь. Я сейчас вернусь,— сказал Фердинанд.

Остниек с Клабаном остались одни. Сняв пальто, они принялись внимательно рассматривать комнату.

— Вот это конспирация! Водил нас, как цыган

лошадь по ярмарке,— шептал Клабан. Казалось, что в этой тишине разговаривать громко неприлично.

Остниек не отвечал. Он разглядывал комнату.

Простой стол, несколько стульев, в углу диван. Через замазанное до самого верха известкой окно проникает блеклый свет. На столе разбросаны советские и иностранные газеты. Очки в широкой черной оправе, темно-коричневая трубка и коробка с сигарами. На спинке одного из стульев — клетчатый пиджак.

Больше ничего рассмотреть не успели. Фердинанд стремительно открыл дверь и пропустил впереди себя плечистого, коротко подстриженного человека. Темные очки закрывали глаза. На нем была рубашка вишневого цвета, без галстука. Подбородок почти упирался в грудь.

— Познакомьтесь,— сказал Фердинанд,— Аркадий Шмит, а это господа, о которых я вам говорил.

— Рад познакомиться,— вошедший подал обоим руку. У него была рука сильного, энергичного человека. — Мне хотелось бы, чтобы вы поверили этим моим словам, ибо я в самом деле рад видеть людей, мыслящих точно так, как мы. Вы ведь знаете, какой сложный пришлось проделать путь, прежде чем нам с вами удалось встретиться.

— Это не наша вина,— сдержанно заметил Остниек.

— Я знаю. На ваши неоднократные радиосигналы вам не отвечали.

— Вообще за границей нами никто не интересуется,— проворчал Клабан.

— Это не совсем так. Мы вами интересовались, даже очень. Но не будем теперь искать виновных. Вы прекрасно знаете, что сегодня все зависит от обстоятельств. Но хорошо, что вопрос в конце концов так радикально разрешился и мне удалось встретиться с такими серьезными представителями, как вы, мои господа. Мешкать больше нельзя. Решающий час приближается. Так или иначе, я или кто-нибудь другой, все равно разыскали бы вас. Как ни велик риск, ждать больше нельзя.

Аркадий Шмит говорил на хорошем латышском языке. Временами делал небольшие паузы. Было непонятно, почему он останавливается: чтобы подыскать нужное слово или же чтобы собраться с мыслями.

— Может быть, мы с господами поговорим вдво... то есть втроем.

Фердинанд вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

— Если господа не возражают, перейдем к конкретным вопросам.

— А как вы докажете нам, что мы говорим с настоящим человеком? — осмелился спросить Клабан.

Наступила тишина. Остниек сердито посмотрел на Клабана.

— Доказательств у меня нет. Но что такое доказательства? Их всегда можно сфабриковать. Думаю, что сам по себе факт нашей встречи уже является доказательством. Если между нами нет взаимного доверия, то нам не о чём разговаривать, и мы вас спокойно доставим обратно в ваши пенаты.

— Если мы явились, то, значит, доверяем,— спас положение Остниек и еще раз зло покосился на Клабана.

— Это другое дело, в таком случае можем начинать.

Разговор был долгий. Аркадий Шмит начал с того, что взял со стола английскую газету и показал на длинный столбец:

— Последнюю речь Уинстона Черчилля в Фултоне, в Америке, читали?

— Нет.

— По-английский читаете?

— Нет.

— Но то, что написано в заголовке, все равно поймете,— и Шмит подал Остниеку газету. Насколько Остниек понимал, статья была о Черчилле.

— В речи много фактов, которые бывший премьер-министр приводит как доказательство «роста красной опасности». Важен заключительный вывод. Черчилль предлагает создать англо-американский военный союз против Советов.

Остниек с интересом склонился над газетой.

— Думаю, что вы прекрасно знаете, что Черчилль никогда слов на ветер не бросает. Иначе говоря, мы находимся накануне новой войны. Что это. значит для прибалтийских государств, комментировать, кажется, излишне.

В самом деле, все и так было ясно. Остниеку и Клабану в этих словах Шмита слышались звуки победных фанфар.

— В этих условиях для нас важны точные сведения

о силах на месте, чтоб мы знали, на какую поддержку можем рассчитывать.

Почва была подготовлена, теперь Шмит мог надеяться на что угодно.

Прежде всего ему передали список курземских бандитских групп. Были названы их главари и даны сведения о личном составе, вооружении и настроении. Естественно, что состав и численность групп постоянно меняются. Не следует забывать, что они на фронте.

Констатировали, что настроение во всех группах неважкое, но согласились, что в новых условиях оно быстро и радикально изменится.

Нехорошо и то, что силы слишком распылены, нет координирующего центра. В самое ближайшее время надо созвать конференцию, хотя бы курземских начальников и активистов. Перед конференцией стоят две большие задачи: во-первых, создать обширную военную организацию. Во-вторых, сформировать латвийское правительство.

— Что? — вырвалось у Клабана.

Да, да... Аркадий Шмит пояснил, что уйсе теперь надо сформировать правительство «возрожденной Латвии», одной военной организации мало, необходим общий военный и политический центр. Никто, кроме курземцев, сделать этого не в состоянии. А сделать это надо как можно скорее. Теперь время — не только деньги.

Корабль вышел в большие воды.

Клабан уже не сомневался, что дело чистое, и ему даже стало стыдно, что он потребовал каких-то доказательств.

Остниек сказал, что созвать конференцию вполне возможно. Нечто вроде этого уже предполагалось осуществить раньше. Даже место было выбрано — на берегу озера Усмы. Теперь это надо осуществить с учетом новых обстоятельств.

Условились, что конференция соберется во вторую среду октября. Со стороны Шмита в ней примет участие Фердинанд. Можно послать и другого, но лучше пускай едет человек, частично уже знакомый с местными условиями. Конференция должна избрать, по крайней мере, главу нового правительства — министра-президента. Остальных министров можно будет потом кооптировать при нужной поддержке «масс».

Ни у Остниека, ни у Клабана возражений на этот счет не было.

К концу переговоров возник самый щекотливый вопрос. Аркадий Шмит потребовал, чтобы после конференции в окрестностях Усмы собралась вторая конспиративная конференция — у него, в Риге. В ней должен был участвовать новый министр-президент и все начальники отрядов. Шмит со своей стороны пригласил по другой линии представителей еще существующих националистических групп.

Остниек это требование испугало. Несмотря на то, что личность Шмита, как и его полномочия и опыт, не вызывала никаких сомнений, это все-таки было рискованно. Созыв такой конференции казался столь опасным, что даже думать о ней было страшно. Разве можно полностью исключить вероятность провала? Нельзя! А что произойдет в случае провала?

Шмит хорошо понимал опасения делегатов и спокойно выжидал.

— Боюсь, что это будет очень сложно. Транспорт... подходящая одежда и всякое такое...

— Да, это не так просто,— сочувственно согласился Шмит.

— А не выгоднее ли и рижскую конференцию провести где-нибудь в северокурземских лесах? Мы обеспечим вам максимальную безопасность.

— Мое положение и мои полномочия не позволяют мне покидать Ригу.

— Пошлите на конференцию своих уполномоченных. Мы примем их в любом количестве.

— Вопросы формирования нового правительства, координации всей работы на месте и с иностранными центрами так важны, что их никак нельзя решать без моего непосредственного участия. Не забывайте, мои господа, что за успех всей акции я отвечаю перед инстанциями, которые приказывают, но не дискутируют. Поэтому я и мои люди находимся тут и рискуем своей жизнью. Это во-первых. Во-вторых, от этой конференции также зависит успешный план завоевания Латвии, который должны разработать союзники.

Аргументы, Шмита были понятны, но Остниеку от этого не стало легче. Клабан только моргал глазами. Наконец Остниек попросил несколько минут на размышление, чтобы посоветоваться со вторым уполномо-

ченным, хотя ничего толкового услышать от Клабана не надеялся.

Шмит объявил десятиминутный перерыв и вышел. Однако разговор с Клабаном не состоялся. В дверях появился Фердинанд с подносом. Он ловко поставил перед уполномоченными два стакана чаю, бутерброды с соблазнительно пахнущей колбасой и две рюмочки коньяка.

Клабан немедля впился желтыми зубами в бутерброд, откусив больше половины.

— Надо сначала решать, что делать!

— Что ты можешь решать? Истина как блоха, так сразу не поймаешь. Думаю, надо согласиться, а дома видно будет. Если решат, что надо ехать, поедем, не захотят ехать — пошлем этого Шмита подальше,— проворчал Клабан, жуя бутерброд. И жадно опрокинул в широко раскрытую пасть рюмку с коньяком.

— Потише, рюмку проглотишь!

А вообще-то Клабан сложный вопрос решил правильно, и Остниек, успокоившись, принялся за еду.

Главари бандитских групп, с которыми удалось связаться, были одного мнения, что конференцию на берегу озера Усма следует провести с помпой. Резидент должен получить представление о том, как внушительны их военные силы. Надо скрыть все, что свидетельствует о разложении. Это решение стало роковым для Банкова. Его дело включили в повестку дня конференции особым, отдельным пунктом, и притом самым первым.

В самый канун конференции некоторых бандитских главарей возмутили действия бывшего майора полиции Лапиня. Узнав от своего человека, Клабана, про рижские события, Лапинь развел интенсивную деятельность, он заручился поддержкой многих бандитских групп, обещавших избрать его министром-президентом Латвии. Остальные главари считали, что Лапинь самовольно лезет в министры-президенты. Но они ничего не могли поделать. Решили расправиться с Лапинем на самой конференции.

В очень ранний час, когда еще едва угадывалось приближение рассвета, глубоко в лесу, в тщательно выбранном месте, начали собираться участники конфе-

ренции. Место собрания в радиусе на полкилометра было опоясано тройной цепью охранения. На свет божий извлекли и установили все тяжелое вооружение — пулеметы, минометы и даже две легкие пушки. Чтобы пройти все три линии охранения, надо было знать, три разных пароля.

Энергичнее остальных главарей в приготовлениях к конференции участвовал Лапинь. Видимо, он начал уже входить в роль министра-президента.

Все участники конференции были в сборе. Президиум захватила в свои руки кабильская группа во главе с Пакулем, Карклинем и Дижгалвисом. Фердинанда и сопровождающего его Остниека у первой цепи охранения встретили Лапинь и Дижгалвис. Оба вырядились как черти... Лапинь и тут перещеголял своих соперников — он даже где-то раздобыл парадную саблю.

Пристроившемуся к Фердинанду Лапиню все же удалось пробраться в президиум, который разместился на макушке обрыва, откуда хорошо просматривалось все место собрища.

Конференцию открыл Дижгалвис.

Затем дали слово Фердинанду. Он рассказал о большом интересе за рубежом к тайным военным силам Латвии, о ближайших видах на будущее и о том, чего резидент ждет от конференции. Речь его произвела впечатление и простой формой и содержанием. Все почувствовали, что в их жизни наступает поворот к лучшему, приближается долгожданный час. Скоро прекратятся их скитания по лесам, кулацким усадьбам, они получат свою долю, опять обретут власть и силу.

После речи Фердинанда бандиты вскочили на ноги, яростно потрясая в воздухе немецкими автоматами.

Наверное, загремело бы «ура», если б не было строго-настрого запрещено шуметь.

Затем перешли к деловой части.

За два дня до конференции Остниек, Карклинь и Дижгалвис организовали арест Банкова. Это было не так-то легко. Хотя все делалось втайне, кто-то все же успел шепнуть подручным Банкова. Если б Остниек не предвидел этого, Банков улизнул бы, перебрался бы в другую округу и продолжал бы действовать там. Остниек расставил засады вокруг усадьбы «Стропы», где Банков в последние дни пьянистовал со своей бандой. Возможно, что предусмотрительность эта оказа-

лась бы напрасной, если бы в «Стропах» не гнали в это время самогон. Бандиты, узнав об опасности, кинули своего мертвца пьяного вожака на телегу. У первых же кустов его схватили. Он очнулся в баньке, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. Решил, что его поймали красные, но, узнав в часовых остниековских и дижгалвских молодчиков, принялся дубасить ногами по ушату. Только так он мог выразить свой протест. Чтобы уберечь хозяйский ушат, Банкова без всяких церемоний швырнули под полок, накинув на него дверь от предбанника.

Теперь его привезли на конференцию, и он в кустах ожидал своего «пункта повестки дня».

Первым выступил Дижгалвис. Он говорил о значении дисциплины в армии. Без дисциплины победа невозможна, и нарушители дисциплины — предатели. В последнее время наблюдается все больше признаков такого предательства. С этим надо бороться, а то все национальное дело пойдет к чертям. Пример предельного морального разложения — капитан Борис Банков. Вот почему дело Банкова передано на рассмотрение конференции, она же должна определить и меру наказания.

После этого на арену вывели и самого Банкова. Помятый, грязный, весь в свиной щетине, со связанными руками, он сидел на пне и яростно таращил глаза.

С длинной обвинительной речью выступил Остниек. Он оперировал конкретными фактами. Уничтожать красных и их попутчиков — долг каждого националиста. Но Банков настолько разложился, что не отличает своих от врагов. Затем последовал ряд фактов. Банков грабил и насиловал своих. Особенно образно Остниек описал, как Банков изнасиловал Олите и отрезал ухо ее отцу. Он много говорил о том, как самоотверженно Олите и ее старик помогали своим. Поэтому не приходится удивляться, что сочувствующих национальному делу все меньше и меньше.

Обвинительная речь Остниека не произвела особого впечатления. Остниек, должно быть, предвидел это и так же энергично выдвинул другой пункт обвинения. Банков разбазарил средства организации и только из-за своей халатности и распущенности не добился радиосвязи с заграницей. За границей ими интересуются. Это подтверждается прибытием оттуда специального по-

сланца. Радиосвязь была бы уже давно налажена, если бы это дело не отдали в руки такого негодяя, каким стал Борис Банков.

Эта часть речи произвела большее впечатление, она прямо или косвенно задевала личные интересы каждого бандита.

В заключение Остниек потребовал приговорить предателя Банкова к расстрелу.

После Остниека должны были высказаться остальные участники конференции, но охотников вмешаться в столь сложное дело оказалось немного. Нашлось лишь несколько желающих. Они защищали Банкова, считая, что расстреливать своих ни к чему. Можно его наказать иначе. Хотя бы понизить в чине. Нечего зря поднимать такой шум из-за Олите, которая любому мужику на шею бросается. А старик все равно почти не слышит и прекрасно обойдется без уха.

Банков понял, что с ним не шутят. Остниек в самом деле может отколоть такой номер — всадить в него заряженную пулю. Банков лихорадочно соображал, как вывернуться. На свое счастье, он вспомнил детство. Старый Банков ремня не жалел. Но однажды сын, подвергаясь экзекуции, заметил, что после первых его воплей ремень остановился. Видимо, старый счел, что кара уже возымела свое действие и нечего зря утруждать руку. Это открытие впредь давало возможность сокращать наказания.

Он решил прибегнуть к этой же тактике и теперь.

Когда слово дали обвиняемому, Банков, подавив в себе озлобление, пробормотал слова раскаяния и стал тереть рукавом глаза.

Приговор оказался мягким. Конференция разжаловала капитана Банкова в солдаты. Банкову на это было наплевать. Настанут другие времена, вернут ему и капитанский чин. А тут, в лесу, от чина все равно проку мало.

Приговором все остались довольны. Главное, что перед уполномоченным заграницы была продемонстрирована борьба за дисциплину. Приговор не устраивал одного Остниека, понимавшего, что теперь он нажил опасного врага.

Далее следовал вопрос о создании координационного центра. Естественно, что этот вопрос был связан с формированием нового правительства. Прежде всего

надо было избрать министра-президента. О дальнейшем можно будет говорить, когда министр-президент и начальники групп вернутся из Риги, после встречи с иностранным резидентом.

О том, нужно или не нужно ехать в Ригу, разговора почти не было. Надо ехать — и все. Нельзя упускать столь долгожданной связи с заграницей. Если кто боится, пускай отказывается от должности начальника. Найдутся другие, посмелее.

Сложнее был вопрос о министре-президенте. Один за другим нападали на Лапиня, упрекая его за предварительную кампанию, утверждая, будто он сам избрал себя министром-президентом. Но голыми руками Лапиня взять не удалось. У него оказалось много защитников, доказывавших, что никто другой, кроме майора полиции Лапиня, на пост министра-президента претендовать не вправе. Хотя бы потому, что Лапинь в этом районе самый старший по чину и имя его известно среди националистов, находящихся за границей.

Остниек тщетно надеялся, что кто-нибудь назовет и его кандидатуру.

Когда, сверкая саблей, на обрыве появился Лапинь, почти всем стало ясно, что ему и быть министром-президентом, главой нового правительства Латвии. Это и подтвердилось голосованием путем поднятия оружия.

Латвия обрела еще одного министра-президента и еще одно националистическое правительство.

Больше конференция ничего не дала. Разговор о действиях групп ограничился общими фразами, всем было ясно: что-нибудь более подробное и конкретное можно будет сказать только после совещания в Риге, где от иностранного резидента будет получен план дальнейшей деятельности. Тогда и можно будет произвести кооптацию остальных министров.

Участники конференции разошлись. Фердинанд с членами президиума еще остался, чтобы в деталях подготовить поездку министра-президента и начальников групп в Ригу.

Когда Остниек покидал место конференции, он заметил маленьющую таксу, которая, виляя хвостом, путалась у всех под ногами.

— Что это за собака?

— Да это же собачонка Сескиса — Цилда,— сказал Дижгалвис.

— Осталась без хозяина, наверно, кто-нибудь подобрал ее.

Остниек вспомнил свой разговор с Вилбертом и улыбнулся. Лишнее доказательство, что дело верное.

8

После конференции Фердинанд еще несколько дней провел в Курземе. Он хотел получить полный список тех, кто поедет в Ригу. Оказалось, что составить такой список было невозможно. Некоторые то давали согласие, то отказывались. Это огорчало не только Фердинанда, но и непосредственных организаторов конференции. Чувствовалось, что кто-то мешал.

Среди мешавших очень деятельны были главари банд Фелсберг, капитан Крауя, Круст и другие.

— Никаких царей нам на шею не нужно! Посмотрим, чем эта канитель кончится! Если иностранцы хотят помочь, то пускай помогают, но пусть столько языком не треплют.

Так они отвечали организаторам конференции.

Некоторые группы попросту исчезли в лесах и больше не появлялись.

Фердинанд был озабочен. Неужели это дело провалится? Нет, провалиться оно не могло. В желающих ехать недостатка не было. Могли лишь измениться намеченные масштабы.

Поскольку количество едущих точно установить было нельзя, то условились, что в определенных местах будут ждать -машины, которые примут всех, кто явится. Президенту рекомендовалось ехать последним.

Когда Лапиню доложили о действиях раскольников, он только вздохнул:

— Таковы латыши. Пять человек — семь партий. Единения не хватает... национального единства! Каждый только о себе думает...

Лапинь в это время как раз примерял новый костюм. Он тоже заботился о своей шкуре. Она должна была быть безукоризненной — от обуви до галстука. Министр-президент должен выглядеть так, как подобает выглядеть министру-президенту. Его люди шныряли по всей округе в поисках нужных принадлежностей туалета. У какого-то бывшего лесника раздобыли даже трость с набалдашником из слоновой кости.

В конце концов, помимо Лапиня, еще пятнадцать человек были готовы ехать. Среди них — бандитские главари: Прокурор (Дижгалвис), Каулс (Остниек), Атамане (Карклины), Лив (Вишкис), Юрмалниекс (Блум), Мисинып (Бривниек) и другие.

В первый день в Ригу поехало семь человек, за ними, в каждые четные дни,— по двое-трое. Наконец подошла очередь самого министра-президента. В то утро в вентспилсском поезде сидел корректно одетый человек. По коридору вагона он прошел, опираясь на шикарную трость с набалдашником слоновой кости. Если бы кто вздумал проверить у него Документы, он предъявил бы совершенно новенький советский паспорт на имя Петериса Земдеги и командировочное удостоверение Республиканской больницы, из которого явствовало, что хирург Земдега направляется в Угале для проведения сложной операции. Теперь он, после удачной операции, возвращается на место своей работы. При нем даже была благодарственная грамота.

Проверки документов не было, и хирург благополучно доехал до станции Торнякалнс. Он медленно шел по перрону. В одной руке трость, в другой маленький чемоданчик из красной кожи. Дул тихий осенний ветер, и на перрон падали желтые листья. Слегка пригревало осеннее солнце. В конце перрона хирург остановился, достал белоснежный носовой платок, снял шляпу и отер лоб. Неторопливо оглянулся. Поезд уже грохотал на даугавском мосту. Немногие пассажиры, сошедшие в Торнякалнсе, исчезли. В станционное здание ушел и дежурный в красной фуражке. Только какой-то железнодорожник гнул спину над ящиками, устанавливая их на багажную тележку.

Хирург тщательно надел шляпу и сунул платок в наружный карман пиджака. Потом тем же размеренным шагом ушел по тропинке со станции. Степенно дошел до Елгавас гатве и сел в трамвай. В трамвае немного пассажиров, у каждого из них свои заботы и интересы. Никому нет дела до человека с тростью и чемоданчиком. Трамвай сворачивает на улицу Баускас. С каждой остановкой пассажиров становится все меньше. Наконец в трамвае остаются хирург и какой-то старик в ватнике и резиновых сапогах. Рядом с ним две складные удочки. Рыболов чуть навеселе и все пытается завязать разговор с кондукторшей. Та, ответив шут-

кой, уходит на переднюю площадку поболтать с вожатым. Лишившись собеседницы, рыболов обращается к пассажиру с тростью и красным чемоданчиком. Кричать на весь вагон неудобно и он пересаживается к хирургу.

— Как вы думаете, будет сегодня клевать или не будет?

Хирург совсем не в восторге от непрошеного собеседника. Он заметно нервничает. Это видно по глазам.

— Не знаю, я не рыболов.

— Тогда вам не дожить до ста лет. Какую я прошлый раз щуку вытащил! Семеро человек детей ели и съесть не могли. Зубы точно у крокодила. Жаль, что сегодня так замешкался. Надо бы уже с утра на месте быть.

Трамвай подошел к конечной остановке, и рыболов, собрав пожитки, оборвал свой рассказ и, чуть покачиваясь, сошел с трамвая. Сошел и хирург. Рыболов удалился по шоссе, даже не оглянувшись.

Неподалеку от трамвайной остановки хирург заметил машину. Подошел к ней. Шофер открыл дверцу. Хирург с облегчением опустился на сиденье. Машина тронулась.

— Пристает к людям.

— Кто? — шофер слегка обернулся.

— Какой-то, с удочками...

— В этом районе рыболовов полно — Даугава.

Как уже рассказывал Клабан, окна машины затянуты занавесками, ничего не видать. Только глядя в смотровое стекло можно понять, что машина движется к центру Риги. Промелькнул парапет моста.

В первый раз хирург сменил машину в Старой Риге, у красных кирпичных стен Домской церкви. Вторично — на Тербатас, у Матвеевского рынка. На этот раз рядом с шофером сидел человек с поднятым воротником. Он, как назло, закрывал смотровое стекло. Только тогда, когда машина повернула, хирург сообразил, что они сворачивают с Тербатас на Стабу, в сторону Бривибас. Но как-то непонятно они едут. Наверно, на Бривибас свернут в ту или другую сторону. Но машина никуда не свернула. Она медленно пересекла Бривибас. Слева от шо夫ера показалась коричневая стена дома. Да ведь это здание Министерства общественных дел.

Министерство общественных дел! К чертям! Теперь

же здесь ЧК. Как легкомысленно кружить у нее под носом!

Машина чуть убавила ход. Хирург инстинктивно вскочил. Голова стукнулась о крышу машины, и великолепная шляпа свалилась к его ногам.

— Только не волнуйтесь! Все будет в наилучшем порядке,— успокоил его человек, сидевший рядом с шофером.

Лапинь откинулся на сиденье.

Машина резко повернула влево. Когда она въехала в подворотню, в машине стало темно. А у Лапиня в глазах и вовсе потемнело. Он даже не заметил, как они остановились. Кто-то снаружи открыл дверцу.

Лапинь сидел съёжившись, неподвижный.

— Прошу, господин министр-президент, приветствую вас в Риге. — В дверцах машины появилось улыбающееся лицо Фердинанда. — Остальные уже ждут вас.

Медленно, совсем медленно Лапинь выбрался из машины. Майор полиции грузно навалился на роскошную трость. Усталуи взглядом он огляделся вокруг. Да, не было никакого сомнения, это в самом деле двор Министерства общественных дел.

— Я так и думал,— пробормотал министр-президент.

Фердинанд услужливо взял у него чемоданчик из красной кожи.

Восьмая глава

ТОПОР В КОЛОДЕ

1

Интересные вещи сообщал в последние дни Ташманис. До Кемери доходят слухи о налетах, совершающихся иногда под Тукумсом. На молочные заводы, исполнкомы... Разгораются настоящие бои. Но все эти сведения очень туманны. Заполучить бы такой конкретный материал — вот был бы улов. Да, тогда можно было бы не только на лодку надеяться, но и на корабль. А что сказал Троцик? Связаться с людьми, которые скрываются в лесах и борются с коммунистами с оружием в руках.

Лейнасар решил, что надо нажать на юрисконсульта

Коммунального банка Кайминя. Пускай выкладывает все, что знает о лесах. А нет — пускай сам сколачивает плот и плывет на нем через море.

Пакалн, как обычно, один сидел дома и перелистывал старые номера «Атпуты». Видимо, он успел уже хлебнуть, ибо был разговорчив:

— Ты погляди, как ребята гуляют,— он ткнул большим пальцем в иллюстрацию, на которой маршировали увешанные орденами офицеры. — А я был пофартовой. Не было такой бардамы, которая бы не водилась со мной в кредит.

— Да, очень хороший журнал,— заметил Лейна-кар. — Есть что почитать.

— Дерьмо. Не знаешь, какие журнальчики мне из Парижа привозили. Одни голые девочки. Маленькие, высокие, толстые, тонкие. Вот было на что посмотреть.

— Ничего, попадешь в Швецию, так там не хуже достать можно.

— «В Швецию, в Швецию!..» Квохчешь, точно курица. Так зачем волынку тянуть? Если можно туда махнуть, так махнем.

— Махнем, но пока еще нельзя.

— Тогда не болтай зря. Чего тебе?

— Фредиса Лидака нашел наконец?

— Ах да, Янка велел сказать, что нашел Фредиса.

— А ты ничего и не говоришь мне?

— Так вот я говорю тебе.

— Давай его сюда.

— Будет через две недели. Он в Даугавпилсе, в командировке.

— А скорее нельзя?

— Не я его командировал.

— Тогда разыщи мне срочно Кайминя.

— Эту крысу из Коммунального банка?

— Ту самую.

— Скажу Янке, чтоб велел завтра вечером прийти сюда.

— Дай мне с собой «Атпуту».

— Макулатуры не хватает?

— Хочется в старую жизнь заглянуть.

— Загляни, только не расплачся. От старой пеклеванной муки в животе рези бывают.

— Ничего.

— А коньчик?

— Будет.

В следующий вечер Кайминь уже ждал. И совсем не пришлось нажимать на него. Сразу все выложил. Была хорошая связь с неретскими лесами.

— Почему вы говорите в прошедшем времени?

— Потому что группы там уже не существует. Ликвидирована. И как раз тогда, когда я подготовил там почву.

— Что это значит?

— Сообщили, что в Ригу прибыл из-за границы человек, который хочет установить связь с лесами. Там все прямо окрылились...

Кайминь коротко рассказал о разгроме банды в Неретском округе.

— Там больше нечего делать, поэтому и говорю в прошедшем времени.

— Как вы смели сообщать что-нибудь без моего ведома?

— Для них связь с заграницей была нужнее, чем для саней зимняя дорога. Понимаете, они задыхались.

— И вы рисковали навести на мой след ЧК?

— Ничего подобного! Я только сообщил, что в Ригу прибыл иностранный резидент. Ничего конкретного я не говорил. А дальше вы могли бы действовать по своему усмотрению.

Лейнасар успокоился. Рвение Кайминя ему даже понравилось.

— И теперь там все погибло?

— Все.

— А что вы знаете о Курземе?

— Ничего особенного. Только то, что там, в лесах, главные силы. Это и понятно. От «Курземского котла» кое-что осталось.

— С Курземе у вас связи нет?

— Нет.

— Так вот что,— повелительно сказал Лейнасар,— даю три дня сроку. Найдите нити к курземским лесам.

— Это нелегко.

— В нашей работе легких заданий не бывает.

— Постараюсь выполнить.

Кайминь оказался способнее, чем Лейнасар ожидал. Он нашел медсестру Лиепиню. В прошлом она работала в лиепайской больнице, а теперь перебралась в Ригу, в Первую больницу, и жила там же.

— Я должен встретиться с ней. И как можно скорее.

— Все уложено. Завтра в десять около товарной станции.

Был темный октябрьский вечер. Резкий ветер налетал с Даугавы, бился о стены домов и окна и рвал с деревьев последние листья. Людей на улицах было мало. Они спешили, втянув шеи в воротники пальто. В сад со станции доносились паровозные свистки и стук вагонных буферов.

Кайминь прислонился к дощатому забору и дрожал от холода. Ему казалось, что он ждет целую вечность, а Рич все не шел.

— Вам холодно? — вдруг произнес чей-то резкий голос рядом с ним.

Кайминь обернулся. Как этому черту удалось так незаметно подкрасться?

— Нет, ничего.

— Интелигенция никогда не отличалась выносливостью, особенно во втором и третьем поколении.

— Мой отец был мельником, — пробурчал Кайминь и торопливо зашагал вниз по улице Ганзас.

Лейнасар догнал его:

— Разве так просто попасть в ворота? Да еще в такой поздний час?

— За деньги и небесные врата распахиваются.

— Но на земле это иногда бывает труднее, чем на небе.

— Потому мы сперва испытаем другой путь.

Кайминь повел Лейнасара вокруг всего больничного квартала и вышел на улицу Шарлотес. Сразу же за часовней начал считать доски в заборе. Отсчитав их нужное количество, посмотрел в одну сторону, затем в другую, рванул и отодвинул одну из досок. В заборе образовалась щель. Убедившись, что поблизости нет ни души, Кайминь исчез в щели. Лейнасар последовал за ним. Кайминь водворил доску на место, с минуту прислушивался, затем пошел по скрупульезненной больничной территории. Пожарный бассейн остался справа.

В какой-то подсобной постройке они поднялись на последний этаж, и Кайминь трижды коротко позвонил. Дверь отворила женщина далеко не первой молодости, с бледным лицом, накрашенными губами, с испуганными и усталыми глазами.

— Скорее,— шепнула она и, как только гости очутились в прихожей, тихонько закрыла дверь.

Комната оказалась небольшой, в ней было только самое необходимое для жилья. Не снимая пальто, Лейнасар и Кайминь сели за маленький круглый столик, на котором валялись костяные спицы с вязаньем.

— Одна живете? — спросил Лейнасар скорее только для того, чтобы с чего-то начать разговор.

— Одна.

— Где муж?

— Все еще в шуцманах. Не знаю где.

— Да... и этого достаточно, чтобы коммунисты не пустили вас на свой корабль.

— Это пока еще трудно сказать.

— Неужели еще есть такие наивные люди... Ничего, ничего... Скоро опять к вашим берегам пристанет настоящий корабль.

— Мне уже тридцать шестой год пошел, хватит ли пороху, чтоб ждать...

— Да что вы! Вам никто больше двадцати пяти не даст,— прибегнул Лейнасар к давно испытанной хитрости.

Женщина вздохнула, но все же украдкой глянула в небольшое зеркальце, лежавшее рядом с вязаньем.

— Лучше скажите, что вам от меня нужно. Если вам нужны медикаменты, то вы напрасно пришли. У меня ничего нет, а доставать их становится все труднее и труднее.

— Вас неправильно информировали. Нам медикаменты не нужны,— пояснил Кайминь дружеским тоном.

— Нам нужны лишь кое-какие сведения,— заметил Лейнасар.

Когда гости объяснили, чем именно они интересуются, медсестра ответила словами Кайминя:

— Вас, должно быть, неправильно информировали. У меня никаких связей с лесом нет.

— Но может, все-таки... Мы ведь свои люди.

Только с большим трудом Лейнасару удалось кое-что выжить из нее. У Лиепини в самом деле никаких связей с бандитами не было. В Лиепае она кое-что слышала от своей знакомой медсестры Эмилии Цепе. У той все ухажеры в лесах. Несколько раз она выруча-

ла Цепе медикаментами, все это, разумеется, пошло в леса.

— В таком случае устройте мне свидание с Цепе.

— А что, если я на свою знакомую навлеку беду? Откуда я знаю, кто вы такой на самом деле?

— Думаю, что тот, кто договорился с вами о нашем сегодняшнем свидании, проинформировал вас так, что оснований для каких-либо опасений и сомнений у вас быть не может,— попытался Кайминь возразить ей.

— А вы думаете, что стоит мне поманить пальцем, и она сразу побежит в Ригу? Мы с ней только знакомы, а после моего переезда в Ригу наши пути разошлись.

— Если у Цепе много кавалеров, то она, конечно, любит наряжаться? — завладел разговором Лейнасар.

— Несомненно. Ей всего лишь двадцать шесть лет, а такому товару нужна хорошая упаковка.

— Ну вот, а в Риге для этого куда больше возможностей, чем в Лиепае. Комиссионные магазины... рынок...

— А подъехать сюда не так уж сложно.

— Медсестры так много не получают, чтобы по комиссионным ходить.

— Об этом как раз и речь! — воскликнул Лейнасар. — Мы люди деловые. Кто покупает, тот и платит. — Лейнасар вытащил из кармана и положил на стол пачку денег, завернутую в газетную бумагу.

— В таком случае можем и поговорить,— уже бодрее сказала Лиепиня, слегка надорвала обертку и прикинула, сколько там.

Разговор был совсем коротким. Подумав, медсестра сказала, что через несколько дней позвонит Кайминю, договорится о встрече с ним и скажет, что делать дальше.

Любители темноты тем же путем, которым пришли, покинули территорию больницы.

Уже на третий день Пакалн вечером передал Лейнасару записку Кайминя: «Явитесь в Салдус на улицу 5 августа, 33, там встретите Лизу Бергман».

Лейнасар несколько раз перечитал записку, запомнил адрес и имя. Достал спичку, сжег записку. Лежавший на диване Пакалн почуял запах горелой бумаги:

— Всю комнату провонял.

Во время немецкой оккупации муж Лизы Бергман — тайный сотрудник полиции СД — был замешан в темные делишки фашистской полиции в Салдусе. На квартире Бергмана был притон фашистских офицеров. Лиза не знала счета деньгам. Она часто посещала рижские косметические кабинеты, пытаясь сохранить стремительно уходившую молодость. Она не брезгала и участием в некоторых полицейских делах.

После разгрома фашистов Бергман был осужден и сослан. Прямую связь Лизы с фашистами доказать не удалось, и она осталась в Салдусе.

Не занимаясь много лет честным трудом, она отвыкла от него и по работе не скучала и после осуждения мужа. Она тайно торговала алкогольными напитками или промышляла тем, что устраивала у себя веселые вечеринки. Для отвода глаз время от времени ненадолго поступала на какую-нибудь службу, но всегда на такую, где не надо было особенно утруждать себя.

На жизнь ей хватало, но о таком размахе, как при немцах, конечно, и думать не приходилось.

Лизины дела сильно поправились после того, как она встретилась с бандитом Фрейманисом.

Арвид-Эрнест Фрейманис был одним из самых жестоких садистов в банде Круста. Его отец Жанис Фрейманис в буржуазной Латвии служил в полиции города Салдуса. При советской власти Жанис работал на станции грузчиком. Когда вторглись немецкие фашисты, бывший полицейский сразу же разыскал в кустах брошенную туда винтовку. Сын его прямо со школьной скамьи тоже вступил в полицию. За короткое время он перешеголял отца, участвуя во всех массовых убийствах и в волости Циецере, и на озере Балтэзерс, и в окрестных лесах. Несколько лет Арвид-Эрнест Фрейманис работал тайным осведомителем полиции СД. Немало людей попало в застенки СД по доносам Фрейманиса.

Во время капитуляции отец и сын по «делам службы» находились в Лютринской волости. Узнав об окончательном разгроме фашистов, они сразу же скрылись в лесах.

Через несколько месяцев отец был убит в стычке с истребителями, а сын вступил в банду Юлия Круста.

Орудя в банде Круста и скитаясь по разным местам, Фрейманис как-то оказался неподалеку от Салдуса, и ему взбрело в голову поглядеть, что делается в бывшем отцовском доме.

Милиции в Салдусе было мало, ее работники участвовали в жестоких схватках с бандитами в окрестных волостях. Фрейманис это знал.

Захватив с собой бандитов Брувериса, вооруженного пулеметом, и Упениека с автоматом и ручными гранатами, Фрейманис посреди ночи явился в Салдус и ворвался в дом, принадлежавший когда-то полицейскому Жанису Фрейманису.

Теперь там жила какая-то рабочая семья. Разбудив обитателей квартиры, Фрейманис, тыча им под нос автоматом, заявил, что он хозяин этого дома. Надумает, так придет за квартирной платой. Поиздевавшись над людьми, бандит отправился к работнику милиции Аберриню. Тот занимал второй этаж небольшого деревянного домишко. В окнах было темно, милиционер, видимо, находился на службе. Бандиты обстреляли из пулемета окна квартиры и закидали дом гранатами.

Не встретив сопротивления, набуянившиеся бандиты уже собирались покинуть Салдус, но Фрейманис вспомнил о красотке Лизе.

Отдав автомат Упениеку и вооружившись двумя пистолетами и несколькими ручными гранатами, Фрейманис отправился к Лизе. Заспанная Лиза охотно разделила теплую постель с другом детства.

Вернувшись в банду, Фрейманис похвастал своими победами, расхваливая при этом прелести Лизы. Видимо, он при этом перестарался, потому что окончилось это для него весьма плачевно. Салдусской красоткой заинтересовался сам Круст и заявил: дом в Салдусе, на улице 5 августа, 33, без его разрешения никому не посещать. Фрейманис понимал, чем это пахнет, и, поворчав из-за отнятого куска, отступил.

Теперь Круст тайно посещал Салдус и проводил ночи в обществе Лизы Бергман. Его постоянно сопровождал бандит, настоящее имя которого никто не знал, но который был известен под кличкой капитан Краяя. Среди медицинского персонала салдусской больницы Бергман подыскала Краяе подходящую партнершу.

При помощи бандитских приспешников Круст добился того, что в соседнем с Бергман доме разместились

сочувствовавшие фашистам молодчики. Бандиты вооружили их, поручив им охрану дома, пока там гуляли Круст и Крауя.

Став любовницей бандита Круста, Бергман поправила свои дела. Но от разгульной жизни ей пришлось отказаться. Круст не хотел терпеть соперников. Зато Лиза начала исправно посещать по воскресеньям церковь.

Этот адрес — Салдус, улица 5 августа, 33 — медсестра Лиепиня и дала Лейнасару. Только прямо туда иди не следовало, сперва надо было отыскать больницу.

3

Послав ко всем чертям уехавших в Ригу на конференцию бандитских главарей, Круст со своей шайкой перебрался в волость Лиелауце, Елгавского уезда. Проболтавшись несколько дней в усадьбе «Чауви» бандитского приспешника Спуритиса, Круст соскучился по Лизе. Артур Спуритис разузнал, сколько товаров и денег в стурмуйжской лавке, в Блиденской волости.

Вечером банда Круста, разгромив стурмуйжскую телефонную станцию, принялась грабить лавку.

Помимо 2500 рублей банда захватила столько товаров, что не могла их унести. Отняв у завмага лошадь, они увезли награбленное в лес и там поделили. Почти все деньги, женское белье, туфли, все лучшие ткани и, конечно, напитки Круст прибрал себе и в тот же вечер отправился в Салдус.

Остальные вещи, кроме продуктов, бандиты спрятали у своих приспешников в усадьбе «Лидуми» Лиелaucской волости и в «Зушах» Курсишской волости. Хозяину «Зушей» в виде вознаграждения отдали велосипед стурмуйжского завмага.

Щедрые подарки обеспечили Крусту нежный прием и продолжительный отдых. Жители Салдуса, отправляясь на работу и минуя на улице 5 августа окна дома 33, не подозревали, что за красивыми занавесками на диване валяется один из самых жестоких курземских лесных бандитов.

Утром, на четвертый день отдыха, Круст, в рубашке, развались в удобном кресле, потягивал пиво.

Неподвижным взглядом он через белые занавески смотрел в сторону Абавы. Вошла Лиза, и из кухни хлынул запах жареной на масле яичницы. Накрывая стол к завтраку, заботливая хозяйка спросила:

— О чём ты, милый, думаешь?

— Думаю, не податься ли в окрестности Резекне. Посмотрел бы, что творится в моей округе. Убрал бы кое-кого из красных...

— В своем ли ты уме! — воскликнула Лиза, чуть не уронив тарелку. — Там ведь тебя узнают и сразу схватят. Да и чем тебе тут, в Салдусе, плохо? Никто тебя не знает, хочешь — можешь даже в кино сходить;

— Это неплохая идея. Что сегодня вечером показывают?

— Толком не знаю.

— Узнай! Вечером сходим на последний сеанс. Сбегай за газетой.

Бергман вернулась очень скоро, принесла «Циню* и еще какую-то листовку.

— Что это за листок?

— Прочитай! — взволнованно ответила Лиза. — Вся окрестность и все леса полны этими листовками. Самолёт сбросил.

Круст схватил листовку и быстро прочитал. На лбу надулась толстенная жила. Он зарычал зверем, задыхаясь, схватился за ворот рубашки и разорвал ее. Швырнулся листовку на пол и принялся топтать ногами, мыча при этом как разъяренный бык. Затем опустился на стул и истерично захохотал.

Круст взбесился не без основания. Листовка была адресована всем, скрывавшимся в лесах и других местах. Она призывала прекратить безнадежное сопротивление. Фашистам и националистам в Латвии к власти уже все равно не вернуться. Те, которые вовремя добровольно явятся в надлежащие учреждения и займутся честным трудом, спасутся от гибели и откроют себе путь в будущее. Листовку подписали бывший майор полиции и министр-президент Лапинь и все пятнадцать бандитских главарей, отправившихся недавно в Ригу, на встречу с иностранным резидентом.

— Я же говорил, я же говорил! Иностранцы с улицы Стабу! Ну, погодите у меня! Пускай мне только попадется такой иностранец. Все кишки выпущу.

Листовка испортила Крусту настроение на весь день.

Идти в кино он отказался. Лучше послушает радио. Но тут ему опять растрявили раны. По радио несколько раз прочитали то же возвывание. Затем раздался отчетливый голос диктора:

«А теперь мы попросим к микрофону майора немецкой полиции Лапиня, избранного нелегальными элементами министром-президентом, который раскаялся в своих преступлениях и выразил желание начать честную жизнь».

Услышав слова Лапиня: «Почему Гитлер проиграл войну и почему должны проиграть мы...», Круст ударом ноги опрокинул столик. Приемник полетел в угол и замолк.

Из двери кухни выглянула перепуганная Лиза.

Как раз в это время нити лиепайской медсестры Цепе потянулись в Салдус. Расположенная на внешней границе Лиепая казалась ей неподходящим местом для знакомых рижской приятельницы, и она, используя свои связи с салдусской больницей, решилась направить Лейнасара в Салдус, к любовнице бандита Круста — Лизе Бергман. Та будет знать, что делать дальше.

Разбив радиоприемник, Круст всю ночь топил злобу в спирте. После каждого стакана он рычал: «За это они поплатятся! За это они поплатятся! За каждого предателя — пятерых красных! Троих истребителей и двоих исполнковских председателей!»

Постепенно Круст уморился. Он рычал все тише и тише, пока наконец не начал клевать носом. У двери позвонили, и Лиза, выйдя в прихожую, с кем-то стала шептаться.

Круст взял себе кличкой имя члена своей банды Фрейманиса, и даже Лиза в серьезном разговоре называла его Арвидом.

— Кто там приходил? — хмуро спросил Круст, когда Бергман вернулась в комнату. — Мне скоро пера, дела не ждут.

— Арвид... тебя..

— Не бормочи! Кто приходил?

— Из больницы... Забыла тебе сказать... Сюда недавно приезжала Цепе из Лиепаи... Ты ведь ее знаешь...

— Знаю. Ну и что?-

— Мы с ней договорились... Ей ведь можно доверять...

— Говори же наконец так, чтоб можно было понять! — Круст угрожающе встал.

— Одним словом, тебя хочет кто-то видеть, и я разрешила ему сюда прийти...

— Кто меня хочет видеть?

— Приехал из-за границы... Большие связи с иностранной разведкой. Хочет установить контакт с вами, помочь...

— Что?! — Одним прыжком Круст очутился подле Бергман, схватил ее за горло, поднял в воздух, как зарезанную курицу. Она только захрипела.

Когда Лиза уже посинела, Круст отпустил ее, и она, пошатываясь, поплелась в угол. Долго не могла прийти в себя, затем встала и, охая, потащилась к дивану.

— Идиотка! — рычал Круст.

— Но ведь Цепе наш человек... Я думала...

— Идиотка! Хочешь, чтоб и я угодил туда же, куда президент Лапинь со своей компанией? Этому не бывать! На то я — Юлий Круст. Или ты считаешь меня последним дураком?.. На другой день хотят меня на ту же приманку поймать!.. Ничего, они еще узнают Юлия Круста! Этот иностранный агент один?

— Один.

— Хвоста нет?

— Нет.

— Где он теперь?

— Во дворе больницы. Сидит в санитарной машине.

— Ладно, пускай приходит через полчаса, только не сюда. Пускай подождет у соседнего дома и идет за Янцисом.

— Хорошо, дорогой,— Лиза начала собираться, время от времени потирая пострадавшую шею.

— Но сначала позови из соседнего дома Артура.

Прождав в холодной санитарной машине, Лейнасар с радостью узнал, что должен явиться на встречу. Санитарка, шедшая в нескольких шагах впереди, привела Лейнасара на улицу 5 августа и показала рукой на какие-то ворота и, не останавливаясь, пошла дальше. Лейнасар встал перед закрытыми воротами, не зная, как быть дальше. Но рядом открылась калитка, и оттуда высунулась голова подростка.

— Я Янцис, идите за мной,— быстро отбарабанил подросток и насмешливо оскалил крепкие белые зубы.

Лейнасар вошел во двор.

— Вас ждут в гараже,— бросил Янцис и рысцой кинулся к дому.

В углу двора белел некрашенными досками недавно построенный гараж. Двери были приоткрыты. Лейнасар осторожно подошел к гаражу и попытался заглянуть в щель. Но ничего не мог разглядеть.

— Дверь не открывай! Залезай! — прогремел в темноте повелительный голос.

Лейнасар боком протиснулся в гараж. В следующий миг его ударили по голове, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то почувствовал, что его швыряют из стороны в сторону. Открыв глаза, он увидел высоко над собой синевато-серое небо. Попытался шевельнуться, но сразу понял, что руки и ноги связаны. С трудом вспомнил о злосчастном посещении гаража. Там его, наверно, уже ждали. Во всяком случае, он сообразил, что находится в грузовой машине и трясется на неровной дороге. Значит, он ехал по лесной дороге. Кто его схватил и куда везут? В самом ли деле он попал в ловушку или же это нелепое недоразумение?

Повернув голову, увидел, что он в машине не один. На старой покрышке, привалившись к переднему борту, сидя дремал молодой парень. Когда Лейнасар заворочался, пытаясь освободиться, парень очнулся. Он открыл глаза, зло взглянул на Лейнасара, встал и швырнулся на него мокрый брезент.

— Лежи, собака! — прошипел он.

Лейнасар больше ничего не видел.

Они ехали час, а то и больше. В таком положении чувство времени теряется.

Машину затрясло особенно сильно, и она запетляла из стороны в сторону. Лейнасар понял, что машина свернула в лес и поехала без дороги. Наконец она остановилась.

Стукнули дверцы шоферской кабины. Послышились голоса. Кто-то крикнул:

— Давай этого чекиста сюда. Некогда нам возиться с ним.

«Так вот какие дела! Счастье, что это только недоразумение... Все образуется*», — решил Лейнасар, не очень обижаясь. С него грубо стащили брезент и, сверкнув

ножом, перерезали на ногах веревки. Руки по-прежнему оставались связанными.

— Вылезь!

Лейнасар насили встал, ноги онемели. Он с трудом перевалился через борт, оступился, упал и опять поднялся. Он очутился в молодом ельнике; перед ним, раскорячив ноги, стоял огромный детина в ватном полупальто, рука его играла пистолетом. Чуть поодаль стояли другие, такие же подозрительные типы, только гораздо меньше ростом.

Лейнасар с вымученной улыбкой приблизился к детине:

— Здравствуйте, господа! Судя по замечаниям, которые я только что услышал, произошло нелепое недоразумение...

Ему не дали договорить. Круст поднял пистолет и, не целясь, выстрелил. Пуля прожужжала над самым ухом. Она будто обожгла его. Лейнасар отскочил на шаг, он понял, что тут не до шуток.

— Это в самом деле слишком!

— Слишком много у твоих начальников нахальства. На одну и ту же приманку дважды волка не поймаешь. Ну, говори скорей! В аду поболтаем поподробней!

— Нужны вам связи с заграницей или не нужны?

— Та же песня! Нужны будут — без тебя найдем!

Лейнасар не успел ничего сказать. Неподалеку раздался пронзительный свист. Детина ответил свистом и ненадолго забыл о Лейнасаре. Из ельника вышел субъект в немецкой шапке; завидев Круста, махнул ему рукой. Оба отошли в сторону. Лейнасар уловил несколько слов и понял, что Круст с другим шепчутся по-немецки. Стало быть, в курземских лесах есть еще и немцы. Если останется в живых, то эти сведения пригодятся.

Чуть погодя Круст повернул голову в сторону машины и крикнул:

— Артур, сюда!..

— Слушаюсь! — отозвался стоявший у кабинки юноша и бросился к нему.

Круст, правда, понизил голос, но не счел нужным перейти на шепот. Не к лицу начальнику шептаться. Это обстоятельство и спасло Лейнасара. Он почти полностью расслышал приказ главаря:

— Поедешь к шоссе, подыщешь там хорошо видное с дороги дерево и повесишь чекиста на крепком суку.

— Никто со мной не поедет?

— Остальным некогда возиться. Сиекста тоже пойдет с нами, у нас ночью важное дело.

— Так разве я один...

— Не будь нюней! Со связанным дурнем не управляешься? Если что, двинь гаечным ключом.

— Если иначе нельзя...

— Нельзя! Пошли!

Шофер грузовика, недовольный, повернулся к остальным. Видимо, задача не пришлась ему по душе.

— Залезай! — сердито крикнул он Лейнасару, показывая на кабину.

Чуть погодя машина опять тряслась на лесных кочках. Верзила со своей шайкой выходил из молодняка.

Лейнасар лихорадочно взвешивал все возможности побега. Побег облегчался тем, что он знал, какое задание получил от Круста шофер. Не так-то легко будет отвести его, точно ягненка, на убой. О том, что будет дальше, позаботится бог, ну и, разумеется, он сам. Счастье, что ноги не связаны.

Первая и самая трудная задача — со связанными руками открыть дверцу кабинки. Дальше все проще.

Лейнасар воспользовался тем, что машину трясло на кочках; в тот момент, когда взгляд водителя был обращен на дорогу, он незаметно приблизил к дверце локоть. Еще сядясь, он заметил, что ручка дверцы чуть приподнята. Значит, дверца откроется, если нажать ручку кверху, а не книзу. Это чуть труднее, локоть может легко соскользнуть с ручки раньше, чем дверь откроется. Надо посильнее налечь на дверцу.

Когда машину порезче толкнуло, Лейнасар локтем слегка передвинул ручку снизу вверх. Он хорошо ощущал изогнутую железную ручку. Лейнасар старался из этого положения больше не выходить.

Шофер искоса поглядывал на пленика, но, видимо, ничего не- подозревал. Хотя все к побегу, казалось, было уже готово, Лейнасар решил еще обождать. Было бы хорошо, если бы машина пошла скорее и по сторонам были бы канавы. Тогда шофер не мог бы сразу погнаться за ним. Прошло бы какое-то время, прежде чем машина остановилась бы. Тут, в лесу, где машина двигалась очень медленно, шофер без особого риска

может оставить руль и выпрыгнуть, даже не затормозив. Через шаг машина все равно остановится. Да и надежнее уехать подальше от остальных негодяев.

Наконец машина, подпрыгивая, выехала из лесу на просеку. Это тоже была не блестящая дорога, за войну ее испортили, вся она была в выбоинах, заросших травой. По обочинам когда-то были открыты канавы. Теперь они местами совершенно обвалились. Машина поехала немного быстрее.

Минут через десять — пятнадцать Лейнасар заметил, что они приближаются к низине. Вершины деревьев спускались террасами. Просека круто уходила вниз почти без поворотов. Хоть на миг отпустить тормоза означало полететь кувырком до самого низу. И канавы по обе стороны были почти чисты и довольно глубоки — это их еще весной промыл паводок. Особенно благоприятствовало то, что с обеих сторон дороги, насколько хватало глаз, канавы заросли высокой травой, как это обычно бывает в лиственных лесах. О том, как на спуске менялась почва, можно было судить по большому количеству елей и голых берез. На лучшие условия для побега рассчитывать было нечего. И Лейнасар решился.

Всем телом он ощущал, как медленно и равномерно поднимается ручка дверцы. Выше... Выше... пока не остановилась. Стремительный толчок — и дверца открыта. Одним прыжком он очутился в канаве, в следующий миг выскочил из нее и побежал. Так он еще никогда не бегал. Но еще никогда его судьба — жить ему или умереть — не зависела исключительно от проворности его ног. Словно во сне он слышал за собой повторяющийся крик:

— Стой, буду стрелять! Стой, буду стрелять!..

Шума мотора не слышно. Должно быть, шофер остановил машину и бросился за ним. Может, он не слышит этого только потому, что в ушах стоит шелест ветвей и пожухлых от осенних заморозков листьев. Как неловко бежать, когда нельзя руками сохранять равновесие, и еще труднее со связанными руками встать, когда споткнешься и упадешь. Но истинкт самосохранения превратил тело Лейнасара в сплошную пружину. Пружина действует. Лейнасар бежит... бежит и падает... встает и бежит дальше... Ощущение времени пропало. Существует только расстояние. Только дальше,

далше от преследователя, дальше от смерти. Лейнасар не устает. Тело кажется все более легким, ног он больше не чует, в горле что-то пульсирует, и все более густой туман застилает глаза. Он скорее чувствует, чем видит, справа какую-то чащу. Еще одно усилие — и Лейнасар плашмя валится наземь в небольшом ельнике. Ноги сделали все, что могли. Силы исчерпаны до предела,— будь что будет. Лейнасар прикрывает глаза, слышит собственный хрип и словно засыпает. Осенний день уже кончился, медленно, тяжело опускаются сумерки.

5

От верной смерти Лейнасара спасло то, что Круст со своей бандой страшно спешил. На этот день была назначена и уже начата акция против Яунмуйжи и ее советских активистов.

Яунмуйжа — населенный пункт между Кабилем и Лутринями — уже давно была у бандитов как бельмо на глазу. На выборах в местные Советы здесь избрали депутатами энергичных людей, которые своей самоотверженностью и бесстрашием увлекли за собой очень многих. Таких депутатов, как Бабрис, Залдат и другие, вполне можно было приравнять к воинам, отважно сражающимся в первых рядах. Но в первых рядах обычно и больше всего жертв.

Еще несколько месяцев назад крустовские бандиты во главе с Фрейманисом нагрянули в усадьбу «Криевиниеки» Путринской волости к своему приспешнику Перкону, чтобы хорошо пообедать. За обедом хозяин жаловался, что все так или иначе идет к гибели. Все больше народа кидается в сети коммунистов. Хотя бы тот же Бабрис или яунмуйжский Залдат... Бегут как на пожар, и немало бежит за ними. Если таких убрать не могут, так пускай лучше выходят из лесов и нанимаются к хозяевам в пастухи.

Фрейманис о жалобах Перкона рассказал Крусту. Тот сказал, что яунмуйжские коммунисты давно у него на примете. Придет время — разделается с ними.

Масла в огонь подлил один случай. Фрейманис вызвался сходить в разведку в Яунмуйжу, посмотреть, нет ли в кассе молочного пункта денег. В действительности Фрейманис соскучился по своей знакомой Эльфриде, которая работала и жила на пункте.

— Возьми с собой Упениека,— сказал Круст.

В любовных делах Фрейманису в тот день не повезло. К Эльфриде пришла подружка, и они вместе собирались к знакомым попробовать молодое вино. Вообще Эльфрида к Фрейманису остыла. Наслушавшись надеждливой болтовни подружек, Фрейманис сказал Эльфриде, что хочет поговорить с ней с глазу на глаз. Выйдя с ним в сени, Эльфрида тут же сообщила, что на пункте денег нет, но в сельскую лавку недавно привезли много товару. Должны быть и деньги. По дороге в центр к Фрейманису присоединился Упениек, и оба решили зайти в лавку. Но на пути Фрейманис встретил своего знакомого Дауманта, работника яунмуйжской лавки. Они отошли подальше от дороги и уселись на груде камней.

Оказалось, что Даумант из лавки уволен — открыто обманывал покупателей. Он, может, и вывернулся бы, не вмешайся комсорг Залдат, сын новоиспеченного депутата. И Даумант вылетел из лавки, под суд отдать хотели. Если они каких-то коммунистов стреляют, то самая пора и с Залдатами разделаться, с отцом и сыном. В магазине товары есть, но денег еще маловато. Если чистить, то лучше через неделю.

Узнав об этом, Круст тут же назначил день налета на Яунмуйжу.

После ограбления лавки в Стурмуйже, прежде чем отправиться в Салдус к Бергман, Круст распределил задания и назначил время действия. Сначала надо разделаться с Бабрисом, дом которого стоит на окраине, затем все должны собраться в Силмалском лесу Лутринской волости и с наступлением темноты отправиться в Яунмуйжу.

Появление Лейнасара в Салдусе грозило перепутать все планы, но Круст решил объединить поездку в Силмалский лес с уничтожением агента, подосланного ЧК. В том, что Лейнасар подослан органами безопасности, Круст ничуть не сомневался. Теперь, после того как бандитские главари попались на удочку «иностранных посланца», он был одержим подозрением.

Убрать депутата Бабриса Круст поручил Фрейманису.

Рано утром Фрейманис вместе с Упениеком и немцами Штраусом и Куртом отправились к дому Бабриса. Засев в кустах за хлевом, откуда просматривался весь

двор, бандиты ждали, пока выйдет кто-нибудь, чтобы захватить его и узнать, есть ли в доме чужие, которые могли бы помешать. Задымилась труба, к серому осеннему небу поднялась тонкая струйка дыма. В доме начинался день.

Во двор вышел сам Бабрис с топором в руке. Пошел к поленнице, отобрал несколько поленьев и принялся колоть их. Бандиты подкрались к нему. Когда хозяин вонзил топор в старый кленовый пень, бандиты накинулись на него сзади. С жертвой не так-то легко было справиться. Но на помощь прибежал Штраус, и Бабриса связали.

— В доме чужие есть? — спросил Фрейманис.

Бабрис не отвечал.

— Ничего, сами выясним.

Оба немца и Упениек вошли в дом. Из открытых дверей вырвались вопли, шум борьбы и, наконец, крик маленьких детей. В дверях появился Курт и по-немецки прошипел:

— Все готово!

Старший сын хозяина и жена, связанные, были брошены в соседнюю комнату. Туда же втолкнули двоих малолетних ребят.

У дверей часовым поставили Упениека. Курт вышел во двор охранять окно.

Бабриса ввели в комнату и усадили за большой стол. Напротив него на стул опустился Фрейманис, положил перед собой пистолет и начал допрашивать пленника по-немецки. Видимо, для пущего эффекта. Или он этим хотел ошараширить Бабриса.[^] Смотри, мол, какие мы образованные, по-немецки умеем.

Но это особого впечатления не произвело. Бабрис свободно отвечал по-немецки. Он хорошо сознавал, в какое попал положение. Он каждый день ожидал нападения бандитов. Знал, что они так же ненавидят его, как ненавидят новую жизнь. Он был одним из строителей этой жизни в Курземе, в этом опустошенном войной kraе, где поля изрыты окопами, где каждое второе дерево изранено пулями и осколками и нет дома, в стене которого не застягала бы пуля. Разве удивительно, что по этим окопам и изувеченным лесам шатаются всякие оборотни. И вот один из них сидит перед ним. О себе Бабрис особенно не горевал. На то война. Он боялся за детей, приглушенные рыдания которых доно-

сились из-за двери. Старший сын успокаивал меньших... Останутся ли они в живых? Эти звери и детей не пощадят...

— Где винтовка и автомат? — спросил Фрейманис.

Бабрис показал на угол. Надо же было выйти во двор за дровами без автомата! Ведь сын предупреждал, чтобы без автомата шага не делал. А он в ответ только махал рукой. Может, все равно не помогло бы. Неожиданно напали, да еще сзади.

Фрейманис кивнул, и Штраус забрал оружие.

— Когда чекисты припрутся лес прочесывать?

— Не знаю.

— Врешь! Таким, как ты, заранее сообщают.

— Знал бы, все равно не сказал бы.

— Ты нам не только это расскажешь, господин комиссар! Говорят, что истребителям выдадут новое оружие. Где и когда?

— Не знаю. Наверно, выдадут. Все равно вам скоро конец.

— Но тебе придет конец скорее. Ты не первый и не последний. Всех коммунистов перебьем! Всех! — стукнулся Фрейманис кулаком по столу.

— Не хвались! Сходи к Венте и покидай в нее камней. Чем больше будешь кидать, тем быстрее она будет течь. Выродки!

* — Ты нам проповедей не читай! Тут тебе не митинг! Живьем изжарим!

Штраусу допрос начал надоедать. Услыхав угрозу Фрейманиса, он вмешался:

— Не кажется ли вам, Фрейманис, что надо позавтракать? Яиц со шпеком зажарить. У комиссара в кладовке яйца найдутся.

Фрейманису идея Штрауса понравилась. Он тоже проголодался.

— Ладно, приготовь что-нибудь вкусное. А с коммунистом что делать будем?

— Кокни его, и все. Чего возиться с ним?

— Знаешь, Штраус, его вздернуть надо. Я столько перестрелял их, а еще ни разу не вешал. Надо и здесь руку набить.

— Как знаешь... — Штраус вышел на кухню, не закрыв за собой дверь.

Фрейманис встал, потянулся и огляделся вокруг.

Увидел на крюке новые вожжи, подошел, поднялся на носки и снял их.

Бабрис, вскочив на ноги, с силой швырнул в бандита табуретом. С автоматом наизготовку из смежной комнаты выскочил Упениек и затолкал пленника в угол.

Фрейманис только зло ухмыльнулся. Проковылял к столу и с шумом бросил на него свернутые вожжи. Из кухни донеслось журчание сала на горячей сковородке, и в нос ударила заманчивый запах.

— Теперь мне совершенно ясно, что тебя нужно повесить,— яростно прохрипел Фрейманис, растирая ушибленное колено.

— А ты, кровопийца, оглянись назад! Смерть уже и за твоей спиной стоит!

Фрейманис порывисто обернулся и, сплюнув, крикнул в сторону кухни:

— Штраус, пошевеливайся, а то он никак петли не дождется.

Штраус вбежал с дымящейся сковородкой в руке. Бросил ее на стол и замахал обожженными пальцами. Бандиты раскрыли складные ножи и прямо со сковороды стали поддевать обжаренные в яйцах куски шпека и пихать их в рот.

Бабрис старался не смотреть в их сторону...

Прикончив Бабриса за огородом, бандиты, уходя,олоснули автоматной очередью по окну комнаты, где на полу плакали маленькие дети и тихо всхлипывала жена. Пули впились в потолок. Бандиты торопились, время прошло быстро, а начальник не любит ждать, особенно когда назначено дело.

Убийство Бабриса и поднятая из-за него тревога мало помешала планам бандитов. Силы, охранявшие Яунмуйжу, были слишком незначительны, чтобы прочесать обширную территорию и защитить ее от бандитских налетов. Местные работники милиции и истребители могли только выставить на дорогах посты. Но расположение постов вскоре стало известно бандитам. Посты на дорогах дежурили и ночью. В Яунмуйже остались только четыре вооруженных человека — отец и сын Заддаты, директор школы и начальник отделения связи.

Это тоже стало известно бандитам.

Вооружившись в лесу до зубов, банда Круста в полном составе с наступлением сумерек окольными дорогами ворвалась в Яунмуйжу. Бандитов встретил Даумант и передал им последние сведения. Задачи были распределены заранее.

Упениек и Банкис взломали двери отделения связи и разгромили телефонную станцию. Перепутанный насмерть начальник не оказал никакого сопротивления. Штраус и Фрейманис ворвались в квартиру завмага. Его не оказалось дома. Его жена сразу добровольно отдала ключи от лавки. Остальные бандиты во главе с Крустом отправились на квартиру Залдата. Тут началась перестрелка. Комсорг открыл по бандитам стрельбу из винтовки. Но ему трудно было держаться против автоматного огня, и он отступил в дом. Даумант ранил мать комсорга. Сын бросился к ней, и бандиты, воспользовавшись этим, одолели его.

Депутат Залдат, когда услышал стрельбу, находился в исполнкоме. Он схватил автомат и побежал на выстрелы. На дворе стоял мрак, только из освещенных окон падал слабый свет. После первых выстрелов свет в окнах погас. На дороге депутат наткнулся на бандитов Ранкиса и Упениека. Отстреливаясь, он отступил в отделение связи и засел в одной из комнат.

Банда только справилась с комсоргом, как прибежал Ранкис и сообщил, что депутат Залдат забаррикадировался на почте и сопротивляется.

Большая часть банды окружила отделение связи, завязался жестокий неравный бой. Круст пожалел о том, что у них была всего одна ручная граната, да и ту бросили без толку. Она взорвалась перед дверью, не причинив никакого вреда,— автоматный огонь из почты не ослабевал.

Когда одна пуля Залдата ранила Дауманта в плечо, а другая сорвала шапку с головы самого Круста, бандиты решили, что слишком долго тянуть нельзя. Надо было что-то делать, чтобы скорее расправиться с Залдатом.

Штраус побежал на квартиру Залдата, которую охранял Курт, и пригрозил сейчас же пристрелить мать комсорга, если он не велит отцу сдаться.

От злости и отчаяния юноша побелел. Он расстался бы с жизнью и одобрил бы еще отца, чтобы тот держался до последнего патрона. Но мать? Он взглянул на

мать. Та, сникшая от боли, сидела на стуле, из плеча, сквозь намотанное полотенце, сочилась кровь.

— Звери! Звери! — застонал юноша сквозь зубы.

— У тебя есть только одна возможность спасти мать,— прошипел Штраус.

— Нет! Нет! Нет! Ни за что!

— Считаю до трех.

Штраус поднял пистолет.

— Раз... два... три...

— Нет!

— Так пускай твоя мать проклянет тебя!

— Ладно, идем...

Когда юношу подвели к почте, бандиты перестали стрелять.

— Эй, ты! Послушай, что тебе скажет сын! — воскликнул Круст.

Залдат тоже перестал стрелять:

— Это ты, сын?

— Да, отец, я не боюсь! Я ничуть не боюсь...

— Верю тебе, сын.

— Они хотят застрелить мать, они застрелят мать, если ты не сдашься.

— Как поступил бы ты на моем месте?

— Не знаю... не знаю... Но они застрелят мать.

Наступило томительное молчание. Молчали даже бандиты. Слышино было, как с потолка сыплется отколотая пулями штукатурка.

В дверях появился отец.

Через несколько минут депутат Яунмуйжского Совета трудящихся Залдат и его сын — комсорг погибли от пуль бандитов. Они оказались достойными своей фамилии.

После захвата пятнадцати бандитских вожаков борьба с бандитизмом приняла особенно активный характер. С каждым днем все большее число добровольцев участвовало в операциях, которыми руководили органы госбезопасности.

Еженедельно полковник Калнозол на карте Латвии отмечал новые пункты, где ликвидированы банды.

Некоторым бандитам удавалось уйти от удара. Чем меньше их оставалось, чем сильнее редели их ряды, тем

больше трепетали бандиты перед расплатой. Звери-одиночки сходились в стаи. Борьба с ними была труднее, но зато эффективнее. Очень помогали разоблачение и изоляция бандитских приспешников — кулаков. Бандиты лишились своих экономических баз, забираясь все глубже и глубже в леса. Это тоже ослабляло их.

Одной из последних была разгромлена банда Круста. Сильно потрепанная во многих боях, она наконец объединилась с остатками банды капитана Крауи и других. Образовалась группа человек в тридцать со значительным количеством оружия. Эта банда долго и тщательно искала себе место расположения. Наконец ее руководители окопались в районе усадьбы «Приедайши» Лиелауцской волости. Здесь были и лес, и обширные поля, и хорошие дороги.

В трехстах метрах от усадьбы построили дзот с двумя сорока метровыми подземными ходами. Один ход вел на лесную дорогу, которая соединяет усадьбы «Приедайши» и «Друвини», другой — к поселку между усадьбами «Приедайши» и «Нейя». Это был главный ход, по которому можно было попасть на дорогу, не оставив следов. По этому ходу доставлялось продовольствие. Лошадь бандитам охотно давал хозяин «Приедайшей», хлеб из награбленной муки пекла хозяйка. У дзота было несколько замаскированных бойниц для пулеметов и минометов. Местность вокруг на несколько сот метров была заминирована пехотными и противотанковыми минами, которые взрывались из дзота при помощи электрических батарей.

Вскоре полковник Калнозол получил точные сведения об этом бандитском логове.

В усадьбу «Приедайши» отправился разведчик. Это был товарищ Арниса по университету, хорошо знавший Лиелауцскую волость: тут жили его родственники. Он не раз бывал у хозяйки «Приедайшей», она помогала ему как знакомому своих родственников продуктами и считала его своим человеком.

Усталый, с потертыми ногами, разведчик Явился в «Приедайши». Хозяйка поверила его рассказу, будто после разгрома усадьбы родственников они все поселились недалеко от Добеле, надеясь дождаться лучших времен. Но пока ничего не изменилось, мать послала его посмотреть, что делается в их усадьбе.

— Да, подумай, как господь людей испытывает, не

идут ни англичане, ни другие,— жаловалась хозяйка. — Как долго нам одним против антихриста стоять?

Разведчик остался в «Приедайшах» на несколько дней, подлечить стертыe ноги. Он внимательно следил в окно за дзотом, но ни разу не увидел поблизости ни одного человека. На третий день, когда уже сильно стемнело, в дом пришли трое и долго шептались в соседней комнате с хозяйствкой. Разведчик рассыпал, что речь шла о лошади, муке, хлебе. Двое из них через некоторое время запрягли лошадь и уехали в сторону Блидене. Третий вышел к разведчику и, назвав себя Джонни, завел с ним разговор. К новому знакомому Джонни отнесся с доверием,— видимо* хозяйка хорошо отзывалась о разведчике.

Ночью вернулись оба уехавших — Арвид и Микус. Разведчик знал, что Арвид — главарь банды, но он так и не узнал, кто скрывался под остальными кличками.

Бандиты отдали лошадь хозяину, а сами внесли в комнату муку. Хозяйка сразу же замесила в двух квашнях тесто. На столе появились бутылки с самогоном и закуска.

С разведчиком оба приехавших обращались как со своим. Круст, правда, прежде чем выпить с ним, внимательно оглядел его потертые ноги и задал несколько вопросов, но когда разведчик рассказал, что знал Гейнриха Круста, подробно описал его наружность и несколько пережитых вместе с ним приключений, Круст успокоился и, уходя, даже дал разведчику пистолет:

— Если что, пуляй в воздух, и мы сразу на выручку прибежим.

То, что разведчик сдружился с бандитами, благоприятно повлияло на хозяйку. После этого она стала еще откровеннее. Видимо, ей не с кем было отвести душу.

Когда, наконец, все воспоминания о «Курземском котле» и страшных временах после 8 мая иссыкли, разведчик ловко перевел разговор на оставленный пистолет и быструю помощь, которую бандиты хвастались оказать ему. Тут и хозяйке захотелось похвастать, и она во всех подробностях рассказала все, что знала о дзоте. Оказалось, что она хорошо осведомлена о том, как вооружены бандиты, об их настроениях.

— Только опять уйдут, наверно. Да сам Арвид говорит, что пора сматывать удочки, больно много

людей знает, где они находятся. Но кто же тогда засту-
пится за нас? — жаловалась хозяйка.

Последняя новость сильно взволновала разведчика. Он энергичнее взялся за лечение своих ног и стал подумывать о возвращении. Он уже собирался на другое утро оставить гостеприимную хозяйку, когда вошел Арвид с человеком, которого он называл капитаном Крауей. И на этот раз они говорили с хозяйкой о лошади, им куда-то надо было ехать. Оба уехали, а на другое утро, не успели еще бандиты вернуться, разведчик оставил «Приедайши».

— Не приключилось бы что-нибудь с лошадью. Трехлетка... Берегли ее до сих пор как могли... — сокрушалась хозяйка.

Она опасалась не зря. Круст с капитаном Крауей так и не вернулись. Они были похитрее остальных, вовремя учудили опасность.

Через несколько дней хорошо замаскированный дзот окружили, завязался один из самых крупных боев за время борьбы с бандитами. С обеих сторон былипущены в ход пулеметы, минометы, автоматы и ручные гранаты.

Только через несколько часов бандиты сдались. Ни среди убитых, ни среди живых Круста и капитана Крауи не обнаружили. Захватили трофеи: 30 минометов, 15 станковых пулеметов, более 20 ручных, большие запасы оружия, автоматы, ручные гранаты.

Вечером полковник Калнозол поставил на карте еще один крестик.

— Могу поспорить... — обратился он к капитану Гайгалу, глядя на карту.

— О чем?

— ...что Круста погубит женщина.

— Женщина?

— Его банда на этот раз разгромлена окончательно. Примкнуть к другой банде ему в ближайшее время навряд ли удастся, уж очень мало их уцелело. Круст чересчур избалован, чтоб одному долго скитаться по лесу, хоть и вместе с начальником литовской банды Крауей. А куда он подастся?

— В Салдус, к Лизе?

— Совершенно верно, в Салдус, к Лизе...

Поездка Лейнасара в Салдус имела и свой положительный результат. Санитар Крум, который прятал Лейнасара в санитарной машине, из праздного любопытства заинтересовался таинственным человеком, прибывшим из Риги, и, когда Лейнасара наконец повели на улицу 5 августа, он издали следил за ним и увидел, куда зашел Лейнасар.

Санитар довольно долго хранил эту тайну, но потом как-то пристальнее присмотрелся к тому, что происходит вокруг. Он начал понимать, что многое из того, что делают коммунисты, делается в его же интересах. Однажды он, смущенный, пошел к парторгу. То, о чем они с ним говорили, осталось тайной... Только теперь санитар Крум ходил с высоко поднятой головой. Особенно после того, как он встретился с салдусским уполномоченным Министерства госбезопасности Пуполом.

Вскоре в Салдус прибыл капитан Гайгал. К квартире красотки Лизы стоило приглядеться. Удалось установить личность ходившего к Лизе Круста. Спутник его оставался неразгаданным, но полковник Калнозол не сомневался, что это капитан Крауя.

Полковник не ошибался. Не прошло и двух недель после ликвидации приедайшского логова, как из надежных источников сообщили, что оба приятеля Лизы опять гостят в Салдусе. Лиза уже четыре раза бегала за спиртным.

Донесение пришло в Ригу ровно в полночь. Калнозол распорядился немедленно окружить на улице 5 августа дом 33 и несколько соседних с ним домов, но атаковать их только в том случае, если бандиты попытаются прорваться. Воинские части оцепили район.

Из Риги в Салдус примчалась автомашина с капитаном Гайгалом. В час тридцать операция началась. В воздух выпустили короткую автоматную очередь и прокричали в мегафон, чтобы бандиты сдавались.

В ответ бандиты из окон открыли по оцеплению яростный автоматный огонь. Чуть погодя их поддержали из соседнего дома несколько автоматов и пулемет.

Бой затягивался. Бандиты ранили одного из солдат, и тогда капитан Гайгал разрешил забросать дом гранатами. Через несколько минут перестрелка заглохла. Из горящего дома, швыряя гранаты, выскочили двое муж-

чин. Одного пуля подкосила на^{*} нижней ступеньке крыльца, другого подстрелили шагах в ста от дома. Прекратили сопротивление и в соседних домах.

На крыльце лежал Круст. Ненамного дальше успел убежать капитан Края.

Лизу Бергман вынесли из горящего дома мертвой. Она была застрелена в упор. Последней жертвой бандита была его любовница.

Девятая глава

ФРЕДИС Л ИД ЛК НАШЕЛСЯ

1

Сад на улице Безделигу неприветливо пуст. Фрукты давно собраны. Листья опали, и дом, словно причудливой решеткой, охвачен голыми ветвями. По стволам деревьев непрерывно ползут вниз капли. Гонимые западным ветром, почти задевая трубу дома, проносятся тучи. Неприятна в Прибалтике поздняя осень.

Лейнасар вот уже несколько дней не покидал своей комнаты. По утрам смотрел в окно, предварительно вытирая рукавом грязное, запотевшее стекло. Серое с мчащимися облаками небо напоминало море. А море будило в Лейнасаре тревогу.

Лейнасар не мог забыть того, что произошло в лесу.

Его хотели прикончить! Его! Уполномоченного доцента Зандберга, доктора Гофа, Троцика! И кто? Выродки-бандиты! Недоразумение? Как можно было допустить такое недоразумение? Он им еще покажет! С лица земли сотрет!

Приступы гнева сменялись апатией...

Кому он покажет? Кого сотрет с лица земли? Ведь они свои! И он, Ансис Лейнасар, работает на них, точно как они, сознательно или несознательно, работают на него — на иностранные силы. Мерзко и глупо! Убивают ведь враги, а не друзья. Значит, они его враги. Но какие же они враги? Если ему еще доведется когда-нибудь встретиться с этими дикарями, то он не посмеет даже голоса поднять, не то что стукнуть кого-нибудь из них. А он грозится их прикончить. Он еще будет сидеть с ними рядом, за одним столом, на каком-нибудь рауте,— после того, конечно, как вся эта канитель будет

позади. Противно!.. Но ему и не такие обиды приходилось проглатывать.

Лейнасар вспомнил, как после страшного бега пришел в себя. Блуждал по лесу всю ночь. Только на рассвете он по шуму машин и повозок догадался, что доплелся до шоссе. Недалеко от дороги он в кустах отыскал телефонный столб с подпоркой, перетянутой проволокой. Он долго тер о проволоку веревку, которой были связаны его руки, пока наконец не перерезал ее. Затем остановил попутную машину и, продрогший, измученный, доехал на ней до Риги. Всю дорогу он провалалялся на дне кузова, чтобы его не заметил какой-нибудь бандитский пост.

Но все же он должен как-то отомстить. Старуха Гоба не узнала его, когда он притащился домой. Только всмотревшись как следует, она всплеснула руками и зачитала :

— Ах, господи, в каком аду вы побывали?

Если не в самом аду, то очень близко от него, совсем близко... Этого Лейнасар не забудет.

Навигация скоро кончится, а связи нет... лодки нет... он сам замерзнет тут, деньги растают... все полетит ко всем чертям...

Дважды Лейнасар сам пытался вызвать Готланд: раз — из Кемери, а другой раз — из Адажей, из квартир завербованных. Но делал он это чересчур робко и, может быть, поэтому безуспешно.

Положение мог спасти только Фредис Лидак.

Фредис уже три раза обещал прийти к Пакалну, но все не являлся. Лейнасар ругал Пакална. Пакалн — Янку, которому было поручено связаться с Фредисом. Янка — Фредиса. Но так ни к чему и не пришли.

— Узнай же в конце концов, почему он не идет. Может, он давно с коммунистами спутался, и мы не рады будем, что связались с ним? — допытывался Лейнасар у младшего Пакална.

— Да нет... Просто очень его машину гоняют, какой-то новый завод строят.

— Новый завод? Тогда Фредиса тем более найти надо. Да понимаете ли вы, рожли, что настало крайнее время связаться с Готландом и договориться о лодке?!

— Ди, да, зима в этом году ранняя,— соглашался Пакалн,— Фредиса надо притащить сюда во что бы то ни стало!

Наконец Фредис явился. Когда Лейнасар вошел к Пакалну, в комнате сидел коренастый сероглазый юноша с совершенно круглым лицом и короткими, зачесанными назад волосами.

Лейнасару сразу показалось, да и казалось потом, что глаза парня постоянно как-то лукаво ухмыляются, хотя круглое лицо его все время остается серьезным. Как Лейнасар ни напрягал память, он не мог припомнить, чтоб встречался где-нибудь с этим человеком... На «Телефункене» работала уйма народу, и далеко не со всеми ему приходилось иметь дело.

— Какой же завод вы собираетесь строить? — спросил Лейнасар, познакомившись с Лидаком.

— Завод сверхточных инструментов.
— Как идут работы?
— Хорошо идут.
— Когда завод пустят?
— К новому году, наверно.
— Вы довольны своей работой?
— Работать можно.
— Все время на колесах?
— Как положено шоферу.
— Но ведь вы радиост?
— Я и шофер второго класса.
— Что мешает вам работать по специальности?
— Сразу работенки не нашел, начал на грузовике ездить, ну и остался.

— Прошлое тоже под ногами путается?
— Как это понимать?
— Так, как я сказал. Коммунисты ничего не забывают, «Телефункен» и так далее...

Пакалн прервал их диалог короткой репликой:
— Нечего так долго трясти его, он подготовлен. Они с Янкой обо всем договорились.

Лейнасар как бы успокоился, но инстинктом все же догадывался, что парень этот посложнее всех остальных завербованных. Но очень нужна была радиосвязь, и Лейнасар предпочел отказаться от навязчивых подозрений. Ему не понравилось, что в разговорах Фредиса не улавливалось ни малейшей неприязни к советской власти. Фредиса соблазняли лишь приключения и возможность еще разок покачаться на морских волнах.

В первый вечер ни о чем конкретно так и не договорились. Лейнасар назначил Фредису еще одно свидание там же на улице Кантора. Он не мог сразу прийти к решению. Наконец он сказал себе: придет Фредис — все в порядке, нет — от явки на улице Кантора надо раз и навсегда отказаться.

Когда Фредис ушел, Пакалн заворчал:

— Чего дурачишься? Сказал тебе, что Фредис настоящий латыш, значит, это так, и нечего зря комедию ломать.

Фредис пришел, и Лейнасар обо всем подробно договорился с ним. После очередной попытки связаться со Швецией из Адажей рация осталась в конторе подсобного хозяйства детсада. Фредис как раз ехал в Саулкрасты, так что он мог по дороге захватить ее. Узнав, каких размеров рация, Фредис предложил поместить ее на грузовике, в ящике для инструментов. Пока у Фредиса на машине сменщика не было, и он ездил на ней один. Лейнасар с предложением Фредиса согласился.

В тот же вечер Лейнасар составил первую шифрованную радиограмму, которую Фредис должен был передать в случае, если удастся установить связь.

«Были большие трудности со связью. Теперь устроены. Следить внимательно в установленное время. Все задания выполнены. Срочно сообщите, когда вышлют лодку».

Пакалн позабочился о том, чтобы Фредису в подсобном хозяйстве детсада беспрепятственно выдали рацию.

На четвертый день Фредис принес на улицу Кантора зашифрованный ответ.

Связь установлена! Молодец Фредис!

— Так я же говорил, миллион знаков в секунду передает! — хвалился Пакалн.

Было бы правильней раскодировать радиограмму без свидетелей и уже потом проинформировать остальных о ее содержании. Но Лейнасар не стерпел. Он быстро расшифровал радиограмму, и, когда ее содержание дошло до сознания Лейнасара, у него свело челюсти и он процелил сквозь зубы короткий текст: «Кто такой Рич?»

— И это все?

— Все.

— Что это означает? — не унимался Пакалн.

Фредис был спокоен, словно все это его не касалось.

— Это значит, что не доверяют, хотят проверить. Но время не ждет.

— Какого черта им еще проверять? Передавали твоим шифром? — чуть ли не кричал Пакалн.

Лейнасар думал. Мимолетная слабость была преодолена. Подчиненные не должны видеть ни его ярости, ни растерянности. А то он может потерпеть поражение совсем с другой стороны.

Да, ничего не поделаешь. Все это справедливо и законно. Если так долго не было регулярной связи, то нужна проверка — закон конспирации. За это время всякое может произойти. Код мог попасть в руки ЧК. Они, думаешь, радиовать не умеют?

Лейнасар составил ответ: «Позвони по телефону 62-77-86». Но и этого было еще мало. В следующей телеграмме спрашивали: «Каракулевая шуба цела?»

Лейнасар вначале не понял, о чём речь. Затем вспомнил. Герцог Екаб, прося, чтобы на обратном пути на Готланд перевезли его жену, наказывал не забыть ее каракулевую шубу.

Лейнасар составил ответ и на этот вопрос: «Каракулевая шуба цела, твои интересы обеспечены. Но где лодка? Положение начинает становиться безвыходным. Если лодки не будет, продадим Альвинину шубу и организуем транспорт сами. Рич».

Через несколько дней пришел ответ, стало ясно, что лед недоверия сломан. Взволнованный Герцог радиировал: «Рич, сжался, не продавай шубы, Альвина в пути замерзнет. Лодку ремонтируют. Когда вам лучше всего ехать? Каковы условия на берегу? Какие попутчики, сколько их?»

2

То ли Фредису просто повезло, то ли очень помогало постоянное движение, но регулярная связь была налажена. Он передавал то из Цесиса, то из-под Ливаны, то с Кангарских гор. Частая смена пунктов и далекие расстояния между ними должны были предохранить от пеленгации. Так, по крайней мере, думал Лейнасар.

И все-таки каждый обмен телеграммами требовал несколько дней. А дело шло к зиме.

Сразу же после Октябрьских праздников установилась ясная погода и начало подмерзать. За несколько дней температура упала до девяти градусов мороза. Лейнасар отправил людей наблюдать за побережьем в районе Приежусила и регулярно доносить о состоянии льда в Рижском заливе.

На Готланд он доложил: «Девять градусов мороза. Ветер юго-восточный. Торопитесь с ремонтом лодки. Что нас ждет на Готланде?»

Последовал озорной ответ: «Тебя поместят в лагерь. Страшно боюсь за твои волосы. Ирена хочет знать: все ли исполнено так, как договаривались? Что с Карнитисом?»

За это время в жизни Лейнасара произошли кое-какие перемены, настроившие и его на легкомысленный лад, и он отвечал в таком же тоне: «Екаб, скжалься над волосами. Карнитис ликвидирован. Ирена может быть спокойна. Все сделано, как договорились. О'кэй! Рич».

Как раз в тот день, когда был завербован Фредис, Лейнасару случилось идти по улице Тербатас, мимо Видземского рынка. Рынки его всегда привлекали. На другой стороне улицы, против ворот рынка, остановилась грузовая машина. Рядом с шофером сидела молодая девица. Она проворно выскочила из кабины и побежала на рынок. Ее ловкий прыжок, пружинистый шаг в больших лыжных ботинках привлекли внимание Лейнасара. Остановившись рядом с машиной, он следил за девицей. На миг она исчезла в толпе, но вскоре вернулась, бойко подбежала к машине, достала из кабины рабочую куртку и надела ее поверх добротного осеннего пальто. Затем что-то крикнула шоферу. Тот неторопливо забрался в кузов и так же неторопливо поставил на край кузова мешок с картофелем килограммов на семьдесят. И тут произошло самое удивительное. Девица вскинула руки и легко, без всякого труда, взвалила мешок себе на спину и таким же пружинистым шагом унесла его на рынок. Когда она потянулась за мешком, пальто ее поднялось, и Лейнасар с удовольствием увидел сильные, красивые ноги. Слегка смущенный, он наблюдал, как мешок, покачиваясь, исчез в рыночной складке.

Лейнасар не успел опомниться от первого впечатления, как девушка снова появилась, и следующий мешок точно так же поплыл на рынок.

После третьего мешка Лейнасар не выдержал и, подбежав к девушке, предложил помочь.

— Это просто бесчеловечно — молодой девушке так мучить себя. Можно, я вам помогу?

— Мучаешься только тогда, когда комары кусают. Но если вам так хочется, то пожалуйста,— как раз еще два мешка осталось. Только не вздумайте стащить — я из вас котлету сделаю.

Лейнасар отнес мешок туда, где торговали картошкой, и поставил на скамью. Девица бросила ему короткое «спасибо» и, уже не замечая его больше, занялась покупателями. Она повесила себе через плечо дамскую сумочку на шнурке, куда исчезал один рубль за другим.

— Ну и чертовка! — сказал Лейнасар и, уходя, еще раз оглянулся.

В этот день Лейнасар еще дважды заглядывал на рынок. В первый раз он только издалека посмотрел на торговку картофелем, в другой раз подошел и поинтересовался, как дела.

В ответ она сверкнула злым взглядом, но, узнав его, сказала:

— Ах, это вы? Как видите, последний мешок...

— Когда кончите, может, зайдем в буфет? Там есть пиво, водка, бутерброды.

— Спасибо, я пиво не пью, пообедаю дома,— отрезала девица и повернулась к нему спиной.

Пять дней подряд Лейнасар заглядывал на рынок. Он уже потерял надежду еще раз встретить торговку картофелем, как вдруг снова увидел ее. На этот раз она стояла в павильоне за каменным столом в белом халате с большим ножом в руке. Белый халат плотно облегал высокую грудь. На столе лежал изрядный кусок шпика. Она отрезала небольшие ломти и ловко бросала их на латунную чашу весов. Некоторые покупатели возмущались лихой ценой. Торговка отвечала всегда одной и той же фразой:

— Вас никто не заставляет, хотите — покупайте, не хотите — не надо.

Лейнасар решил немного полюбоваться ею и уйти. Но получилось иначе. Незаметно для себя он подошел

вплотную к столу и наконец остался один, с глазу на глаз с торговкой.

- Сколько же шпик стоит?
- Семьдесят рублей килограмм. Ах, это вы! Шестьдесят пять. Хочу поскорей домой попасть.
- Не копченый ведь?
- Как видите!
- Соленый?
- Нет! Засахаренный!
- Круто засолен?
- Как надо!
- В льняном семени хранили?
- Так только бедняки хранят.
- Вы хозяева? Тugo теперь хозяевам приходится.
- Не ваше дело! Не покупаете, так ступайте. А то мешаете тем, кто купить хочет.
- И я хочу купить.
- Сколько вам?
- Как вы думаете, сколько надо, чтоб несколько яиц зажарить?
- Три килограмма.
- Полкило дайте.

Она ловко завернула шпик в несколько листков, тут же выдранных из какой-то книги. Теперь ничего другого не оставалось, как уйти. Но Лейнасар, словно первоклассник, сказал:

- А я не знаю, как вас зовут.
- И он получил заслуженный ответ:
- Кто зовет, тот знает.

Вечером, вернувшись на Безделигу, он все больше упрекал себя. Какого черта он собирается заводить какие-то шашни! Да еще теперь, когда Фредис наладил связь, когда начаты переговоры о возвращении в Швецию? Дурень!

Но как ни бранил он себя, а нестерпел и несколько раз заглянул на рынок, но ту, которую искал, не нашел. Лейнасар оставил Фредису для передачи телеграмму:
♦ Еще раз категорически требую выслать лодку. Маяки работают. Продолжает дуть юго-восточный ветер». Прошла неделя. Ответа не было. Лейнасар приказал по возможности, каждый день повторять текст этой телеграммы, только с небольшим дополнением: «Есть важные военные и политические сведения. Пускай Ирена готовит деньги». Последней фразой он скорее хотел

дать понять, что настоятельные просьбы о лодке не крик отчаяния, а необходимое деловое требование, что он не унывает и даже не прочь пошутить.

Именно на этой неделе произошли три важных события, заметно повлиявших на дальнейшую судьбу Лейнасара.

3

Поздно ночью Фредис Лидак возвращался на своей машине из Плявиняс в Ригу с грузом гашеной извести. Ночь была ясной и звездной. Мороз, казалось, становился сильней. Фредис ехал сравнительно медленно. Все равно он окончательно выбился из графика, ибо погрузку надо было произвести с утра, а ее закончили только в темноте. Дорога скользкая. Завтра все равно выходной. Приедет он домой часом раньше или позже,— какое это имеет значение?

Дорога была совершенна свободной. Ни одной встречной машины, ни одна не обогнала его.

Внимание Фредиса привлек красный сигнальный огонек на краю шоссе на повороте между Огре и Икшкile. Приблизившись, он различил силуэт легковой машины. Капот у нее был поднят. Шофер головой уткнулся в мотор. Рядом прогуливались два человека.

Миновав машину, Фредис свернул к обочине дороги и затормозил.

— В чем беда? — спросил он.

Из-под капота показалась голова водителя.

— А-а! Грузовичок... У бензонасоса, понимаешь, диафрагма полетела, сменить надо, есть запасная, но как сменишь, когда не добраться?!

— Без перекура тут не обойтись.

— А курево есть? Мое в машине осталось...

Шофер дрожащими от напряжения, совершенно черными пальцами взял из пачки Фредиса «Мокку»* и закурил от его спички.

Оба его пассажира (один был в военной форме с погонами полковника) прогуливались по шоссе и терпеливо ждали, пока шофер заменит диафрагму.

Звездное небо, невнятныеочные шумы, тихий лай одинокой собаки где-то за лесом, приятельский фронтовой тон шофера легковой машины и монотонный разго-

вор полковника и его спутника странно повлияли на Фредиса. Он курил уже третью папиросу и все думал. Он уже не раз возвращался к трудной и сложной мысли, но никак не мог прийти к какому-либо решению. Странная ночь на шоссе помогла ему решиться.

Полковника этого Фредис однажды видел. Это было на торжественном заседании в опере, посвященном годовщине Октябрьской революции. Парторг завода дал ему и диспетчеру Саулитису пригласительные билеты. Саулитис тогда обратил его внимание на этого полковника. Бывают люди и случаи, которые при известных обстоятельствах надолго врезаются в память.

— Видишь седого полковника в президиуме, в третьем ряду?

— Вижу.

— Наш парторг хорошо знаком с ним. Разва два к нам на завод приводил.

— Полковник как полковник.

— Вовсе нет. Чекист. Парторг говорит, что он каждую неделю новую фуражку покупает.

— Почему?

— Бандиты простреливают.

— А разве есть еще бандиты?

— Есть.

— А как они так долго держатся?

— Дураки поддерживают, — сказал Саулитис.

Этот разговор и замечание о дурачках иногда вспоминались Фредису. И не давали покоя... Этой ночью тоже...

Фредис решился.

Когда щолковник со своим спутником приблизились к нему, он пошел к ним навстречу и несмелъ сказал:

— Товарищ полковник, мне надо с вами поговорить.

— Со мной?

— Да, с вами. Вы ведь из органов безопасности?

— Так точно...

— Так вот...

— Погодите, погодите, как вас зовут? — И полковник Калнозол всмотрелся в него.

— Я — Фредис...

— Мунутку... — Полковник подошел к машине Фредиса и взглянул на освещенный номер. — Пойди сюда, Павил! — крикнул он своему спутнику. — Ведь это та самая, о которой мы сегодня утром говорили?

- Та самая,— подтвердил Гайгал.
— Погодите, погодите, я знаю, как вас зовут. Так вы, значит, хотите поговорить со мной?
— Да.
— Когда?
— Все равно, чем скорее, тем лучше.
— В таком случае, я вам скажу, что не только знаю, как вас зовут, но и знаю, о чем вы поговорить хотите.
— Возможно ли это?
— Вы — Альфред Лидак.
— Да, но все зовут меня Фредисом.
— А то, о чем вы хотите мне сказать, скажете завтра. Похоже, что разговор будет длинным. Приходите завтра в десять часов, то есть сегодня утром, и спросите полковника Калнозола или же капитана Гайгала.
— Странно...
— Ничего странного. Только одно все-таки скажите сейчас.
— Что же?
— Где?
— Как — где?
— Вмонтирована или нет?
— Ах, вы об этом?
— Да, об этом самом. Можете показать?
— Могу...
Фредис подошел к инструментальному ящику, достал из кармана ключ и открыл его:
— Здесь.
Калнозол осветил ящик карманным фонариком.
— Какой системы?
— Фирменной марки нет. Надо думать, американская.
— Павил, возьми.
Капитан Гайгал взял радио Лейнасара и унес в легковую машину. Шофер уже успел сменить у бензонасоса диафрагму.
— Товарищ капитан, можем ехать,— доложил Гайгал.
— Ладно, поехали. Спокойной ночи, Альфред Лидак! Значит, договорились. Ждем вас утром, часам к десяти.
Чекисты сели в машину и уехали в сторону Риги.
Фредис погасил огни и усился на подножку машины. Он испытывал двойное чувство: с сердца будто

камень свалился, но в то же время его грызли сомнения.

Только выкурив последнюю папиросу, он сел за руль и тоже быстро поехал в Ригу.

Утром, незадолго до десяти, в кабинете полковника Калнозола раздался телефонный звонок. Полковник, выслушав кого-то, сказал:

— Выпишите ему пропуск, и пускай кто-нибудь его проводит, чтоб не плутал по коридорам.

Калнозол повернулся к капитану Гайгалу с победной улыбкой:

— Ну, что я говорил?

— А я все же считаю, что мы поступили неправильно. Если при нем была рация, то надо было его задержать. Откуда мы знаем, что он натворил, приехав в Ригу? Теперь Рич, может быть, уже за горами.

— А я думаю, что мы поступили правильно. Ты забываешь, что он сам хотел поговорить с нами.

— Думаешь, он уже созрел для признания?

— Да. Человека, нарушившего закон, всегда можно арестовать, но всегда ли это будет правильно? Я ничуть не сомневаюсь, что Рич никуда не денется, а Лидак нам еще пригодится. При условии, конечно, если он разумно поведет себя.

— Был бы разумным, не связался бы с преступниками и сам преступником не стал бы.

— Конь на четырех ногах и то спотыкается, а человек на двух... Важно, чтоб человек сумел вовремя найти правильный путь.

— А Фредис сумеет?

— Думаю, что да. Ведь он сам захотел поговорить с нами.

— Не слишком ли ты веришь людям...

— Людям надо верить.

— Но если вера в человека необдуманна?

— Тогда это не вера, а небрежность, особенно недопустимая в нашей работе.

— На чем ты основываешь свое доверие к Фредису Лидаку?

— Я немного ознакомился с его биографией.

— Авантуррист?

— Немножко есть, но было бы неверно утверждать,

что в нем начисто отсутствует здоровое чутье, характерное для семьи Лидаков, особенно для отца, старого фабричного рабочего.

Разговор оборвался. В кабинет вошел Лидак, на лице его лежала тень усталости, но в глазах была решимость. В руке он держал небольшую сумку.

— Похоже, что вы совсем не спали,— промолвил Калнозол, внимательно глядываясь в Фредиса.

— Да, не пришло.

— Машина испортилась в дороге?

— Нет. Готовился.

— К чему?

— Есть такая книга — «Преступление и наказание».

— Хорошая книга...

— Я не об этом. Просто думаю, что после первого следует второе.

— В принципе это так. Особенно по библии, но что касается общественных норм, то бывают и исключения, особенно когда есть смягчающие вину обстоятельства.

— Не знаю, найдутся ли у меня такие...

— Посмотрим. Тот факт, что вы явились сами, говорит в вашу пользу.

Фредис молчал. Полковник опять заговорил.

— Меня интересуют, главным образом, два момента. Во-первых, что побудило вас к преступной деятельности и, во-вторых, что заставило вас прекратить ее.

Фредис с минуту размышлял.

— На первый вопрос мне довольно трудно ответить,— я, в сущности, сам не понимаю, что меня побудило к этому. Люди, уговорившие меня, так убедительно считали меня своим, что мне и в голову не пришло отказать им. К тому же я сразу не осознал, на что иду. Мне это показалось увлекательным приключением и просто хотелось увидеть, что из этого получится.

— Ничего себе приключение... — проворчал Гайгал.

— На второй вопрос мне легче ответить. Как только я наладил связь с заграницей, стал принимать и передавать шифрованные радиограммы, я понял, с кем связался. У меня нет никакого основания быть врагом советской власти. Наоборот. Я с интересом работаю на стройке. Я, как это ни странно, стал врагом самому себе... Когда я понял это, то задумался над тем,, как выйти из нелепого положения. И не мог ничего другого

придумать, как прийти сюда. И вот вчера на дороге мне представился такой случай.

Калнозол с Гайгалом переглянулись. У полковника в уголках губ мелькнула едва уловимая усмешка.

— А вы давно пришли к такому выводу? — спросил Гайгал.

— Неделю тому назад.

— И, несмотря на это, вы еще вчера связались с Готландом?

— Да-

— Почему?

— Видите... я думал... мне не хотелось, чтобы люди, чье задание я выполнял, хватились, что я больше не с ними...

— Почему?

— Я решил, что это может испортить вам дело.

Чекисты снова переглянулись. Калнозол опять едва заметно усмехнулся, взглянул на часы и встал.

— Товарищ Лидак, вы правы и поступили правильно. Вы избавили себя от беды и можете сделать для общества доброе и полезное дело — можете помочь обезвредить преступников. К сожалению, не могу продолжить этот интересный разговор. Поговорите обо всем с капитаном Гайгалом.

— Можно и мне задать один вопрос?

— Пожалуйста.

— Много говорят о том, что ЧК все знает... Я бы этому не поверил, если бы не вчерашнее происшествие на дороге. В самом ли деле вы все знаете?

Калнозол и Гайгал повеселились. Но вскоре полковник опять стал серьезным:

— Нам надо было все знать. Но, к сожалению, мы знаем не все. Хорошо, что нам и народ помогает. Если вам угодны примеры, то в данном случае пример — вы сами.

— Но откуда вы все-таки знали, что рация в моей машине?

— Ну, это не так сложно. О существовании вашей радиции мы знаем давно. Все ее передачи мы перехватывали и... расшифровывали. Поскольку вы радиорвали из разных, удаленных друг от друга пунктов, то было ясно, что радиция кочует с места на место. Вначале перемещение было не очень интенсивным. Из этого мы сделали вывод, что в последнее время радицию поставили

на какой-нибудь транспорт, скорее всего на автомашину. Ну, а частных автомашин у нас пока нет...

— Говорят, что скоро будут,— вставил Гайгал.

— Но пока нет. Поэтому нам только оставалось проверить выданные организациями путевки и выяснить маршруты. Так мы напали на путевки вашей машины, маршруты которой приблизительно совпадали с местами, откуда велись передачи. Как видите, нечего сверхъестественного.

— Да... но все же...

— Другой вопрос — каких это потребовало странний.

Капитан Гайгал и Фредис Лидак беседовали долго. Они вместе разработали план дальнейших действий.

Когда капитан подписывал пропуск, взгляд его насткнулся на сумку Фредиса.

— Можете прямо отсюда отправиться в баню.

— Почему в баню?

— Ну, у вас в сумке ведь белье?

— Да... верно... но откуда вы это знаете?

— ЧК все знает.

На этот раз Фредис посмеялся вместе с капитаном.

5

Лейнасар на улице Кантора больше не показывался. Тексты телеграмм приносил и получал юноша, который после назойливых расспросов Пакална сказал, что он студент Академии художеств Крусткалн и выполняет задание. Но чье именно, он не знает.

Это неприятно удивило Фредиса. Неужели Лейнасар разнюхал, в чем дело? Или что-нибудь произошло?

И на самом деле что-то произошло.

За несколько дней до случая на шоссе с Фредисом Лидаком Лейнасар на улице Кантора получил записку от юрисконсульта Коммунального банка Кайминя. Тот срочно хотел поговорить с ним. К Кайминю Лейнасар относился подозрительно. Ведь из-за Кайминя он чуть не погиб. Да, из-за Кайминя. Но тщательно проанализировав факты, Лейнасар был вынужден признать, что Кайминь в конце концов ни в чем не виноват. Лейнасар и сам только потом узнал, как одурачили бандитских главарей. Однако неприязнь к Кайминю осталась. Но не пойти на свидание было нельзя.

Они встретились в буфете на улице Таллинас, недалеко от улицы Красотаю. Буфет был битком набит. Пробравшись в угол, к стойке у стены, они потягивали пиво из отбитых стеклянных кружек. Тут им никто не мешал говорить о своих делах.

— Чрезвычайно важное открытие,— сказал Кайминь, держа тремя затянутыми в перчатку пальцами кружку и смотря на гору пены, за которую он уплатил как за пиво.

— Я слушаю.

— Студенты.

— Какие?

— Университетские, Академии художеств, консерватории.

— Волнения?

— Нет! То есть почти.

— Говорите понятнее.

— Среди студенческой молодежи появились недовольные советской властью. Составлен обширный меморандум Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Требуют восстановления старой Латвии... ну, настоящей...

— И что?

— Вы должны доставить меморандум за море.

— Почему именно я? С таким же успехом можете сделать это и вы,— польстил Кайминю Лейнасар, хоть сразу же сообразил, какой он может взять улов.

— Вы лучше знаете все ходы и выходы, скорее добьетесь результата.

— Ладно. Это можно сделать. В каком состоянии меморандум?

— Собирают подписи.

— Много собрано?

— Точно не знаю, сотня наберется.

— Что?! С какой-то сотней подписей хотите в ООН сунуться?[^]

— Есть трудности. Нужна моральная поддержка.

— Какая?

— Вам надо было бы встретиться с инициативной группой молодежи. Рассказать о загранице, объяснить значение меморандума и так далее. А то сама зачинщица этого дела начинает нос вешать.

— Женщина?

— Студентка филологического факультета.

— Как ее зовут?
— Велта Рейман.
— Вы ее знаете?
— Знаю.
— Надежная?

— Дочка крупного хозяина. Видел их хозяйство, осмотрел все до последней мелочи. Если бы не это трудное время, я, может, уже хозяйствничал бы там, любовался бы из окна спальни озером.

— Махнули рукой или еще надеетесь?
— При теперешней ситуации усадьбу все равно им не оставят. Какой смысл брать жену?

— Разумный взгляд,— усмехнулся Лейнасар.

Он был доволен. Этот балбес из Коммунального банка, как его называл Пакалин, сам того не подозревал, какой козырь сунул в руки Лейнасару. Лучше и не придумать — отвезти хозяевам меморандум Ассамблее, ООН, подписанный учащейся молодежью и представителями видной интеллигенции. Такая акция и в самом деле может принести и деньги, и славу. Только ни в коем случае не следует этого показывать Кайминю, а то еще невесть что возомнит о себе. Но все это надо обделать как можно скорее. Подписи надо собрать буквально за несколько дней. Если иначе нельзя будет, то на каждые десять фальшивых подписей можно заполучить одну настоящую, хорошо известной личности.

Кайминь понимал, что угодил шефу, и счастливо улыбался.

— Когда вы меня отведете к Рейман?
— Она ждет вас завтра вечером в половине девятого.
— Где?
— У себя на квартире, на улице Матиса. Я вам все подробно объясню, так что недоразумений опасаться нечего.

6

Лейнасар сильно обносился, как говорится, дошел до ручки. В таком виде показываться учащейся интеллигенции нельзя. Хотя каждый понимает, что ради конспирации человек идет на все. Без промтоварных талонов в магазине ничего не купишь. Достать что-нибудь можно только через знакомых или в комиссионных магазинах. С самого утра он погнал старуху Гоба по

комиссионным магазинам и знакомым портным. Она раздобыла костюм, пальто, туфли, белье, верхнюю сорочку, но все это стоило таких бешеных денег, что он от ужаса присел на кровать. И так деньги таяли и таяли. Сколько Гоба отдала за эти вещи на самом деле и сколько прикармнила, Лейнасар так и не узнал.

Ровно в половине девятого Лейнасар позвонил в дверь два раза длинно и два коротко. Тишина. Он трижды повторил сигнал, но никто не открыл ему. И вдруг внизу на лестнице раздались тяжелые шаркающие шаги. Кто-то поднимался наверх.

По тяжелому прерывистому дыханию ясно было, что человек идет с тяжелой ношней. Лейнасар поднялся выше и прислушался. Шаги замолкли перед дверью, у которой он только что звонил. Человек продолжал учащенно дышать. Щелкнул замок. Что-то тяжело стукнулось о косяк. Лейнасар спустился на несколько ступенек. Дверь захлопнулась.

Лейнасар прислушался еще раз, стремительно спустился к двери и повторил условленный звонок. Дверь широко распахнулась. На пороге стояла молодая женщина в брезентовой куртке, голова ее была укутана в большой шерстяной платок.

— Товарищ Кайминь тут живет?

— Входите! — сказала женщина и, отступив в сторону, пропустила Лейнасара в прихожую.

Дверь на лестницу захлопнулась, и в прихожей стало почти темно.

— Проходите.

Лейнасар очутился в чистой, солнечной комнате. Женщина вошла за ним. Они повернулись друг к другу.

— Вы! — вырвалось у обоих.

Это была девица с рынка, та самая, которая ворочала мешками с картофелем и бойко торговала шпиком.

Справившись с изумлением, девушка спросила:

— Не напутал ли чего Кайминь?

— Если вы Велта, то нет.

— Мир в самом деле тесен. Снять пальто я вам не предлагаю, в комнате собачий холод. Никак не могла выбраться пораньше и затопить.

— Опять на рынке?

— Университет, рынок... и вообще... Пойду в другую комнату, переоденусь, а вы тем временем растопите печь. Вот там дрова.

У печки стоял тяжелый мешок. Его-то, видимо, только что принесла Велта.

Она исчезла в смежной комнате, прикрыв за собой дверь. Мешок с трудом можно было сдвинуть с места.

«Боевая девка», — подумал Лейнасар и принялся запихивать поленья в печь.

Когда пламя в печи загудело, Лейнасар вышел в прихожую и оставил там свое пальто. Он грелся у печки и рассматривал комнату. Паркетный пол, добродушная мебель: небольшой письменный стол, нарядная, не по комнате широкая тахта, полка с книгами, рояль, несколько картин и всюду пустые вазы. А рядом другая комната... Неплохая квартирка для студентки... И никто не контролирует, не остается ли тут кто-нибудь на ночь...

Осмотрев комнату, Лейнасар повернулся к печи, открыл дверцу и, грея руки, уставился на пламя.

Ну, чем не идиллия... В печи уютно потрескивает пламя — это вполне заменяет камин. Рядом переодевается молодая женщина. Заманчивая тахта...

Но Лейнасар тут же горько усмехнулся. Идиллия!.. Он еще покажет им идиллию!.. Он пришел сюда не жить, а губить то, что еще живет!

И вдруг в памяти всплыла прощальная вечеринка у Джонни Валдманиса в Швеции... Он — волк и не ради идиллии пришел из-за моря. Такую идиллию он может иметь в Стокгольме с любой девчонкой!

Лейнасар пинком захлопнул решетчатую дверку печи и отвернулся от пламени.

— Чем не угодила вам моя печка? — раздался у него за спиной женский голос.

Лейнасар обернулся. Посреди комнаты стояла молодая женщина, совсем не похожая на ту, которую он знал: кудрявые волосы, расширенные от удивления глаза, слегка подкрашенные губы, темно-синее платье с белым воротничком, как у гимназистки, прозрачные блестящие чулки и туфли на низком пробковом каблуке, с большой бронзовой пряжкой.

Лейнасар в изумлении спросил:

— Черт подери! Когда вы притворялись, раньше или теперь?

— Вам пора бы знать, что у каждой женщины, по крайней мере, тысяча обличий. Без этого нам не победить.

— Кого же вы собираетесь побеждать?

— Мужчин хотя бы.

— Эти победы на время придется оставить. Мы должны помочь подготовить удар, который повернул бы жизнь на верную колею.

— Да... удар... страшный удар! — Ноздри возбужденно затрепетали, красные губы приоткрылись, обнажив крепко стиснутые белые зубы.

Все ее существо пылало ненавистью, которая поразила даже Лейнасара. Все, кого он завербовал, тоже были полны ненависти, но ненависть их, точно ржавчины, разъедалась флегмой, анархистским цинизмом. А эта женщина ненавидела слепо и яростно, всеми фибрами души.

— Откуда у вас такая ненависть?

— Откуда? — Женщина с мгнуто помедлила, затем строптиво вскинула голову, взмахнув кудрями, как взбесившаяся кобыла гривой. Она порывисто дернула на платье застежку «молнию», и перед глазами Лейнасара сверкнул шелк. — Вы видите, я молода! Но я всесильна! Я владею ста сорока гектарами земли на великолепном берегу озера! Это мое королевство, я там принцесса! Захочу — так заставлю пятерых батраков и четырех батрачек туфли мне чистить. А захочу — так почищу сама. Захочу — буду ходить в брезенте и мешковине, а захочу — разоденусь в шелка, парчу, бриллианты. Я все могу, потому что всесильна! Захочу — каждое утро в молоке купаться буду, а захочу — так в самый лютый мороз буду голая ледяной водой из проруби обливаться.

Она опустила поднятые вверх руки, голова склонилась на грудь.

— Неправда это... — опять заговорила она. — Я все это могла когда-то... а теперь... Как мне жить, если перед моими глазами всегда стоит прошлое?..

Велта, всхлипывая, рухнула на диван. Лейнасар повернулся к ней спиной и опять уставился на пламя в печке. Надо подождать, пока пройдет истерику, и тогда поговорить о деле.

Истерика прошла довольно быстро. Велта застегнула «молнию».

— Не притворяйтесь молчальником, а лучше скажите, как и чем вы можете мне помочь.

— А может быть, наоборот. Чем вы можете помочь мне?

^ — Разве это не одно и то же? Прежде всего я хочу знать, кто вас посыпает. Из болтовни Кайминя я ничего не поняла.

Лейнасар ответил не сразу:

— Есть такой город Стокгольм...

— Швеция? Шведы очень пассивны...

— Не надо забывать, что в каждом свободном государстве живут разные люди из разных стран и выполняют разные задачи.

— И вы имеете отношение к этим задачам?

— Возможно.

— Такой ответ меня не устраивает. Да или нет?

— Да.

— И что вы тут делаете? Вербуете недовольных и выкинутых за борт?

— И это.

— Так считайте, что вы меня завербовали. Может быть, Кайминь вам уже рассказал о моей идее подготовить меморандум Генеральной Ассамблеи ООН о восстановлении в Латвии прежнего положения?

— Рассказывал.

— Поможете довести дело до конца?

— Помогу. Текст меморандума написан?

— Да, но мы еще должны вместе его отредактировать. Сейчас принесу.

— Как обстоит дело с подписями?

— Плохо.

Они долго возились с меморандумом. Она пододвигнула к печке столик, и они вместе редактировали текст. Затем они разработали план, как регулярно собирать учащуюся молодежь, информировать, убеждать и запугивать ее. Потом собрать подписи, вовлечь молодежь в группу.

Когда все, казалось, было распределено и обговорено, Велта открыла в книжной полке потайной шкафчик, достала выпитую наполовину бутылку коньяка и две рюмки. Поставив все это на маленький столик, она наполнила рюмки. Потом швырнула на пол перед печкой маленький коврик и опустилась на него на одно колено. Взяв со стола рюмки, она одну подала Лейнасару:

— Выпьем за успех нашего дела.

Лейнасар смотрел на уже дотлевавшие в печи угли.

— Только я настаиваю на одном. Все это нужно сделать как можно быстрее.

— Почему?

— Во-первых, потому что Генеральная Ассамблея уже началась и, во-вторых, потому что мы должны попасть в Швецию еще до конца навигации. А она может в любой день прекратиться.

— В Швецию? И я тоже?

Лейнасар оторвал взгляд от дотлевших в печке углей и увидел перед собой неприкрытое колено. Одной рукой он взял рюмку, другую положил Велте на колено..

— Да, и ты.

Лейнасар выпил свою рюмку. Рюмка Велты упала на пол и разбилась.

В ту ночь Лейнасар на улицу Безделигу не вернулся.

Д е с я т а я г л а в а ОГНИ МАЯКОВ УГАСАЮТ

1

Почти никто не мог похвастать тем, что он провел больше одной ночи в уютной квартирке на улице Матиса. Увлечения Велты обычно носили мимолетный характер и развивались исключительно по ее воле.

На этот раз случилось по-другому. Лейнасар надолго задержался на квартире Рейман.

Наутро Велта вынудила Лейнасара рассказать ей все. Когда Лейнасар, рассказывая о себе, пытался утаять что-нибудь, она каким-то инстинктом сразу догадывалась об этом. Она узнала даже о Бригите.

— Ладно, что было, то было, постараюсь к прошлому не ревновать. Но если у тебя что случится, пока мы вместе, то ты проклянешь тот час, когда на свет явился.

Навалившись на него грудью, она пристально заглянула ему в глаза.

— Понял?

— Понял.

Шаг за шагом Велта Рейман вытянула из Лейнасара все его похождения за последнее время. Лейнасар сам не понимал почему, но сопротивляться этой женщине он был не в состоянии, нечто более сильное, чем железная логика, заставляло доверяться ей.

Вскоре Велте надоело быть лишь пассивной участницей в делах Лейнасара, она стала все активнее вмешиваться в них.

Она считала, что квартира на улице Кантора перегружена, к тому же Пакалн чересчур заметная фигура и внимания чекистов ему не миновать. Лейнасару на улицу Кантора пока лучше не показываться. А за квартирой Пакална надо тщательно следить. Она сама подыщет подходящего для этого человека, через него можно будет поддерживать связь.

— Какую связь?

— Ну, с Фредисом и со всеми, кому надо что-то передать. Или с теми, от кого надо получать сведения.

— А как с улицей Безделигу? Не отсутствую ли я там слишком долго?

— Когда тебе тут надоест или у нас возникнут какие-нибудь подозрения, тогда переберешься туда. А может, тебе там вообще приятнее, чем здесь?

— Там холодно и скучно...

— А здесь?

— Здесь тепло, приятно и мягко...

— Что значит — мягко?

— Я имею в виду тахту.

— Ладно, тут хоть тахта. Но все же нужна лучшая конспирация. Особенно теперь, когда до отъезда осталось считанные дни.

— Да, самое время сматывать удочки. Пускай твой связной также узнает о положении льда в заливе.

— Не мой, а твой связной.

Связным стал студент Академии художеств Крусткалн. Из-за нового порядка, заведенного Велтой Рейман, пришлось понервничать и Фредису Лидаку, когда он после разговора на улице Стабу явился к Пакалнам на свидание с Лейнасаром.

Возникли подозрения, не обнаружил ли Лейнасар «смену курса».

Но никаких оснований для этого не было.

— Посмотрим, может быть, тут что-нибудь другое, — успокаивал Фредис Гайгал. — Но вы, разумеется, должны быть начеку.

Чтобы выяснить настоящее имя Рича, была необходима его фотография. Лидак лишь знал, что тот работал при немцах на «Телефункене», и все.

Но из-за того, что Лейнасар на улицу Кантора

больше не ходил, с фотографированием на несколько дней задержались.

Дважды Крусткалн исчезал из виду, прыгая на ходу в трамвай. После долгих стараний Димзе наконец удалось сфотографировать Лейнасара, когда тот по поручению Велты пошел на рынок за молоком.

Теперь было нетрудно выяснить настоящее имя Рича и узнать его биографию. По первой перехваченной радиограмме можно было легко догадаться, что Лейнасар высадился в родном поселке Приежусилс. Намерены ли он оттуда же и уехать? Видимо. Но это покажет дальнейший ход событий.

Тем временем Велта организовала у себя на квартире несколько «политических сеансов». Специально вовлеченных студентов Велта свела с «Радиотелеграфистом парохода дальнего плавания», который знает много такого, чего в Латвии покамест еще никто не знает. Лейнасар делал что мог, чтобы угодить своей новой подруге и реализовать затею с меморандумом Генеральной Ассамблеи ООН.

Студенты приходили на сеансы охотно. Велта привлекала только таких, которые, как она знала, не были в восторге от советской власти. Причина у всех была одна и та же: их старики раньше жили на широкую ногу, а теперь насилиу перебиваются.

И все же подписи под меморандумом собирались не в таком темпе и количестве, как этого хотелось бы Велте Рейман и Ансису Лейнасару. Никто не соглашался обходить других со списком. Это еще можно было понять. Но и у самих участников сеансов очень вяло поднимались руки, когда от них требовали подписи. Чтоб ободрить их, Лейнасар после каждой подписи, повсюкому изощряясь, ставил десять — пятнадцать вымышленных фамилий. Но и это мало помогало. Если Велта чересчур настойчиво размахивала перед чьим-нибудь носом авторучкой, то тот обычно отговаривался: «Чего ты разошлась? Такое дело надо как следует обмозговать».

Закружились первые снежинки. Подсвеченные только что зажженными уличными фонарями, они казались стаей беспечно пляшущих бабочек.

Эта игра света, видимо, привлекала капитана Гайгала. Он встал и подошел к окну.

Полковник Калнозол продолжал начатый разговор:

— Как ты считаешь, не пора ли прекратить сеансы Рейман? Нечего ей смущать молодежь.

Гайгал, ничего не ответив, продолжал внимательно смотреть в окно.

— Но так мы можем испугать Лейнасара. Министр поддерживает мою мысль, что Рича пока трогать не следует. Пускай на клубок намотается все, до последней нити. Тогда мы всех сразу... Как ты считаешь? Ты что, никогда в жизни первого снега не видал? Ведь это каждый год повторяется.

Капитан Гайгал обернулся:

— Извини. Я не расслышал, что ты сказал.

— Вот надо подумать, не прекратить ли сеансы Рейман, чтоб зря не баламутила молодежь?..

— Ты думаешь? Подойди-ка сюда, посмотри.

— Ну, знаешь, это уж слишком! Я тут важным делом занимаюсь, а ты снежинки созерцаешь. Не совестно ли тебе?

— Поди сюда!

— Не пойду. Хватит баловаться, продолжим наш разговор!

— Но все же подойди, посмотри.

Калнозол неохотно встал. Не хотелось спорить, не хотелось портить хорошего настроения...

— Видишь?

— Извозчика? Пережиток прошлого.

— Нет, молодого человека перед дверью аптеки?

— Вижу. Может быть, он тоже вышел полюбоваться снежинками, пока ему в аптеке лекарство готовят. Решил последовать твоему примеру.

— Ему уже второй вечер лекарство готовят.

— Бывает и так.

— Я бы с тобой согласился, если бы парень этот не был из тех.

— Ты его знаешь?

— Знаю.

— А я думал, ты снежинками любуешься... Жаль...

— Но это новый связной Лейнасара.

Полковник снял трубку.

— Старший лейтенант Димза? Напротив, у аптеки, стоит какой-то юноша, не может от наших окон глаз

оторвать. Спуститесь вниз. Может, ему помочь нужно. А нет, так не навязывайтесь.

Димза вошел в аптеку и попросил таблеток от головной боли. Возвращаясь, он невзначай заговорил с юношой. Через несколько минут они уже вместе пересекли улицу.

— Этот гражданин хочет поговорить с вами, товарищ полковник,— сказал Димза, вводя юношу в кабинет.

— Если не ошибаюсь, студент Академии художеств Крусткалин? — заметил капитан Гайгал.

— Так точно,— смущенно подтвердил юноша.

— Что вы хотели нам сказать? — спросил полковник.

— Знаете, я все-таки хочу быть художником...

— Правильное решение! — Полковник понимающе переглянулся с Гайгалом.

3

Вдруг события начали развиваться со скоростью лавины. О характере событий лучше всего можно было судить по радиограммам, которые принимал и передавал Фредис Лидак. Все они тщательно проверялись капитаном Гайгалом.

13 декабря Лейнасару радиовали с Готланда: «Рации быть на приеме ежедневно в 12; продолжительность сеанса 10 минут».

18 декабря последовало: «Сегодня выходим на место старта. Тут лед. Вызываем буксир. Если не случится ничего непредвиденного, стартуем в четверг. Все идет через пень-колоду».

В ответ Лейнасар сообщил последний ориентир: «Маяк работает. Находится к северу».

Долгожданный час настал. Начались лихорадочные приготовления. Все могло давным-давно быть готово к отъезду. Но оказалось, что никто из банды по-настоящему не верил в реальность отъезда, хоть все только и жили надеждой на него. Теперь никто не знал, куда раньше бежать и за что раньше хвататься.

Больше всего хлопот было у самого Рича. Надо достать машину, вызвать жен Герцога и Себриса. Каждому часами втолковывай, что придет за ними не большой корабль, а лодка. Ехать надо почти совсем налегке. Фредис оставался в Латвии, чтобы по-преж-

нему поддерживать связь и встречать тех, кого будут засыпать впередь.

Лейнасару много помогала Велта. Без нее, наверно, не удалось бы свести концы с концами. Нелегко было Велте с Милдой Риекстинь.

— С чьей дачи вы передавали? С моей! Кто вас от ареста спас? Я! А квартиру на улице Безделигу кто нашел? Я! Так чего же вам еще? Должны за это мне самое необходимое перевезти? А то с чем же я там новую жизнь начну?

Велта србственоручно расшвыряла пять больших узлов и четыре чемодана Риекстиней. Из всей этой огромной кучи она оставила вещей только на Две небольшие сумки. Лейнасар сам к Риекстиням не ходил, боялся, что за их квартирой следят, хотя Риекстинь еще несколько недель назад прислал сказать, что «воздух чист».

За свое вмешательство Велте пришлось выслушать немало:

— Кто вы такая вообще? Я раньше вас могла Лейнасара к рукам прибрать! Поэтому лучше не разорятьтесь! Все равно Лейнасару жаловаться буду!

19 декабря Крусткалн принес радиограмму: «Все о'кай, если не возникнут помехи, ждите 23 декабря от 20 до 02 часов. Герцог».

Лейнасар долго стоял посреди комнаты:

— Значит, наконец-то!

Когда он поднял глаза, Велта сидела за письменным столом и заклеивала какой-то конверт.

— Хочешь оставить отцу письмо?

— Нет, хочу это дать тебе с собой, отвезешь в Стокгольм. Это наш меморандум. Он, правда, куда жиже получился, чем мы надеялись,— многие подписи ведь фиктивные. Но, может, он все-таки пригодится.

— А почему ты сама не повезешь меморандум? Это произвело бы большее впечатление и тебе выгодно было бы. За такие вещи хорошо платят. А с меня и фотоматериалов хватит.

Велта уставилась в окно и довольно долгоостояла так, затем, не оборачиваясь, тихо сказала:

— Я не еду

— Что случилось? — Лейнасар шагнул к ней, но остановился.

— Ничего не случилось, я просто передумала. Кем я там буду?

— Я думал, что ты будешь вместе со мной.

— Даже если так. Но кем я буду в чужой стране, в чужом городе? Ничтожной пылинкой на чужой дороге. Теперь я недовольна жизнью в Латвии только потому, что стала такой ничтожной. Так не все ли равно, где я буду ничтожной — тут или там?

— Но ведь мы вернемся, вернемся победителями!"

— Дай бог... Я буду ждать тебя...

— И ты так легко и просто расстаешься со мною?

— Не легко и не просто. Не тяжелы мне мешки с картошкой, выдержу и это.

Лейнасар вспыхнул:

— Ладно. Делай как хочешь. — Он резко повернулся и вышел в коридор. Там быстро надел пальто и выбежал на лестницу, резко захлопнув за собой дверь. Но на лестнице он опомнился. Вернулся. Велта все еще стояла у окна и смотрела на улицу.

— Что-нибудь забыл?

— Забыл проститься.

Он подошел, обнял ее за плечи. Губы Велты были холодны.

Лейнасар тихо вышел из комнаты.

4

Когда-то Буллис слыл в Приижусилсе одним из первых богатеев. У него был самый большой и самый новый дом. Сын готовился в адвокаты. Когда выучится и женится, будет у него куда летом на дачу выезжать.

Сын Буллиса учился долго, очень долго. Ученье пожирало уйму денег, но так и ушел в легион недодучкой. Там, под Волховом, и остался. Мать не перенесла потери сына. После войны служанка поступила на рыбозавод. Буллис остался в доме совсем один, как крыса в пустой церкви, и окончательно опустился. Он занимал только одну комнату. Остальные две использовал как клеть и погреб. Теперь в большой комнате была насыпана картошка. Окно заколочено и законопачено паклей, чтобы не продувало.

— Настанут лучшие времена, возьму молодую жену, — поговаривал он. В надежде стать его избранницей та или иная женщина изредка заботилась о хозяйстве Буллиса.

23 декабря с наступлением темноты поднялась метель. Это было неприятно, но все же к лучшему. В такую погоду никто без нужды из дома не выходит. Машина Фредиса, никем не замеченная, подъехала к хлеву, и вскоре ее так занесло снегом, что даже вблизи нельзя было разглядеть. Тихо, без шума, вся компания ввалилась в комнату, где было тепло и сравнительно светло. Но оставаться здесь было нельзя. Запыхавшись от волнения и одышки, Буллис поторопливал приезжих:

— Только не тут, только не тут, кто-нибудь может нагрянуть. Прошу дальше, прошу дальше.

В комнате, заваленной картофелем, было не так уютно. Тут было прохладно и сумрачно, только маленькая лампочка горела под самым потолком. Ступать по круглым клубням не очень-то приятно, а сидеть на картофеле — тем более.

Пристанище это организовал Кайминь. «Дикие деньги», запрошенные за это Буллисом, выложил, конечно, Лейнасар.

Разговоры не клеились. Разместились кто куда, и каждый думал о своем. Лица у всех были красные, исхлестанные снежной пургой.

Супруги Себриса и Герцога, кутаясь в деревенские платки, уселись и потихоньку молились. Это ободрило Вилде. Инженер, осторожно переступая, выбрался на середину комнаты, под самую лампочку, опустился на ГРУДУ картофеля и, не снимая перчаток, достал из-за пазухи Евангелие — маленькую черную книжицу с красным обрезом — и стал читать его, время от времени пошевеливая губами. Пакалн растянулся на полу и курил одну сигарету за другой.

Умнее и ловче всех устроился Риекстинь. Он сунулся в теплую хозяйственную комнату и показал Буллису бутылку водки.

— Одному можно и тут посидеть. Если что, скажу, что родственник из Риги на рождество приехал.

— А жене нельзя?

— Разве у родственника не может быть жены? Пускай присаживается.

Так и Милда попала в теплую и светлую комнату. Буллис разрешил и начальнику перейти на теплую половину, но Лейнасар отказался. Зачем зря судьбу испытывать? А если вдруг пожалует кто-нибудь, знаю-

ший его в лицо? Даже старому Лейнасару было наказано никому о нем не говорить.

Поэтому Лейнасар сидел вместе с остальными на картошке. В нетопленой печи завывал ветер, бросая в дымоход снежные вихри. Люди вздрагивали, обе крестьянки охали. Никто из них не знал, что в такую непогоду творится в море. И никто поэтому об этом не думал.

В половине седьмого Лейнасар взял карманный фонарик и, приказав Риекстиню следовать за ним, отправился на берег.

— Почему именно я? — Риекстинь неохотно поднялся из-за стола, оставив жене кусок копченой свинины и тарелку с солеными огурцами.

Лейнасар даже не счел нужным ему ответить.

О том, что в эту выюжную ночь их мог кто-нибудь опознать, беспокоиться было нечего. В дюнах стало легче. Ветер поднялся выше и тяжело ворочал вершины сосен. На дюнах, на самом высоком бугре, Лейнасар знал это с детства, была глубокая яма. Теперь они очистили ее от снега, и получилось вполне подходящее укрытие. Из него хорошо просматривалось море. Оно хрюпело, как загнанный зверь.

Около полутора часов наблюдатели еще как-то терпели стужу. Первым не выдержал Риекстинь. Слезились глаза, зуб на зуб не попадал. Риекстинь ругался сначала яростно, потом все тише и тише и под конец только мычал. В восемь часов Лейнасар погнал Риекстиня за сменой. Приказал привести младшего Пакална и Кайминя. Смена приплелась без Риекстиня: тот как прилип к печке, так его уже не оторвать было. Один дожрал всю оставшуюся водку.

— Ничего, и для нас найдется,— с трудом выдавил из себя Лейнасар. — Велта позаботилась.

Капитан Гайгал сидел в жарко натопленной квартире уполномоченного милиции и слушал его рассказ об охоте на волков. Около одиннадцати из Риги позвонил Калнозол:

— Как гости?

— Ждут.

— Наверно, ничего не дождутся. Звонил с мыса Колки майор Лебедев, ничего ни вблизи, ни вдали не видать. А ты что делаешь?

- Осваиваю теорию охоты на волков.
- Интересно?
- Очень.
- Если до трех ничего не будет и из Риги других распоряжений не поступит, то оставь на месте нескольких ребят, а сам вался сюда. Есть несколько новых дел.
- Хорошо. Будет исполнено.

Ничего не дождавшись, в два часа ночи в теплую комнату Буллиса вернулись Кайминь и младший Пакалн. Теперь тут было битком набито. Все сидели полукругом у печки, плечом к плечу. После десяти, когда стало ясно, что никто из чужих не придет, Буллис запер дверь, погасил свет и позволил всем перебраться в тепло.

Стук Кайминя в окно всех разбудил; его и младшего Пакална засыпали вопросами, на которые они ничего не могли ответить.

- Хоть выспимся,— проворчал Пакалн.

Но выснуться им не пришлось. В пять часов кто-то опять постучал в окно. Это был Фредис, который, завернувшись в брезент, неплохо спал в кабине своей машины. Так как ночью его никто не будил, он понял, что лодка не пришла. Теперь он явился сообщить, что дальше тут оставаться не может. В восемь машина должна быть в гараже. Как быть с передачей?

Лейнасар поручил немедленно связаться с Готландом.

- Будет ли кто-нибудь в такое время?
- Возможно, что Герцог дежурит, хотя бы ради жены.

Лейнасар не ошибся. Связались сразу.

♦ Лодка не вышла в море из-за льда. Ищем более сильную помощь. Ждите 5 января. Герцог».

— Счастливого рождества,— проворчал Пакалн, забираясь вместе с остальными в машину, чтоб вернуться в Ригу.

Велта, открыв Лейнасару, ничуть не удивилась:

- Только ноги вытря в коридоре. Я уже убралась к празднику.

маяк. Пускай приготовят все необходимое для установки «левого» маяка. Он, Кайминь, останется на месте и встретит остальных.

5 января 1947 года Фредис принял радиограмму Герцога: «Лодка вышла. Обязательно ждите сегодня вечером. Пароль: «Рич идет первым».

И опять они ждали у Буллиса на картошке. Теперь погода стояла ясная. Вода у берега покрылась тонким льдом. Но положение за какой-нибудь час могло измениться. Ртуть в термометре падала.

На этот раз почти все верили, что лодка придет. Ведь она вышла! И они уже не так ощущали усталость и холод. Кайминь, правда, добился у Буллиса, чтобы тот вытопил печку и во второй комнате.

Но лодки так и не дождались.

Установленный «левый» маяк работал безотказно. К аккумулятору подключили лампочку со специальным устройством, которая ежеминутно вспыхивала и гасла. Свет падал только в одном направлении — в сторону моря. С остальных сторон лампочка была тщательно замаскирована.

Нет, маяк тут ни при чем! Все ломали головы: что случилось? В чем беда?

Волнение еще усилилось, когда на другой день приняли тревожную радиограмму Герцога: «Что случилось? Лодку вчера встретили?»

Значит, лодка из Готланда выслана! Куда же она девалась?

Лейнасар велел радиовать: «Ждали вчера. Не дождались. Будем ждать сегодня вечером. У нас все о'кэй».

Так повторялось четыре вечера подряд. Волнение и нервность все росли. На четвертый день произошел перелом: всех охватило полное уныние. Один Лейнасар отчаянно пытался понять, куда девалась лодка.

На Готланд и обратно летели радиограммы с одним и тем же вопросом: «Куда девалась лодка?»

Прибрежные воды покрылись толстым льдом. Вряд ли лодка подойдет к берегу. Пришло бы как-то пробираться к открытой воде. Но что-нибудь придумали бы. Пришла бы только лодка!

В затруднительное положение попал и Фредис. На другой день он должен быть с машиной в гараже. Но так оставить дело тоже нельзя было. Вмешался полков-

ник Калнозол. Фредису разрешили оставаться в Приежусилсе столько, сколько потребуется. В гараже официально была зарегистрирована авария с ремонтом на месте.

Только на пятый день появилась какая-то ясность. Фредис подал Лейнасару радиограмму: «Лодка задержана в шведских водах. Печать развернула широкую кампанию. Нам следует ограничить радиосвязь. Попытаемся в течение недели организовать другой транспорт. Сможете ли в случае неудачи выбраться собственными силами, хоть на рыбачьей лодке? Какова у вас обстановка?»

Ожидавших объял ужас. Никому и в голову не приходило, что могут грозить какие-либо опасности или неприятности и в этой стороны. Растерялся и не знал что делать даже Лейнасар.

— Не обман ли это? — бормотал он.

Лейнасар ответил Герцогу только на последний вопрос — об обстановке: «Маяк погашен. Пользуемся своим. У берега пятикилометровая ледяная полоса, которую пока еще можно пробить носом лодки. Но мороз усиливается. Мы на грани отчаяния. Неужели придется капитулировать?»

6

Лейнасар несколько раз нажал кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры раздавалась пронзительная трель. Но никто дверь не открывал. Обождал. Позвонил снова. Никто не ответил и на этот раз. Что делать? У него не было никакой охоты тащиться в такую рань через весь город на улицу Безделигу. Усталость от пережитого за последние дни сковала тело. Он попробовал нажать ручку двери. Дверь почему-то оказалась открытой. Что такое? Ловушка? Может, лучше удирать?.. Но в ногах тяжесть, а в сердце апатия... Если это ловушка, так все равно не удерет.

Лейнасар распахнул дверь настежь и прислушался. Опять тишина. Ободренный тишиной, он прикрыл дверь и пошел дальше. Заглянул в комнату. В утренних сумерках она казалась пустой. Но в комнате не было пусто. На хорошо натертом паркетном полу маячили четыре больших мешка с картофелем, два ящика, несколько узлов и завернутый в льняную тряпичку копче-

ный окорок. Все это как-то не вязалось с зеркально гладким паркетом. В комнате стоял собачий холод.

А что это за груда тряпья на тахте? Несколько одеял, два больших шерстяных платка, шуба и другая одежда.

Лейнасар слегка сдвинул край этой груды. Под ней лежала в овчинном полушибке Велта, голова ее была укутана ввязанный шерстяной платок, вся она раскраснелась. Так и в снежном сугробе спать можно. Лейнасар опять укрыл спящую. Только теперь он заметил, что рядом с тахтой на полу валяются и знакомые лыжные ботинки.

Велте было тепло, а у Лейнасара по спине пробегал озnob. Он вышел на кухню, нашел там дрова и с целой охапкой вернулся в комнату. В печи заплясало пламя. Он затопил и плиту на кухне, поставил воду для кофе.

Кухня согрелась быстро. Лейнасар снял пальто, кинул его на спинку стула и наклонился к огню. Окружавшую его тишину, казалось, можно было пощупать. Он будто сидел в бассейне. Кругом вода, и высоко над ним тоже вода. Только тяжесть окружавшей воды не давила его. Это была тишина. Велту укутывал ворох тряпок, а его — тишина... Что случилось там, в Швеции? Что?

Лейнасар, растерянный, сидел на кухне и смотрел, как сосновое полено превращается в пепел. Ему начинало казаться, что в пепел превращается и он сам.

В комнате пронзительно зазвенел будильник. Лейнасар пошел в комнату. Часы звонили долго, но под ворохом одеял и одежды Велта будильника не услышала. Лейнасар отбросил несколько одеял и прикоснулся к голове Велты. Она пришла в себя, и вмиг все гора тряпья разлетелась в разные стороны. Велта очутилась посреди комнаты, сразу сунула ноги в большие лыжные ботинки, подошла к зеркалу и принялась расчесывать волосы.

— Ты даже не представляешь себе, что со мной было,— затрещала она, словно они только накануне ненадолго расстались. — Я ездила домой за продуктами, знаешь, деньги понадобились, отцу налоги платить... Вчера выехала обратно, на рассвете мы должны были быть в Риге, но приключилась беда, а за ней другая. Сперва мы застряли в снегу, с трудом выбрались, потом испортился* мотор. Всю ночь промучились.

Только под утро я приехала в Ригу, усталая как собака. Даже печку не смогла затопить.

— И у нас...

— Ты сам кофе свари и что-нибудь поесть найди, я тороплюсь на рынок. — Велта склонилась над ящиками с продуктами и принялась перекладывать их в две большие корзины.

— Лодка не пришла,— сказал Лейнасар.

— Может быть, еще придет?

— Во всяком случае, не так скоро, навигация кончилась, маяки погашены... Там, в Швеции, какие-то неприятности.

— Придет весною.

— До весны далеко. Деньги все вышли.

— Ну, будешь не первым мужчиной, которого женщина содержит,— бросила Велта и умчалась с корзинами. Только пол заскрипел под ее тяжелыми ботинками.

Весь день Велта носилась с квартиры на рынок с полными корзинами и с рынка на квартиру — с пустыми.

Лейнасар позавтракал, немного прибрал комнату и попробовал читать. Каждый раз, когда Велта прибегала за новым товаром, Лейнасар откладывал книгу и наблюдал за ней: недавно она была изящной, обольстительной, а теперь — торговка в овчинном полушубке... Прямо не верится, что это одна и та же женщина. Как объяснить это превращение? Неужели все зависит от платья?..

Не придумав другого выхода, Лейнасар решил рискнуть и сходить на улицу Кантора. После обеда туда должен был прийти и Фредис. Может быть, ему удалось установить связь? Что произошло в Швеции и что теперь произойдет здесь?

Одннадцатая глава

ЛЕЙНАСАР ОПЯТЬ ВОРОШИТ ПРОШЛОЕ

1

Начало зимы 1947 года оказалось тяжелым для Анисса Лейнасара и его компании. Долгое время Фредис совершенно зря посыпал в эфир свои сигналы. Готланд молчал.

Лишь во второй половине января оттуда пришел малоутешительный ответ: «В связи с найденным на нашей лодке грузом начался судебный процесс. Надо действовать очень осторожно. За нами следят. Лодки охраняются. Проклятые газеты натравили на нас половину Швеции. Следующий сеанс только через неделю. Постарайтесь выдержать».

° Прочитав радиограмму, Лейнасар сплюнул:

— Перетрусили, проклятые, боятся лишиться чашки кофе! А нам как быть?..

В радиограмме, полученной через неделю, тоже не было ничего хорошего. «Все возможное будет организовано в течение года. Приговора еще нет. Как у вас обстоит с навигацией?»

В течение года? Рехнулись они там, в Швеции? За это время мы непременно в трубу вылетим! Как долго можно сидеть на вулкане с такой миной, словно сидишь на скамейке стокгольмского парка и лижешь мороженое? Как долго?

На Готланд снова полетела радиограмма: «Условия навигации хорошие. Мы по-прежнему в опасности. Информируйте о положении. Ирена тоже попалась? Можем ли еще надеяться? Отвечайте, наконец, прямо, а не вокруг да около».

На этот раз ответили быстрее: «Ирена непосредственно не замещана, но вам теперь помочь не может. Организуем помочь при поддержке других. Есть надежды, но окончательного ответа пока дать не можем. Вооружайтесь терпением».

Еще через некоторое время с Готланда радиовали: «Совершена провокация. Однако процесса бояться нечего, хотя предвидеть последствия пока трудно. Попытаемся возобновить старые связи. Будьте осторожны».

Затем последовали чуть более обнадеживающие сведения: «Есть надежда, что помочь при поддержке иных лиц сможем организовать во второй половине февраля, но тогда надо будет перевезти двадцать бывших немецких офицеров. Они скрываются в Латвии».

То, что передавал Герцог, никак не удовлетворяло Лейнасара. Так и десять лет болтать можно. И Лейнасар велел радиовать: «Пускай говорит Ирена!»

Ирена не заставила себя долго ждать, но легче от этого не стало: «Не надо становиться бабой.

О немедленной помощи и думать нечего. Из-за льда

навигация до весны невозможна. Обещают помочь при первой возможности, но только при одном условии. Вы должны регулярно, до самой весны, собирать и передавать важные сведения. Можно передавать и уже собранный материал, а то до весны устареет. Все зависит от тебя. Давай военную, политическую и экономическую информацию. 16 февраля организуем в Швеции и США демонстрации. Инсценируй отклики и поддержку. Ирена».

Лейнасар понял, в какую переделку он попал на всю зиму. Теперь его будут выжимать как лимон и кормить обещаниями. Но не произойдет ли весной что-нибудь такое, от чего все их надежды полетят к чертям?

А где взять нужные сведения? У всей компании могильное настроение.

Радиодуэль не прекращалась всю зиму. Из Швеции требовали и понуждали: давайте, давайте и еще раз давайте. Лейнасар отделялся материалом, который можно было собрать без особого риска. Иногда споры становились крайне резкими. Из центра приказывали: «Кончайте ненужную болтовню. Давайте интересные сведения. Не забывайте, что висите на волоске».

Вдруг пришло совсем конкретное задание: дать подробные сведения о депутатах Верховного Совета и его Президиума. Точно такие сведения требовались о Совете Министров и всех помощниках министров.

Это взбесило Лейнасара. Пускай внимательно слушают 'латвийское радио и легко соберут все эти сведения, особенно Мадонскую радиостанцию, которую хорошо слышно в Швеции.

И он велел Фредису передать: «Екаб, если твоих идиотов интересуют биографии и титулы, пускай следят за Мадонской радиостанцией. Мне грозит голод, и я такими общеизвестными вещами заниматься не собираюсь».

Герцог, видимо, испугался обострения отношений, ибо в тот же сеанс пришел ответ: «Рич, Рич, побойся бога, не навлекай на свою голову проклятий и молний».

В Министерстве госбезопасности дальнейшей судьбе Лейнасара и его банды было посвящено несколько заседаний. Некоторые сотрудники предлагали дело закончить и в одну ночь арестовать Лейнасара вместе со всей шайкой. Мотивировали это тем, что банда себя уже

исчерпала, уже ничего нового все равно не раскроет, а надзор за нею требует большой энергии.

Полковник Калнозол был против немедленной ликвидации банды. Радиосвязь, которая регулярно и тщательно контролируется капитаном Гайгалом, все же может дать что-нибудь новое и важное. Надзор за бандой, правда, требует больших трудов, но они могут окупиться. Важно дождаться весенней навигации. Пригодился бы «язык», который хорошо знал бы положение в эмигрантских кругах. Сам Лейнасар и его банда уже не являются и никогда больше не станут опасными. А если потребуется, то их можно ликвидировать в любую минуту. Калнозол рекомендовал обождать до весенней навигации.

2

Из-за отсутствия денег Лейнасар окончательно оставил дом старого Гобы на улице Безделигу и перебрался к Велте. Она приняла его без возражений.

Пригрозить старикам пистолетом и отнять у них деньги он не решился. Много будет шума. А где шум, там и риск.

Выходя за калитку, он еще раз оглянулся на заваленный снегом сад. Все четыре собаки стояли на своих местах и, задрав морды, смотрели на Лейнасара. Уродливо маячили голые ветви яблонь. Яма, противная яма. Но разве вся его жизнь не была такой же ямой? В озлоблении, ненависти, беспомощности и бессилии жил он недели, месяцы. Дни становились длиннее. Выше поднималось солнце, стремительнее бежали ручьи и потоки. Порою было слышно шуршание тающего снега. Шла весна.

И наступил день, когда Фредис опять передал Лейнасару радиограмму. Прочитав ее, Лейнасар вопросительно посмотрел на Фредиса.

- У тебя что, рация во время сеанса испортилась?
- Нет.
- Тогда я ничего не понимаю.
- Тут и понимать нечего. Они оборвали передачу на полуслове.

Лейнасар еще раз прочитал: «Мы готовы к старту. Ждем вашего сигнала. Докладывайте о метеорологических условиях. Цель 1—2 км от Вентспилса около мо...»

— Ты пытался повторно вызвать Герцога?

— Да, но безрезультатно. Связи нет.

Радиосвязь между бывшим радиотелеграфистом судна «Герцог Екаб» Аринем и Лейнасаром никогда больше не возобновлялась. Что во время сеанса случилось с Герцогом, так и осталось тайной.

Для Лейнасара это был новый страшный удар.

Это означало, что никакой лодки не будет. Никогда не будет! Это означало, что он погиб!..

Нет! Нет! Нет! Ни за что в жизни! Ну их всех к чертам! Лейнасар сам найдет выход! Лейнасар сам найдет лодку!

Отчаяние придало новые силы. Всех своих помощников Лейнасар погнал на побережье — раздобыть моторную лодку. Если можно нанять, надо нанять за любую цену. Денег добудут, хоть из-под земли достанут.

Если не удастся нанять, надо украсть!

Осталась одна-единственная надежда — приежу-
силлский рыбак Буллис. После долгих переговоров он наконец согласился снять замок со своей моторки. За хорошие деньги, разумеется.

3

Весь апрель дул резкий ветер. Снег стаял быстро, но зелень не появлялась. В природе все скорее напоминало осень, чем весну. Небо почти всегда было облачным. Только изредка показывалось солнце.

Море, хоть оно и освободилось от ледяного покрова, все еще было мрачным и неприветливым. Медленно, словно нехотя, таяли оставшиеся на берегу ледяные горы. По открытой воде болтались льдины. В шторм они могли оказаться роковыми для лодки. А моторка Буллиса вовсе не была такой надежной, чтоб спокойно довериться ей, да еще при таком количестве людей.

Все говорило за то, что поездку разумнее было бы на две-три недели отложить, пока море под лучами майского солнца не изменит свой нрав и цвет. Но Лейнасара снедало нетерпение. К тому еще этот несуразный случай с радиограммой Герцога. Не хватил же его удар во время сеанса — это ясно. Должно быть, с ним случилось то же самое, что в январе с катером.

Кто-то натравливает шведские власти. Но кто? Должно быть, кто-то посильней Иогансона и его начальников, если они не могут обеспечить все как полагается. Навряд ли тут все зависит от избирательной кампании и межпартийных интриг.

Как узнать, в чем дело? Скорее бы пробраться туда, на месте все видно будет. В убежище им все же не откажут, и Троцик с Иогансоном ведь тоже должны выполнить свое обещание. Если ему в Швеции не понравится, он подастся вместе с Пакалном в Америку или Австралию.

Жаль только, что Велта не едет. Он, конечно, вернется, но не так скоро. События развиваются вовсе не так, как этого хотелось бы. Ассамблея ООН, на которую он надеялся прошлой осенью, ничего не дала, она ничего не дала бы и в том случае, если бы они успели переслать меморандум Велты. Неужели мир в самом деле не повернет на верные рельсы? Не может этого быть. Повернет! Ведь всем диктует свою волю Америка. Она могущественна, Америка, всесильна! А за ним, Лейнасаром, и за его друзьями стоит и будет стоять Америка! Поэтому они не могут не победить. Они победят! Он вернется и останется вместе с Велтой надолго, быть может навсегда. Но станет ли Велта ждать его? И дождется ли он ее? Как знать? А все-таки боевая она, чертовка! Без Велты Лейнасару теперь пришлось бы худо. С голоду подох бы, а об отъезде и мечтать не мог! Сколько надо было одного бензина и масла! Это стоит денег. А денег не было.

Велта привезла из дома и продала на рынке полсвины, и все деньги пошли на подготовку к отъезду. Кое-что собрали и сами отъезжающие.

Да, Велту ему, видимо, сам бог послал, и поэтому все в конце концов образуется. И опять он забыл о поговорке, что надежда — это веревка, которой удавились многие.

Наконец-то все готово. Лейнасар установил место и время сбора. Решили ехать в воскресенье, накануне Майских праздников. Лейнасар понимал, что выбор не очень удачен. Перед праздниками всегда бдительнее следят за порядком. Но быстрее закончить приготовления оказалось невозможным.

Кое-чем воскресный день был даже удобен. На этот раз решили собраться на квартире студента Академии

художеств Крусткална. А для этого воскресенье было наиболее подходящим днем.

Крусткалн помогал организациям райисполкома, рисуя для них разные плакаты, для чего исполком предоставил ему две комнаты на улице Миера, около кладбища, где в небольшом двухэтажном доме помещались мастерские жилуправления и еще несколько учреждений. По воскресеньям ни одно из них не работало, так что дом и двор находились в полном распоряжении Крусткална.

Велта пришла проститься. Лейнасар и это счел хорошей приметой. Велта осталась верна себе! Она принесла с собой две бутылки шампанского.

Поздним воскресным вечером хлопнули пробки, и пенящееся вино разлили в самую необычную посуду, включая несколько ваз из-под цветов, и оно как-то украсило отъезд.

— На этот раз мы хоть можем рассчитывать на собственные силы,— сказал Велте Лейнасар в ответ на шутливый вопрос, когда ждать его обратно.

Милда Риекстинь трижды плонула через плечо, а Пакалн проворчал:

— Если латыш запряг, то он и поедет.

Они-то запрягли, но очень необычно сложилась у них поездка.

Густели весенние сумерки, земля выдыхала сырость, трамваи шли с зажженными огнями. Фредис свернул машину на улицу Миера и через Чиекуркалн выехал на Видземское шоссе. Приближалась Югла. Машина минала зеленый киоск, торговавший пивом и папиросами, за поворотом показался мост, по которому шли несколько пешеходов. В другом конце моста виднелись три стройные фигуры в форменной одежде.

Машина вкатила на мост.

— Черт побери, милиционеры! — прощедил сквозь зубы Лейнасар.

— Автоинспекторы,— поправил его Фредис, замедлив ход машины.

— Поезжай, все равно никуда не деться! — крикнул Лейнасар Фредису. — Не в реку же нам прыгать. Документы в порядке?

— Вообще-то в порядке, только путевки нет. Я ведь предупреждал, что путевку достать не удастся. Путевки сам парторг проверяет.

— Вывернешься, если потребуют?

— Есть двадцать пять рублей на штраф, так вывернусь.

— Найдем. — Лейнасар быстро сунул руку в карман и нашупал там деньги, пересчитал их — хватит ли? Хватит. И он успокоился.

Только машина приблизилась к группе автоинспекторов, как один из них поднял руку.

Фредис свернулся в сторону и остановился.

Инспектор подошел к машине. Фредис распахнул дверцу.

— Госавтоинспекция. Прошу документы^

Фредис медленно расстегнул кожанку и достал шоферские права и технический талон.

— А путевка?

Пауза.

— Путевки нет.

— Гражданин водитель, почему едете без путевки?

— Товарищ инспектор, я же еду...

— Куда...

Фредис, чуть помедлив, ответил:

— Рядом, в Баложи!

— А что за люди?

— Все они в Баложи... на собрание огородников...

Обещал подвезти...

— Вот он» что — на собрание огородников? Пользуетесь государственной машиной для левых поездок. И не совестно вам?

Фредису уже казалось, что он напал на инспектора, который денежным штрафам предпочитает длинные нравоучения, что во сто раз хуже.

— Ладно, уплачу штраф, — перебил Фредис инспектора.

— Вот, — Лейнасар протянул руку с деньгами.

— А вы кто такой?

— Я... я...

— Он тоже огородник.

— Спрячьте свои деньги в карман. Водитель виноват, он и будет отвечать. Высаживайте пассажиров, пускай идут к конечной остановке трамвая, а вы поедете со мной в автоинспекцию.

— Но мне же рядом, в Баложи...

Автоинспектор едва заметно усмехнулся.

— Так вы говорите, что это огородники, на собрание в Баложи едут?

— Так точно, товарищ инспектор.

— Ладно, тут все равно не развернуться. Пускай гражданин пересядет к остальным, а я этот километр проеду с вами, высадим пассажиров — пускай идут на собрание,— а мы поедем в автоинспекцию.

Еще этого не хватало! Увезут за километр от моста, до Баложи, и выкинут! Вот и тащись назад! Надо же такое идиотство придумать! Огородники... собрание.

— Может быть, все же... тут вылезем?..

— Нет, нет, сказано, и все. Пересаживайтесь, пожалуйста.

Проклиная Фредиса и автоинспекцию, Лейнасар забрался в кузов, к остальным, которые, ни живы ни мертвые, ждали, чем все это кончится.

— Ну что? — зашептала Милда.

— Автоинспекция.

У Баложей автоинспектор на самом деле ссадил всех пассажиров и уехал вместе с Фредисом.

Мытарства лейнасаровской банды на обратном пути от Баложи до конечной трамвайной остановки просто не поддаются описанию. Бесконечно далеким казалось расстояние в один километр.

Лейнасар, как только ссадили их с машины, приказал всем вернуться в Ригу, на квартиру Крусткална. Там и решат, что делать дальше. Он выждал, пока вся компания, в одиночку или по два, пустилась в обратный путь. Растворяность и страх не дали сразу прорваться озлоблению. Отправив их, Лейнасар вошел в буфет, находившийся в бывшей баложской корчме. Там прямо кипело людьми, из-за табачного дыма ничего не видно было.

Лейнасар взял бутылку пива и бутерброд. Нашел угол, где еще можно было приткнуться, и, не садясь, принял обдумывать случившееся, стараясь найти выход...

Пока Лейнасар грелся в буфете баложской корчмы, пытаясь пивом залить свое горб, его неудачливые спутники тащились обратно в Ригу. Они проклинали автоинспекцию, Лейнасара (от такого идиота ничего, кроме беды, ждать нечего), проклинали Фредиса.

Чтобы вдохновиться для неприятного разговора со своей компанией, Лейнасар сперва отправился к Белте.

Он хотел оставить у нее чемодан с антисоветскими материалами. Когда и как снова удастся организовать отъезд, пока предвидеть трудно.

Велты не оказалось дома. Задерживаться на лестнице или в ближайшем сквереказалось неразумным, особенно теперь, накануне праздника, да еще с этим проклятым чемоданом. Он даже подумал о том, что чемодан неплохо бы сдать в камеру хранения — хоть руки свободны будут. Но он тут же отказался от этой мысли. И там может случиться что-нибудь неожиданное.

Ничего другого не оставалось, как идти на квартиру Крусткална. В первой комнате Крусткалн еще рисовал первомайские лозунги. Из другой доносились душераздирающие, гнусавые звуки джаза.

— Что там происходит? — спросил Лейнасар Крусткална, измазанного красками.

— Ждут второго пришествия.

Лейнасар распахнул дверь и обвел взглядом комнату. Тут были все, кроме Вилде. В углу гремело радио, настроенное на какую-то заграничную волну. На столе стояло несколько водочных бутылок, а вокруг сидели все мужчины и Милда. Жены Себриса и Герцога, одетые, в грязной обуви, спали на диване. Накурено было в комнате не меньше, чем в буфете баложской корчмы.

Лейнасар подошел к приемнику и выключил его. Наступила тишина, в которой Пакалн прокричал:

В бокале мы жизнь утопили,
Что нам ничего не дала...

— В чем дело? — заорал Лейнасар.

— Последние латыши поминки справляют, — отозвался Пакалн, поднявшись на ноги и тараща на Лейнасара затуманенные глаза.

— Не латыши, а тряпки! — крикнул Лейнасар.

— Тоже верно. — Пакалн, как ни странно, не был склонен ссориться.

— Молчать! Особенно тебе, Пакалн, должно быть стыдно. На фронте ты и не в такие переделки попадал.

— Тут не фронт!

— Тут фронт! Может, еще более трудный, чем когда-то под Волховом. И точно так, как были предатели там, они могут быть и здесь. И точно как справлялись с предателями там, мы справимся с ними и здесь!

— Погоди, погоди, стариk, ты меня не пугай. Я никого на свете не боюсь, кроме белых мышей и красных чертей. Так набери побольше воздуха в грудь и потише выдыхай его,— не сдавался Пакалн.

— Где Вилде?

— Вытер у наружных дверей ноги и смотался.

— Ладно, кончайте болтать! Кто желает, может последовать за Вилде. Три минуты на размышление. С остальными поговорю потом.

Лейнасар вынул часы и стал отсчитывать минуты. Никто не трогался с места. Бунт «тряпок» был подавлен.

Это была последняя победа Лейнасара.

4

Предложение Велты Рейман — размножить хоть на машинке антисоветские листовки и раскидать их в предмайские дни во всех высших учебных заведениях — Лейнасар отклонил. Всякую активность надо было прекратить и не возобновлять. Теперь была только одна задача — вырваться из Советской страны.

Сразу же после праздников Велта уехала в деревню, чтобы наскрести что можно для Лейнасара. Кайминь опять поехал в Приежусилс к Буллису. Надо было еще раз договориться о лодке и передать, что бочку с горючим привезут заранее и спрячут у Буллиса на огороде.

После праздников почти две недели прошли в приготовлениях. Велтиных денег оказалось мало, и каждый отъезжающий должен был добавить по триста рублей. Буллис тоже потребовал приплаты.

Отъезд опять назначили на воскресенье и опять с квартиры Крусткална. Лейнасар явился заблаговременно и, усевшись за стол, проверил все приготовления. Вчера у Фредиса еще не было путевки, но он обещал переставить с другой машины на свою фанерный верх. Хоть с улицы пассажиры видны не будут. Крусткалн приготовил видную издалека надпись: «Экскурсия». Если не достанут путевки, то прикрепят эту надпись к фанерному верху. Фредис утверждал, что экскурсионные машины почти никогда не проверяются. Кроме того, решили ехать на этот раз днем. Потом переждут где-нибудь в лесу, неподалеку от Приежусилса. Главное — добраться до лодки.

Машина еще не появлялась. Лейнасар смотрел через открытое окно на деревья. Весна уверенно вступала в свои права. Уже пробивалась первая зелень. День стоял прохладный и ветреный. Ветер стучал в окно веткой клена. На ней только-только распустились скромные цветы.

Где он видел такую ветвь? Очень, очень похожую на эту. Ему показалось, что именно теперь очень важно вспомнить, где именно он ее видел. И вдруг словно пелена с глаз спала. Точно такой же клен стоял под окном за Даугавой, на улице Дартас. Всю осень и зиму он слонялся по Риге, но у него не хватало смелости сходить туда. Он не раз видел, как там цветет большой клен. Теперь ярче обычного вспомнился весенний день на Дартас, когда он собрал у себя студентов и дезертира из легиона Эрнеста Лагата. Это было давно...

С грохотом вкатилась во двор машина. Лейнасар высунулся в окно. Это был Фредис.

Путевки не было, и к фанерному верху прикрепили надпись Крусткална: «Экскурсия».

Пока усаживали пассажиров и грузили багаж, Лейнасар тщательно изучал по автокарте шоссе Рига — Приежусилс. Автоинспекторов нужно было опасаться только в трех местах.

Когда они проехали два из этих мест и приближались к третьему, Лейнасар коснулся руки Фредиса:

— Послушай, Фредис, я тут сойду, а ты поезжай через мост и жди меня там, где по обе стороны дороги начинаются сосны.

— Что?

Лейнасар повторил.

Фредис с любопытством заглянул Лейнасару в глаза. Страха в них не было, только небольшое беспокойство.

— А не лучше ли всем держаться вместе?

— Мы-то будем держаться вместе, только мост я перейду пешком.

— Мне все равно,— и Фредис хотел затормозить машину.

— Не останавливай, пускай они там, в кузове, ничего не заметят.

Фредис на повороте убавил скорость, и Лейнасар

спрыгнул на шоссе. Сидевшие в кузове в самом деле ничего не заметили. Предосторожность на повороте — и все.

Машина свернула в ольшаник и скрылась. Лейнасар неторопливо пошел к мосту.

Он увидел, как за вторым поворотом рослый автоинспектор остановил Фредиса и открыл дверцу кабины.

Лейнасар перепрыгнул через канаву, зачерпнув туфлями воду, пробежал несколько шагов, скрылся в ольховой чащбе и бросился на землю. Втянул голову в плечи и замер.

Опять автоинспекция? Автоинспекция ли это? Может быть, ловушка?

Если людей отпустят, а задержат автомашину, то это и в самом деле автоинспекция. Надо обождать.

Лейнасар перебрался на более сухое, тоже хорошо защищенное место и стал ждать. Немного приподняв голову, он увидел поворот шоссе.

Лейнасару казалось, что все обошлось. Машина Фредиса не возвращалась. Стало быть, ему удалось вывернуться. Лейнасар уже хотел встать и пойти, как вдруг что-то промелькнуло между деревьями. Неужели?! И Лейнасар впился зубами в собственный кулак. Так он сдерживал стон. Опять все рухнуло! По шоссе, от моста, покачиваясь, ехала грузовая машина. Рядом с Фредисом сидел рослый милиционер. Но где же люди и багаж? Все его вещи остались в машине. Может, на этот раз и людей повезли в автоинспекцию? Надо обождать... Надо обождать...

Он немного успокоился, когда показалась другая машина, груженная гравием, на котором сидели Риекстинь, Милда и оба Пакална со всеми пожитками. Стало быть, их все же ссадили, и они устроились на попутную машину.

Затем на ящиках из-под рыбы в направлении Риги проехали и остальные. Значит, все повторилось, как в прошлый раз. Опять автоинспекция. Ее интересуют только документы машин. Если документы не в порядке, то она саживает пассажиров и возвращает машину в Ригу. Пассажиры и багаж ее не интересуют. Шоферы говорят, что так она поступает не всегда. Иной раз только отметит себе номер машины и сообщает в гараж. А у них это повторилось. Но... не ловушка ли это? Не провокация ли? Два раза одно и то же.

Последние слова загудели у Лейнасара в ушах. «Два раза одно и то же... Ловушка... Ловушка!.. Куда бежать?.. Куда удирать? Что делать? Что-то надо делать! Надо! Но что?! Бежать!.. Только бежать!.. Надо спасаться!.. А остальные? Ну их к чертам! Он, Лейнасар, должен спасти! И пускай они идут ко всем чертям! Сброд!»

Собравшись с силами, Лейнасар встал и вышел на шоссе. Колени дрожали, надо было взять себя в руки. Никто не должен заподозрить его.

Кругом тишина и покой. Автоинспекция уехала. Но волнение не покидало Лейнасара. Он благополучно перешел через мост и, еще больше ускорив шаг, направился на север, где по обе стороны шоссе поднимались стройные сосны. Ни одного проезжего или прохожего. Оглянулся. Со стороны Риги тоже ни одной попутной машины. Но еще этой ночью он должен попасть в Приежусил! Еще этой ночью! Должен попасть! Должен попасть во что бы то ни стало!

Лейнасар свернул с шоссе в лес и побежал. Так бежать, может, придется долго... Надо беречь силы! Силы нужны не только для того, чтобы добраться до Приежусила, они будут нужны и на море!

Как Лейнасар ни берег силы, он через час так устал, что вынужден был присесть и немного перевести дыхание. Он взглянул на часы. В таком темпе он до Приежусила доберется только под утро. Слишком поздно! Еще этой ночью он должен выйти в море! Если не сядет на попутную машину, то все равно никуда не попадет.

И Лейнасар опять вышел на шоссе. В будни тут машин было сколько угодно, но по воскресеньям они шли редко.

Лейнасар шел долго, затем услышал за спиной тарахтенье мотора. На забрызганном мотоцикле ехал человек в полупальто, прикрытом брезентом, и в рыбакских сапогах.

Лейнасар поднял руку. Мотоцикл, чуть попетляв, остановился.

— Чего размахался?

— Не подвезешь? Ногу судорога схватила. Прямо ступить не могу.

— Пол-литра будет?

— Будет.

— Залезай, только покрепче держись. Одну поллитр.

ру я уже раздавил, так что гоню как ангел с чертом вместе.

Если бы мотоциклист ехал до Приежусилса, они попали бы туда еще засветдо, но от места, куда надо было свернуть рыбаку, до Приежусилса было еще порядочное расстояние.

— Если не очень торопишься, то заверни ко мне, пропустим несколько стопок, я тоже не пожадничую, закусим салачкой, а вечерком я тебя в Приежусилс подкину.

— Нет, спасибо, как-нибудь доберусь.

— Ну, как знаешь, всего тебе... — И мотоцикл с приветливым рыбаком свернул с шоссе.

Лейнасар продолжал путь один.

Ветер усилился, идти становилось все труднее и труднее. Но у Лейнасара другого выхода не было. Теперь все поставлено на одну карту — она должна выиграть!

У Буллиса в комнате горел свет. Лейнасар через окно заглянул в комнату. Сквозь запотевшее стекло все же видно было, что Буллис сидит один, чинит сеть и время от времени потягивает из большой глиняной кружки, стоящей рядом на столе, должно быть, самодельное пиво.

Волоча ноги, Лейнасар открыл дверь и перевалил через порог.

— Добрый вечер,— бодро, хоть и тихо, поздоровался Лейнасар, выпрямившись и собрав последние силы.

Потревоженный Буллис приподнял сползшие на кончик носа очки. Узнав Лейнасара, он спихнул с колен сеть и вскочил на ноги:

— Ты что — спятил?

— Почему спятил? Давай скорей бочку с горючим!

— Потому и спятил. Нет никакой бочки. Ведь я послал твоего старика, он на дороге дежурит, поджидает вашу машину.

— Ничего не понимаю... — Лейнасар пошатнулся и ухватился за печь.

— Да что там понимать? Из-за тебя и я чуть в беду не попал. С утра, понимаешь, заходят ко мне уполномоченный милиции с двумя комсомольцами.

♦ Послушай, Буллис,— говорят они,— поступили сведения, будто у тебя на огороде бочка с горючим спрятана».

«Почему спрятана? — говорю. — Это моя бочка, я ее у проезжих солдат купил*.

«А у завскладом рыбозавода как раз одной бочки не хватает», — говорит один из комсомольцев.

♦ А мне-то какое дело до того, что у этого старого бездельника не хватает? Может, у него и винтика какого-нибудь не хватает?»

А уполномоченный милиции говорит:

«Послушай, Буллис, с тобой уже и так много возни было. Оставим лишние разговоры, тебе же лучше будет. Комсомольцы отвезут бочку на склад, и она останется там, пока не выясним; окажется, что бочка твоя, полу-чишь ее обратно».

«Что за глупости, моя это бочка, и мне еще вечером в море выходить...»

«Сколько тебе на сегодня и завтра потребуется, со склада получишь. Из-за горючего на берегу не останешься», — говорит милиционер. Взял да увез бочку. Вот и все.

Лейнасар опустился на стул и подпер голову руками. По вискам заколотили тяжелые молотки.

— А у тебя ни капельки горючего нет? — процедил он наконец.

— Малость есть. То, что в баке было, да еще две канистры. Их твой старик потихоньку наскреб, когда я прибежал к нему.

— Одеяло какое-нибудь или кусок брезента найдутся? Не смогу на веслах, так парус сварганю.

— Брезент лежит в лодке, около мотора. И мачта там валяется.

— Где лодка? — тихо спросил Лейнасар осипшим вдруг голосом.

— Чтобы вы без меня управились, я столкнул ее с песка и привязал к третьему столбу мола. А корма привязана толстым концом к бую, что зачинен некрашеной жестью. В темноте она чуть поблескивает. Другого такого буя нет. Не ошибешься.

— Давай ключ.

— Ты что — один?

— Один.

— А где те, что тут на рождество и после Нового года околачивались?

— Они другой дорогой поедут.

— Дело твое...

- Буханка хлеба есть у тебя?
- Есть. Только нынче хлеб дорогой...
- Вот все деньги. — Лейнасар швырнул на стол пачку денег.

Буханка оказалась большой, но пригорелой. Лейнасар запихнул ее под пальто и, не простившись, вышел в ночную темноту. Из школы доносились звуки танцевальной музыки... «Опять гуляют». Это было кстати. Молодежь не станет шляться по улице и около мола. Будут целоваться в школьном саду. Старики спят по домам.

Лейнасар пришел в рыбакский порт. Маяк почти не освещал ни мола, ни берега. Море грохотало, черное как деготь, волны с шумом разбивались о камни.

Лейнасар начал считать: первый, второй, третий столб... Вот и залатанный буй. При вспышке маяка тускло поблескивала жесть. А где же лодка? Да, там, к столбу что-то привязано.

Лейнасар опустился на колени и нашупал лодку. И вдруг он взвыл, как подраненный зверь. Понял. Лодка тут, только она затонула. Одним прыжком он очутился в лодке, по колено в холодной воде. Буканка покатилась по молу. Он сорвал с головы шапку и лихорадочно стал вычерпывать ею воду. Через миг левая нога провалилась вглубь, и Лейнасар рухнул на ящик мотора. Лодка не затонула. Ее потопили. Выпилили дыру! И затопили. Чтоб он не мог уехать! Никуда он не уедет. Конец ему!..

Лейнасар медленно перелез через борт лодки и выбрался на мол. Вода текла с него струйками. Струйки эти казались холодными змеями.

Но за него отомстят! За ним стоит доцент Зандберг, за ним стоит Тропик! Иrena! Великие державы стоят за ним! Они думают о нем! Они отомстят! Отомстят!..

Лейнасар выпрямился во весь рост, повернулся к родному поселку, сверкавшему сквозь сосны яркими огнями, и, потрясая кулаком, зарычал:

— Будь он проклят! Будь проклят весь этот поселок! Будьте прокляты вы все!

Проклятия раздались в черной夜里 и замолкли. А из поселка доносились веселая танцевальная музыка. Ни морской ветер, ни проклятия Лейнасара были не в силах заглушить веселую, жизнерадостную мелодию.

Лейнасар опустил руку. Все это ложь! Никто за

него не отомстит. О нем уже давно забыли... его бръсили на произвол судьбы... Тяжело ступая, он спустился с мола и берегом пошел в сторону Риги. Чуть погодя он оглянулся. Огни поселка все еще сверкали. Оглянулся еще раз.

«Что я проклял? Свой родной поселок, где мне близок каждый камень, каждый корень сосны, где меня кормили эти шумящие воды. Еще тогда я был неблагодарен тебе, родной поселок! Но и это еще было полбеды. С чего же началась беда? Когда на улице Дартас собрались Альфред, Вилис, Петерис, Янис и Эрнест? А может, еще раньше? Вилис!.. Странным парнем был этот Вилис Кронкалн... На свой страх и риск он искал правды и шел к ней, как слепец к солнцу. Но куда девался Вилис Кронкалн? Ах, да!.. Он погиб... Разве и за это не должен ответить Ансис Лейнасар? Где теперь студент механического факультета Альфред Ола, где студенты-математики Петерис Лобинь и Янис Кеманис? Режут торф где-нибудь на шведских болотах. Разве он не должен ответить и за это? Где Эрнест Лагат? Он не захотел участвовать а затея Лейнасара и теперь, наверное, счастлив. Хоть за него не нужно держать ответа. А вся эта шайка, которая сегодня вернулась в Ригу? Все они с прогнившей сердцевиной, но разве не должен он ответить за то, что тащил их все глубже и глубже? А Вел та? Многоликая Велта Рейман? Разве и за нее не придется ему ответить?

Что теперь с кленом под окном на улице Дартас? Где теперь отличные инструменты? Уже никогда не возьмет он их в руки — они предназначены для трудовых рук. А его руки? Грязные! Противные!

Ха, ха!.. Он совершенно один! Забытый, оставленный, покинутый... Совершенно один. Надо бежать, надо пытаться спасти себя! Надо бежать!»

И Лейнасар бежал. Все быстрее и быстрее. Ветер распахнул пальто, но Лейнасар этого не заметил. Он бежал, и издали казалось, что над темными волнами летит черная птица...

Лейнасар бежал долго. И сам не понимал, почему он бежит? В мозгу что-то кричало: от этого бега зависит все, самое последнее... И он бежал... Но ему только казалось, что он бежит. На самом деле он еле тащил ноги.

Он бросил взгляд в сторону моря, и ему почудилось,

что черные воды устремились вверх по берегу, хотят поглотить его.

Спасаясь, Лейнасар побежал в дюны, запетлял и вскоре очутился на шоссе. Тут хоть не было черных вод, грозивших поглотить его... Вместо них — темная лента дороги, которая может увести далеко, далеко... Когда-то, в детстве, он стоял в вереске и смотрел на огни приближавшегося по шоссе автобуса. От автобуса веяло дыханием неведомых далей, которые так влекли его. Но где и когда он сбился с пути, ведущего в дали, и попал в тупик? Как тогда говорил Вилис? Кто отрекается от своей страны, от своего народа, тот сбивается с пути, ведущего в дали. Да, так говорил Вилис Кронкалын. Может быть, он был прав. Но он, сын рыбака Анисис Лейнасар, вынужден бежать от этой правды, это не его правда. Он проклял все, что свято для человека, он проклял даже свой родной поселок... И поэтому он должен бежать.

И Лейнасар продолжал плестись по шоссе, а ему казалось, что он бежит.

Вдруг лента шоссе осветилась. В лучах света по обе стороны дороги возникали сосны. Лейнасар застыл на месте. Легковая автомашина остановилась совсем рядом. Распахнулась дверца, и чей-то голос проговорил:

— Садитесь лучше, так вам легче будет.

Не думая, Лейнасар влез в машину и в изнеможении плохнулся на сиденье.

— Должен вам, Лейнасар, для ясности сказать, что вы арестованы,— спокойно промолвил чей-то голос.

Лейнасар ничего не ответил.

Довольно долго машина скользила по освещенному шоссе. Все молчали. Кроме шофера в машине сидели еще двое. Лейнасар видел их словно во сне. Страха он не испытывал — только чувство страшной усталости. Он опустил веки. Вдруг сквозь них пробился яркий сноп лучей. Лейнасар открыл глаза. Его ослепило.

Легковая машина свернула к обочине и остановилась. Яркие огни приближались вместе с мощным гулом.

— Что это такое? — невольно воскликнул Лейнасар.

— Везут новые тракторы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая

Силы жизни

Первая глава. Снова «Тень сатаны».....	7
Вторая глава. Отец и сын.....	22
Третья глава. Новые сети.....	31
Четвертая глава. Куда девался Карнитис?.....	39
Пятая глава. В эфире преступник.....	49
Шестая глава. Лейнасар развивает деятельность	80
Седьмая глава. Еще одно правительство.....	92
Восьмая глава. Топор в колоде.....	128
Девятая глава. Фредис Лидак нашелся.....	155
Десятая глава. Огни маяков угасают.....	176
Однинадцатая глава. Лейнасар опять ворошит прошлое	189

ИВ № 5422

Арвид Григулис

КОГДА ДОЖДЬ И ВЕТЕР СТУЧАТ В ОКНО

Часть вторая % СИЛЫ жизни

Редактор Г. Гореловский
Художественный редактор Д. Брейкш
Технический редактор В. Блауа
Корректор И. Грузнова

Сдано в набор 17.04.86. Подписано в печать 13.08.86. Формат 84Х108/32. Газетная бумага. Школьная гарнитура. Офсетная печать. 10,92 усл. печ. л.; 11,34 усл. кр.-отт.; 10,78 уч.-изд.л. Тираж 150 000 экз. Заказ 01951. Цена 70 коп.

Издательство «Лиесма», 226252 Рига, бульвар Падомю, 24. Изд. № 203 (32489) Р-173.
Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна»,
252047 Київ-47, проспект Победы, 50.

Текст набран и сверстан с использованием автоматизированной системы переработки текстовой информации «Каскад-СМ*.

70 к.

Арвид Григулис

КОГДА
ДОЖДЬ
И ВЕТЕР
СТУЧАТ
В ОКНО